

ЧАК ПАЛАНИК • ДЭЛ ХОВИСОН
РЭЙ БРЭДБЕРИ • ДЖОН КОННОЛЛИ
ДЖОН ХАРРИСОН • КЛАЙВ БАРКЕР
САЙМОН КЛАРК • ДЖЕФФ ГЕЛЬ

ВКУС УЖАСА

КОЛЛЕКЦИЯ
СТРАХА

КНИГА-БЕССОННИЦА!

Annotation

Древний вампир оказывается в ловушке на тонущем «Титанике», но рано или поздно он вновь увидит лунный свет... Лучший друг человека превращается в его самый страшный кошмар... Исполняя последнюю волю умершего отца, сын проводит ночь в склепе и попадает в водоворот дьявольского ритуала... С того света не возвращаются, но, если тебя лишили жизни на потеху публике, ты вернешься, чтобы отомстить...

Более 50 авторов — от всемирно известного писателя Рэя Брэдбери до сценаристки Нэнси Холдер, чье имя мы привыкли видеть в титрах культового сериала «Баффи — истребительница вампиров». Более 50 произведений — от научной фантастики до готического романа. Более 50 ваших самых страшных кошмаров о кровожадных вампирах и мстительных призраков.

- [ВКУС УЖАСА:](#)

-
- [ДЭЛ ХОВИСОН](#)
- [РЭЙ ХЭРРИХАУСЕН](#)
- [БАРБАРА ХЭМБЛИ](#)
- [ДЖО Р. ЛЭНСДЭЙЛ](#)
- [ДЖОН ХАРРИСОН](#)
- [РОБЕРТ МАСЕЛЛО](#)
- [ПИТЕР ЭТКИНС](#)
- [ТАНАНАРИВ ДЬЮ](#)
- [МАКС БРУКС](#)
- [ГЭРИ БРЭНДНЕР](#)
- [РЭЙ ГАРТОН](#)
- [ДЖОН ФАРРИС](#)
- [ГАРРИ ШЕННОН](#)
- [Л. А. БЭНКС](#)
- [СТИВ НАЙЛЗ](#)
- [ДЖОИ О'БРАЙЕН](#)
- [ГРЕГ КИН](#)
- [ДЖЕЙМС САЛЛИС](#)
- [ГЛЕН ХИРШБЕРГ](#)

- [КЭЙТЛИН Р. КИРНАН](#)
 - [ДЖЕФФ ГЕЛБ](#)
 - [Об авторах](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

ВКУС УЖАСА:
Коллекция страха. Книга II
Под общей редакцией Д. Ховисона и
Д. Гелба

Посвящается Сью, с любовью и признательностью. Скотту и Джейсону, которые меня создали, а также Джошуа, Хранителю Врат

Дэл Ховисон

Тем, кто все еще любит хорошие кошмары на старой доброй печатной странице — нашим читателям!

Джефф Гелб

ДЭЛ ХОВИСОН

Нелегкое введение ко второй книге

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ во вторую круговерт «Вкуса ужаса». Вы снова собираетесь приоткрыть скрипучую дверь в обитель страха, в ваше сознание. Вам стало неуютно? Нет? Скоро станет. Пододвиньте кресло. Подложите подушку под спину. Надеюсь, из нее не торчит ничего острого и колющего? Свет лампы направлен идеально, он золотит ваше плечо и падает на книгу на коленях. Подождите-ка! Занавески отодвинуты? Мы же не хотим, чтобы кто-то подглядывал за нами во время чтения?

А это что, капает кран? Можно пойти в кухню и закрыть его, но там так темно, а мне только что показалось, будто кто-то дергает дверную ручку, проверяя, надежно ли мы заперлись. Надеюсь, что мы здесь одни. И последний вопрос, прежде чем мы начнем. У вас есть домашнее животное? Нет? А мне показалось, я слышу, как наверху кто-то ходит. Хотя, возможно, это лишь разыгралось мое воображение.

Вы же знаете, как это бывает. Несмотря на холодный ветер за окном, вас бросает в пот. Наверное, перегрелся отопительный котел. И стук из подвала, скорее всего, издает его заслонка. Возможно, придется спуститься вниз и устранить поломку? Кажется, у вас легкое головокружение и перед глазами все немного расплывается. Хочется прочистить горло, хотя бы для того, чтобы услышать живой звук. Но во рту жутко пересохло. стакан воды будет кстати. Ах да, но в кухне все еще темно, и вода продолжает медленно капать из крана. Устойчивый ритм: кап, кап, кап. И вдруг тишина. Как хорошо. Теперь слышен лишь звук вашего дыхания.

Что-то движется в углу комнаты. Вы чувствуете это, почти видите. Но стоит вам обернуться... Нет, кажется, нет. Там ничего нет. Я ошибся. Только ветер шумит снаружи. Слышно, как он шуршит и стучит ветвями. Шорох листьев похож на звук шагов, не так ли? Можно встать, включить свет и выглянуть за дверь.

Ах да, лампочка перегорела на прошлой неделе и у вас не дошли руки ее поменять. Но там ведь наверняка ничего нет. И стон за углом — всего лишь проделки ветра. Старые дома часто так скрипят. Это проседает деревянный фундамент. В такую погоду никто не бродит снаружи. Только безумец отправится во тьму... не так ли?

В такую ночь приятно сидеть дома, уютно устроившись с хорошей

книгой. И вот она. Она у вас в руках. Протрите очки, чтобы ненароком не увидеть того, чего в комнате нет. Стоит ли надевать очки для чтения, чтобы перед глазами расплывалась часть комнаты? Вот и очертания подушек на диване становятся странными. Они похожи на испуганных пушистых зверьков. Да, сознание умеет подбросить нам безумную аналогию, верно? Укутайте ноги пледом. Так уютней и безопасней.

А это что? Как мотылек пробрался в дом? И разве не забавно, что тень его то растет, то уменьшается, прыгая по стенам и потолку? Вы слышите, как он бьется о лампу над вашей головой. Мотылек скоро погибнет и упадет, и снова станет тихо. А может, вы решитесь пройти в кухню за мухобойкой? Ах да, я вспомнил насчет кухни...

Что ж, начинайте читать. Вы сразу забудете о таких мелочах. Хотя... проклятый кран. Он снова начал капать. Так что идти в кухню вам все-таки придется, рано или поздно. Ну ладно. Пора закончить тихий шепот об ужасах. Это была лишь легкая разминка, попытка ускорить ваш пульс. Но он и без того учащен.

РЭЙ ХЭРРИХАУСЕН

Предисловие: акт творения

Я удивился, когда меня попросили написать предисловие ко второй части антологии ужасиков. Я не раз ходил на грани ужасов, я делал фильмы по мотивам фэнтези, создавал гигантских существ, но ни разу не работал с этим жанром напрямую. Я разрабатывал дизайн многих странных существ, но хоррор не вызывал у меня того энтузиазма, с которым к нему относятся соиздатели Дэл Ховисон и Джефф Гелб.

Ужас — их стезя и призвание, и они мастера своего дела. Первая же попытка, сделанная в 2005 году, принесла им премию Брэма Стокера от Ассоциации авторов хоррора и звание лучшей антологии года.

Их послужной список внушает уважение. Джефф составил почти двадцать антологий хоррора, а Дэл (как и его жена Сью) в Бербанке, штат Калифорния, владеет книжным магазином «Темные деликатесы», полностью посвященным хоррору. К тому же оба пишут в жанре хоррор.

Но нашим общим знаменателем является акт творения. У аниматоров и писателей много общего — страсть, воображение, бесчисленные часы, которые мы проводим в одиночестве в маленьких темных комнатах. Наше искусство порождается воображением и воплощается озарениями на основании наблюдений.

К тому же аниматоры и писатели обязательно владеют самыми неожиданными навыками. К примеру, прежде чем анимировать скелет в «Седьмом путешествии Синдбада», я научился фехтовать в голливудской школе, поскольку, чтобы правильно спроектировать модель, хотел знать, как движется меч. Писатель, который намеревается вдохнуть жизнь в свое произведение, должен потратить немало времени на исследование областей, с которыми он не знаком.

Как я уже писал в своей книге «Искусство от Рэя Хэррихаусена», я всегда стараюсь наделить своих героев собственными чертами. Для этого приходится наблюдать, как мой будущий персонаж, человек или животное, ведет себя в жизни, а затем приводить наблюдение в действие. Писатель же в ответе не только за действия, но и за мысли своих героев, поэтому любой профессиональный писатель проделывает вдвое больше работы.

Я часто прохожу несколько промежуточных стадий, прежде чем получаю окончательный вариант; составитель антологий делает то же

самое. Он распределяет слои своей книги от рассказа к рассказу и получает черновой набросок. Он тасует избранные рассказы, пока не получит задуманную структуру книги. Затем, на стадии, когда продукт становится анимацией в готовом фильме, составитель проводит нас по лестнице историй от начала до конца.

В общем и целом процесс нашего творчества приводит к одному итогу: рассказать вам историю и развлечь вас. Обычно мои работы сначала вызывают удивление и восхищение, но могут как напугать, так и рассмешить. Джефф и Дэл хотят вас сначала напугать, а потом заставить задуматься. Чтобы достичь такого эффекта, они наняли для своей антологии лучших из лучших.

Я горжусь тем, что меня попросили написать предисловие ко второй части этой книги. Возможно, когда-нибудь я буду рисовать монстров для экранизации этой антологии. Кто знает? Все в руках Божьих. Я надеюсь, что два «темных» соиздателя продолжат свой квест и снова представят на ваш суд кошмары и ужасы, которые они так хорошо знают и любят. Ну а пока — до новых встреч. И сладких снов!

БАРБАРА ХЭМБЛИ

Рассвет над бегущей водой

Предполагалось, что этот проклятый корабль непотопляем.

Иначе, как вы думаете, ступил бы я на палубу этого ржавого корыта?

На борт я взошел в Шербурге, и тому было несколько причин. Главной из них был тот факт, что «Титаник» прибывал в порт из Саутгемптона на закате, и погрузка велась в темноте. Меня не прельщала мысль о том, чтобы отправить свой гроб багажом, учитывая сопутствующий риск в виде дотошных таможенников, идиотов-грузчиков и нудных уговоров живых сообщников, которые вполне могут полениться проверить, не поставлен ли чей-то гроб (или сундук, большинство из нас предпочитает для путешествий большие двойные сундуки) крышкой вниз под несколькими тысячами фунтов хлама какого-нибудь престарелого американского имбецила. В половине случаев нам все равно приходится убивать сообщников. И чаще всего это просто приятно.

— Ты уверен, что хочешь это сделать, Непье? — осведомился Саймон, который прибыл к докам в закрытом автомобиле, чтобы проводить меня.

Будучи на полтора века старше меня — одним из самых старых немертвых в Европе, — он мог двигаться в сумерках, просыпался немного раньше и, при необходимости, оставался в сознании несколько часов после рассвета, хоть и, разумеется, при наличии защиты от разрушительного солнца.

— Ты не сможешь охотиться на борту. «Уайт стар лайн» очень внимательно следит за пассажирами, даже третьего класса. Все не так, как в старые добрые времена.

— Саймон, ты слишком долго был вампиром, — пошутил я, накрыв рукой его обтянутое перчаткой запястье. — И начал превращаться в старого ворчливого параноика. Как сейчас называют таких людей, старыми перечницами, кажется?

О списках пассажиров я знал все. Я тщательно их изучил.

Прошлой ночью, незадолго до рассвета, мы охотились. Я убил дважды. Я знал, что это будет долгая поездка. Семь или восемь дней от Шербурга до Нью-Йорка. Немалый период времени на борту для такого опасного создания, как я.

Я надеялся, что не принадлежу к числу тех вампиров, которые сходят с

ума после четырех или пяти дней без убийства — тех, кто настолько привык наслаждаться смертью помимо простого питания, что охотится даже в условиях, которые наверняка привлекут внимание властей: к примеру в ограниченном кругу известных людей. Но, признаться, я не знал этого наверняка. Без ежедневных убийств мы начинали утрачивать способность обманывать и подчинять себе разум живых, а допустить этого я не мог.

Впервые за сто сорок лет я собирался отправиться так далеко от Лондона. Впервые с 1722 года, с тех пор как я стал вампиром, я решился пересечь океан.

Немертвые крайне уязвимы во время путешествий. Деньги всегда обеспечивали некоторую защиту в виде подкупа, английских замков, слуг и социального давления. (Вы не задумывались, почему в дешевых приключенческих романах Главный Злодей с длинным именем всегда сказочно богат? Прибыль от процентных облигаций, накопленных за пару сотен лет, буквально поражает.) Но, как мне предстояло вскоре выяснить, бывают и несчастные случаи. И чем длиннее путешествие, тем больше шансов, что все пойдет катастрофически не так.

— За океаном новый мир, Саймон, — мрачно сказал я. — Признай, Европа не может оставаться в прежнем положении. Грядет война. Кайзер вышвыривает политиков за дверь в надежде, что ему бросят вызов. Ты видел их новое оружие: воздушные корабли, зажигательные бомбы, пушки, которые могут уничтожить город, находясь в нескольких милях от него. Мудр тот, кто сумеет вовремя уйти от опасности.

Девяносто пять часов спустя я проклинал себя за эти слова, но кто же знал?

Саймон улыбнулся, хотя улыбался он редко.

— Возможно, ты прав, мой друг. Да будет так. Я верю в твой успех первопроходца и надеюсь, что ты черкнешь мне пару слов. Иди же, если не с Богом, то с благословением равнодушной судьбы, мой злобный лорд... — Он взглянул на имя в моих бумагах. — Лорд Сэндридж.

Саймон надел темные очки и провел меня до барьера, добавив мощь своего разума к влиянию моего, так что багаж был пронесен без проверки. Я поднялся по трапу и обернулся у поручней. Саймон махал мне рукой — тонкая маленькая фигурка на фоне сумерек. Возможно, мой единственный друг среди немертвых.

Мы, видите ли, не самая приятная компания даже для себе подобных.

Затем я отправился вниз, к трюму для багажа пассажиров первого класса, и убедился, что мой гроб-сундук поставлен в пределах

достижимости и не вызвал ни у кого подозрений. Саймон, скорее всего, вернулся домой, позавтракав по пути каким-нибудь доверчивым иммигрантом.

Утром мы причалили в Квинстауне, у побережья Ирландии, это была последняя погрузка перед выходом в океан. После восхода солнца оставаться в сознании чертовски сложно, но я был полон решимости пойти на этот шаг. И не пожалел. Вскоре после того, как я заперся в сундуке — до Квинстауна оставалось еще несколько часов пути, — я услышал крадущиеся шаги и учуял запах мужского пота.

Кто-то наверняка заметил, с каким ревностным вниманием я относился к транспортировке своего сундука, и это привело к одному из глупейших выводов, которыми часто грешат живые. Алчные негодяи! У моего виска зазвенели отмычки. Меня одолевали головокружение и приступы паники — хотя я знал, что этот трюм надежно защищен от солнца, — но я собрался с силами для действия.

Убирайся отсюда, идиот! Живущие не знают, насколько плоть вампира покорна суточному ритму. Я чувствовал себя отупевшим, как от опиума, который при жизни пробовал в «Клубе адского пламени». *Этот корабль смердит американскими миллионерами, а ты пытаешься ограбить сундук обычного лорда Тьмы?*

Открылась внешняя крышка, затем внутренняя. И надо мной нависло круглое небритое лицо с огромными карими глазами, распахнутыми от ужаса.

Я выдавил из себя то, что, надеюсь, прозвучало как устрашающий рев, вырвал отмычки из рук молодого идиота и упал обратно в гроб, захлопывая за собой крышку и поворачивая внутреннюю задвижку. Снаружи всхлипнули, охнули, тяжелые башмаки загрохотали по настилу, а затем по металлической лестнице.

Насколько я понял, грабитель сошел в Квинстауне и пропустил последующие события. А жаль. Этой свинье не помешало бы искупаться.

Однако вовсе не страх ограбления заставил меня приложить все усилия к тому, чтобы оставаться в сознании во время погрузки в Квинстауне. Я напрягал свои сверхъестественные силы, чтобы ощутить каждый звук, каждый голос, каждый шаг на корабле. Я должен был знать, кто поднимется со мной на борт.

Потому что я не был до конца честен с Саймоном, когда перечислял причины, заставившие меня оставить Англию, и не уточнил, почему садился на корабль именно в Шербурге. Никто не любит признаваться в глупейших ошибках.

Что вынуждает меня рассказать о мисс Александре Пакстон.

Я не знал, под каким именем она окажется на борту «Титаника». Ей, видите ли, стало известно, что я слежу за списками пассажиров и изменю свои планы, как только заподозрю ее присутствие на борту.

Очередным трюизмом из инфантильных человеческих историй можно назвать то, что Злобный Лорд-С-Длинным-Именем или порочная Графиня Бланковски выбирают своих жертв из представителей высшего общества, изредка снисходя до среднего класса. Это откровенная глупость, поскольку такие люди всегда взаимосвязаны и следят за жизнью друг друга в маленьких странах, таких как Англия. (Вот еще один повод уехать в Америку.)

Вампиры кормятся в основном бедняками. Мы убиваем людей, исчезновения которых никто не заметит. К сожалению, такие люди, как правило, грязны, отвратительно пахнут, часто находятся на грани истощения, пропитаны алкоголем и совершенно не интересны как собеседники. А мы действительно наслаждаемся игрой в кошки-мышки, неторопливым долгим выслеживанием, смакуя его днями, а то и неделями.

Именно так я познакомился, начал ухаживать, флиртовал, водил в оперу и в итоге убил мисс Синтию Ингл за несколько дней до ее свадьбы с Лайонелом Пакстоном.

Лайонел и его сестра казались мне необычайно скучными, когда мисс Ингл рассказывала мне о них во время наших тайных свиданий, приправленных шампанским и опасностью. Я не позволял своей милой жертве излишних мелодрам и недооценил проницательности ее поклонника. Так или иначе, после ряда событий, слишком запутанных и сложных, чтобы сейчас их перечислять, я вынужден был убить и Лайонела.

И Александра начала охотиться на меня.

Она вошла на борт в Квинстауне в самую последнюю минуту. Излишняя предосторожность с ее стороны, ведь, как я уже говорил, солнце стояло высоко и я не смог бы подняться на палубу, даже если бы меня не одолел дневной сон. Но я узнал о ее присутствии, находясь в трансе вампирского сна: ощутил аромат сандала и ванили — так пахла ее любимая пудра, услышал стук острых каблучков подоскам настила.

И сердце мое оборвалось.

Я не мог убить мисс Пакстон на борту «Титаника», не учинив грандиозного шума. После чего меня наверняка заперли бы в каюте, а поскольку каюты здесь оснащены иллюминаторами, у доброго капитана Смита впервые появилась бы интересная тема для записи в корабельном журнале.

Целью мисс Пакстон, в отличие от меня, не было выживание. Я знал и помнил по последней встрече, что на ее запястьях и шее будут серебряные цепочки, способные расплавить мою плоть при соприкосновении. К тому же у нее наверняка с собой револьвер с серебряными пулями, и мисс Пакстон без промедления им воспользуется.

Я также знал, что она поразительно меткий стрелок.

Я не смогу объяснить вам, как именно мертвые узнают, что наступил безопасный час для выхода из убежищ. Среди нас есть те, в ком даже сумерки полярной ночи вызывают панику и жжение в дневные часы; есть те, кто может вспыхнуть и сгореть, когда утренние звезды еще видны на горизонте. Наше чутье подобных материй невероятно сильно, а те, кому его не хватает, как правило, недолго остаются вампирами.

Я покинул свой гроб-сундук, как только ощутил, что настала безопасная пора — примерно половина шестого вечера, — поднялся по нескольким лестницам мимо площадки для игры в сквош, прошел вдоль кают матросов и пассажиров третьего класса, затем по служебному коридору, который здесь именовали «большой шотландской дорогой», сквозь толпу пассажиров, потом по запасным лестницам и вскоре оказался у своей каюты первого класса на палубе В. Рекламные оды «Титанику» особо подчеркивали тот факт, что пассажиры первого класса могут не беспокоиться о таких вещах, как наличие на корабле простых смертных — еще одна причина, по которой я выбрал это судно. Остроглазые стюарды тщательно следили, чтобы тех, кто пожелал отгородиться от простого люда, никто не беспокоил. Но, как и большинство живущих (и слава Богу), судили они в основном по внешнему виду.

Я был занят светской беседой с юной очаровательной супругой престарелого американского миллионера, когда дверь внизу распахнулась и на палубу проскользнула мисс Пакстон.

Платье наверняка обошлось ей в половину наследства, оставшегося от почившего брата. Она была одета в синий бархат с кремовыми кружевами на лифе. Небольшой плюмаж из кремовых перьев, удерживаемых синим драгоценным камнем, служил украшением ее буро-мышинных волос. Мисс Пакстон была довольно высокой, из тех, кого американцы называют «здоровыми, дюжими», отличалась длинной челюстью, узким носом и пронзительным, жутким взглядом серо-голубых глаз. В левой руке она держала синюю бархатную сумочку, правую обернула кружевной шалью, скрывая кисть и то, что в ней могло быть. Я сбежал, как заяц, прежде чем она меня заметила.

— Эта юная особа, — сказал я главному стюарду, вложив в его ладонь

сотню американских долларов, — самозванка и наглая притворщица. Она преследует меня уже несколько месяцев. Не знаю, под каким предлогом она попытается подобраться ко мне на этот раз. И не желаю этого знать. Я лишь хочу, чтобы до конца нашего плаванья эту мисс держали подальше от меня, от моей каюты и от комнат, в которых я могу оказаться. Это ясно?

— Да, сэр. Не беспокойтесь, лорд Сэндридж.

Стоило мне войти в столовую, как я тут же подвергся шумной атаке — на меня прыгнул пекинес одной из американских матрон. Я всегда считал, что этих мерзких маленьких хищников нужно держать взаперти.

Естественно, вопрос о мисс Пакстон не решался простейшими мерами. Она догадалась, что я буду путешествовать первым классом, и вложила немислимое количество средств в первоклассный гардероб, поэтому я не мог быть уверен, что не столкнусь с ней во время променада на палубе А. И не мог оставаться в своей каюте ночью, когда не спал. Мисс Пакстон наверняка будет искать меня там. Из шепотков в каютах стюардов и горничных (поверьте, две закрытые двери и болтовня американских выскочек — не помеха для вампирского слуха) я выяснил, что она вербует сторонников, рассказывая сказки о лишении наследства и попытке изнасилования.

Мисс Пакстон с железным упорством преследовала меня, пока не закончилась первая ночь. Мне пришлось переодеться в неброскую пару брюк и твидовый пиджак, чтобы спрятаться на палубе третьего класса в толпе ирландцев.

Незадолго до рассвета я вернулся в сундук, заменявший мне гроб, но сон не принес облегчения.

Весь этот и последующий день я слышал шаги мисс Пакстон, чуял запах ее крови и пудры. Во тьме моего сна она пробиралась в грузовой трюм.

Она пробралась в мои сны.

Она и море.

Как любезно указал в своем «Дракуле» мистер Стокер, мы можем пересекать текущую воду лишь во время прилива и отлива. Он не солгал. Я до сих пор помню, как мой Мастер стоял у начала лондонского моста и приказывал мне его перейти. То, что я тогда испытал, нельзя выразить словом «ужас». Я чувствовал тошноту, парализующую слабость, словно сама смерть ядовитым туманом поднялась с реки и отравила мое тело. Мастер, мерзавец, высмеял меня тогда, и чтобы перебраться через мост, мы наняли кэб. Позже мы обитали в лондонской подземке. Он учил меня фокусировать сознание, несмотря на панику и дезориентацию, но я, как и

все вампиры, бешено ненавидел утрату способности затуманивать разум живых.

Именно это больше всего беспокоило меня во время апрельского путешествия. Я мог льстить, очаровывать, подкупать это вкусно пахнущее, теплокровное, светящееся алым лакомство, но не мог напрямую внушать доверие и не имел власти над происходящим.

Я не мог заставить людей влюбиться в меня и забыть об опасности.

Не мог погрузить их в транс и заманить в угол палубы, не мог остановиться у двери каюты и проникнуть в их сны.

Я был ограничен во всех своих замыслах и средствах. И даже более того, поскольку серебро могло оставить ожог на моей коже, а солнечный свет превратил бы меня в кричащий факел.

А если эта паршивка — почти одного со мной роста, весьма сильная для женщины — сможет каким-либо образом столкнуть меня за борт, я буду парализован водой. И камнем уйду на дно, как предупреждал меня Саймон, поскольку превращение в вампира меняет человеческую плоть. Мы обретаем идеальное тело: одни мускулы и никакого жира.

А именно жир позволяет человеку плавать. (Саймон дока в таких вещах. Он провел научное исследование нашего состояния и с тех пор к месту и не к месту бравировал своими познаниями.) Солнечный свет не проникает в глубины океана, поэтому я не умру, я буду «всего лишь» придавлен невыносимой толщей воды и скован ее холодом. Двигаться я смогу лишь на протяжении нескольких минут, когда луна вызовет прилив. А затем магия воды снова усилится, и течения поволокут меня согласно своей воле.

При этом я буду в сознании, заверил меня Саймон. (Черт побери, откуда он об этом знал?) Я смогу мыслить в месте, которое более всего похоже на Дантов ад.

А если мисс Пакстон ранит меня серебряной пулей, пусть даже и не в сердце, самым подходящим местом для моего несопротивляющегося тела будет, естественно, жижка за бортом.

Примерно такие сны вились вокруг меня под стук ее каблучков по палубе.

В ночь на 14 апреля путешествие было отвратительным до 23:39.

В тот воскресный вечер я нанес краткий визит в столовую. Этого было достаточно для того, чтобы стюарды и чрезмерно любопытные пассажиры не решили наведаться в мою каюту днем, интересуясь состоянием моего здоровья. Я рассказал им, что слишком измучен морской болезнью и у меня совершенно пропал аппетит. Большинство старых вампиров не выносят

запаха человеческой еды. Я же наслаждался им, к тому же мне нравилось наблюдать за спектаклем, который устраивали соседи по столу. Они поглощали невероятное количество вареного лосося под нежным соусом, жареных утят, голубей, кресс-салата и винегрета с аспарагусом, фуа-гра, эклеров... И не стоит забывать о галлонах коньяка и различных вин. Такие привкусы остаются в крови на несколько часов...

Моей привычкой на «Титанике» стало постоянное передвижение по палубам первого класса. С того памятного четверга мисс Пакстон не появлялась на палубах А и В, но дважды — у Пальмового сада, за курительной комнатой первого класса, и в коридоре возле своей каюты — я учуял аромат ее пудры. Эта женщина все еще искала путь на палубу для избранных.

И могла поджидать меня с пистолетом в руке за любым из углов.

Поэтому я старался держаться в носовой части корабля — с конца палубы В открывался отличный вид и было недалеко до курительной комнаты. Оттуда я и заметил темную громаду почти прозрачного льда, дрейфующую наперерез кораблю.

Пребывание в открытом море не повлияло на мою способность видеть в темноте, равно как и на способность чухать запах пудры мисс Пакстон. Айсберг был в нескольких километрах от корабля, практически невидимый человеческому глазу. Океан под безлунным небом был спокоен, даже пенные барашки не расходились от основания глыбы.

Прошлой ночью, во время своих скитаний по кораблю, я услышал чей-то разговор. Речь шла о предупреждении, полученном с идущего на восток американского парохода, а ближе к обеду температура воздуха заметно упала.

О том, что «Титаник» может затонуть, я беспокоился не более остальных пассажиров. Корпус корабля был разделен на водонепроницаемые отсеки, которые закрывались простым нажатием кнопки. Куда больше меня волновала вероятность того, что один из пассажиров (к примеру ваш покорный слуга) будет обездвижен (к примеру серебряной пулей, выпущенной в спину) и сброшен за борт, а этого никто не заметит. Возможно, расследование со временем докажет виновность мстительной мисс Пакстон, вот только *мне* от этого легче не станет.

Я спустился на палубу С и ниже, к лестницам в грузовые отсеки, откуда «шотландская дорога» вывела бы меня к парадной лестнице. Оттуда можно было подняться на шлюпочную палубу, в конце которой находился мостик.

Там, распахнув дверь, ведущую на лестницу для слуг, она меня и

перехватила.

И тихо сказала:

— Я поймала тебя, злодей!

— Шельма, — так же тихо ответил я.

Мисс Пакстон подняла руку, и я увидел пистолет. Неподалеку находились жилые отсеки, и звук выстрела наверняка привлёк бы внимание. Проблема была в том, что с тридцати футов мисс Пакстон не промахнется. Пуля, даже не попав в сердце, может причинить огромный ущерб моей плоти и обездвижить меня, что станет приятным сюрпризом для корабельного врача. Будь мы на суше, я бы схватил эту женщину прежде, чем она выстрелит.

Но здесь я не доверял своим рефлексам. Поэтому развернулся и прыгнул в поперечный коридор, который, как я надеялся, вел к служебному входу и второй лестнице наверх. Каблучки мисс Пакстон стучали у меня за спиной, она почти не отставала от меня. Я нырнул в залитый белым светом тоннель и на миг поддался искушению спрятаться в тень под ближайшей лестницей и схватить преследовательницу, когда она пробежит мимо — так поздно ночью я с легкостью мог бы сбросить её бесчувственное (или мертвое: я не ел уже несколько дней и был голоден как волк) тело за борт.

Но у мисс Пакстон был пистолет. А по опыту я знал, что она будет громко кричать. Я повернул на ближайшую лестницу, ведущую вниз, и очутился на палубе F в лабиринте площадок для игры в сквош и кают второго и третьего класса. Я все еще слышал ее шаги, но теперь они, похоже, удалялись. Просто поразительно, как металлические коридоры отражали и искажали звук! Добавьте к этому рев моторов, и вы поймете, почему даже мой сверхъестественный слух меня подвел. Главная лестница проходила через обеденный зал, самое удобное место для перехвата. Но была и другая, поменьше, за турецкими банями, которой я и воспользовался. Сокрушительный удар заставил корабль задрожать и сбил меня с ног, сбросив обратно к основанию лестницы.

Помнится, я ни секунды не сомневался в том, что мы столкнулись с этим чертовым айсбергом.

Только люди могли так долго его не замечать. Он же возвышался над кораблем, блестящий, хотя и темный. Это был практически чистый лед, полупрозрачный, без снежных наносов. Я понимал (благодаря все тому же Саймону, который, когда я наконец доберусь до Лондона, без промедления выпалит: «Я же тебе говорил!»), что, когда верхняя часть айсберга тает, баланс меняется и айсберг переворачивается подводной стороной вверх. Темная же сторона не так заметна, она не отражает свет, да и ночь была

безлунной. И все же...

Я вцепился в поручни и прислушался. Лампы по-прежнему ярко светили, и после первого удара корабль больше не дрожал. Но стоило мне потянуться чувствами вовне — вперед и вниз, на палубы подо мной, — как я услышал приглушенные мужские голоса, грохот лихорадочной деятельности и рев воды, бьющей в отсеки со скоростью пожарного гидранта.

И я подумал: *«Проклятье, если затопит отсек с багажом первого класса, мне конец!»* Мне стыдно вспоминать, в каких выражениях ко мне пришла эта мысль, но в тот момент я мог думать только о своем светонепроницаемом двойном сундуке и о двух симпатичных иллюминаторах в моей каюте. Я понятия не имел, как проходит процедура эвакуации пассажиров и багажа в «Уайт стар лайн» и когда к нам доберется другой корабль, чтобы забрать пострадавших. Не было никаких гарантий, что это произойдет после захода солнца.

С другой стороны, подумал я, благодаря всем этим беспорядкам мне легче будет избавиться от мисс Пакстон, пока она не подумала о том же и не опередила меня.

Но вначале сундук.

Багаж первого класса располагался на палубе G, в носовой части корабля. Проходы были достаточно широкими, чтобы можно было вынести сундук на палубу C. Я зашагал по все еще пустынному коридору — члены команды спали, когда только могли, ленивые мерзавцы! — и вдруг услышал, как останавливаются двигатели.

Тишина, воцарившаяся на корабле впервые после отхода из Квинстауна, показалась мне громче любого грохота.

И я был не единственным, кого эта тишина обеспокоила больше, чем столкновение с тысячами тонн льда. Начали распахиваться двери, мужчины и женщины — в основном молодые и растрепанные со сна — выглядывали в коридор.

— Что случилось?

— Почему мы остановились?

— Мы столкнулись с айсбергом, — сказал я. И достал из кармана смокинга пачку банкнот. — Мне требуется помощь: нужно вынести мой сундук из грузового отсека. Там лежат бумаги, которыми я не могу рисковать.

Конечно же, я мог бы вынести сундук в одиночку, но лишь предварительно помахав рукой надежде на то, что меня не заметят, не засыпят вопросами и не подвергнут надзору до конца путешествия.

— Простите, лорд Сэндридж. — За моей спиной возник офицер Боксхолл, застегнутый на все пуговицы и крайне взволнованный. — Нам понадобятся люди, для того чтобы эвакуировать почту, на случай если вода доберется до ловердека. Возвращайтесь в свою каюту, я отправлю к вам человека, как только появятся свободные руки. На данный момент повреждения незначительны, но через полчаса мы выясним все детали.

Я мог бы сказать ему, что вода грохочет уже в нескольких отсеках под нами, но рассудил, что он и так об этом вскоре узнает. Одна из горничных присматривалась ко мне с особым вниманием. Это была толстощекая рыжеволосая уроженка Йоркшира, которую я не раз видел в компании мисс Пакстон. Она поспешно зашагала прочь, лавируя между быстро растущими группами obsługi. Итак, возможность подождать в каюте только что исчезла.

И все же, подумал я, до полуночи осталось всего десять минут. Если грузовой отсек будет заполнен матросами, спасающими тюки с почтой, я смогу затуманить их разум и сам унести свой сундук.

Или убить мисс Пакстон.

Задолго до рассвета, размышляя я на ходу, я буду знать, стоит ли мне перебраться на другой корабль или лучше спрятаться в светонепроницаемом надежном уголке «Титаника», пока будут идти ремонтные работы. При минимуме везения я смогу очаровать парочку ремонтников.

Мисс Пакстон наверняка была на палубе В, направлялась к моей каюте. На палубе С какие-то шведы и американцы из третьего класса все еще смеялись и играли осколками льда. Прогулочная зона палубы В была практически пуста, самые смелые пассажиры кутались в пальто и толстые свитера. Молодой человек в вечернем костюме показал мне осколок льда и бросил его в свой стакан.

— Я видел, как эта штука проходит мимо. Потрясающе!

— Как думаете, корабль не сильно поврежден? — спросила пожилая леди, висящая на руке еще более дряхлого супруга.

— Господи, ну конечно же нет! Сам Господь Бог не смог бы потопить этот корабль.

Саймон перекрестился бы, хоть он и вампир.

Да и я, если бы мне снова довелось оказаться в подобной ситуации — упаси меня, Боже! — тоже перекрестился бы.

К тому времени я понял — немертвые чувствительны к подобным материям, — что палуба под ногами уже ненадежна. При том количестве воды, которое пролилось в пробоину, меня это не удивило. Я поднялся к

станции Маркони на шлюпочной палубе — к отсеку, где телеграфисты бешено стучали молоточками.

— Мы отправили сообщение «Калифорнии», но отклика нет, — ответил на мой вопрос один из них. — Этот паршивец, наверное, все выключил и отправился спать. Он мне все уши простучал, пока я возился с сообщениями для пассажиров. «Карпатия» примерно в шестидесяти милях к югу от нас. Ей понадобится часа четыре или пять.

Четыре часа означали, что корабль прибудет в темноте, размышлял я, возвращаясь к своей каюте, чтобы найти там преследовательницу. Но через пять часов рассвет.

А значит, коль скоро мисс Пакстон будет устранена, мне придется так или иначе возиться с сундуком. Я должен спрятаться в нем раньше, чем взойдет это проклятое солнце. Никогда, поклялся я, никогда больше не стану путешествовать без крайней необходимости! Одно чертово осложнение за другим.

Запах мисс Пакстон я различил еще в коридоре. Он был сильным и свежим, но ее самой нигде не было видно. В других каютах слышался гул голосов — женщина жаловалась на то, что придется выйти на палубу, а там холодно. Забавные опасения, но ни паники, ни беспокойства в голосах не было. Я сделал еще несколько шагов, прислушиваясь и принюхиваясь.

Мисс Пакстон была в моей каюте.

Ну конечно. Ее наверняка впустила горничная.

И все оказалось проще, чем я думал.

Полночь воцарилась в небесах, и я закрыл глаза. Я потянулся к ее сознанию во тьму каюты. И начал оплетать нежной вуалью сна, слой за слоем.

Мягко, мягко... Я уже проделывал с ней подобный фокус, еще в Лондоне, поэтому действовать нужно было осторожнее, чем обычно. Мисс Пакстон знала, на что похоже такое влияние, и начала бы сопротивляться, ощутив его снова. И все же она устала от бесконечных поисков. Я почувствовал, как мисс Пакстон задремала. И зашептал ей голосом реки Шер, на берегу которой она в детстве играла со своим братцем-идиотом, голосом ветра в ветвях прибрежных ив.

«Спи... спи... ты дома и в безопасности. Родители присматривают за тобой, и не может случиться ничего плохого...»

У меня было всего десять минут, когда вечер сменялся ночью, а расположение Земли и звезд (как объяснял мне Саймон) становилось оптимальным и помогало преодолеть жуткое воздействие течений. Сохранять неподвижность, сосредоточившись на юной женщине в каюте,

было сущим мучением. Я чувствовал, как отпущенные мне мгновения утекают сквозь пальцы, и считал, сколько шагов понадобится, чтобы пройти по коридору, открыть дверь и погрузить клыки в ее шею...

Образ, который лучше не допускать в сознание, пока я нашептываю ей: *«Спи, отдыхай, тебе будет удобнее, если ты снимешь эти тяжелые серебряные цепи. Все хорошо, ты в безопасности... А они тебе так мешают...»*

Я ощутил, как мисс Пакстон теребит пуговицы воротника (и почему женщины так любят носить вещи, которые застегиваются сзади?). Увидел ее внутренним взором: сидящую в кожаном кресле, бессильно откинувшую голову на подушку растрепавшихся волос. Непослушные пальцы трогают горло...

«Спи...»

Замок ожерелья был большим, тяжелым и надежным. Вот шельма. Наверняка специально выбрала такой именно потому, что расстегнуть его в полусне или трансе было непросто. Проклятье, сколько минут или сколько секунд осталось?..

Мягче, тише, Лайонел просит у тебя цепочки. Ты должна снять их и отдать ему...

Я услышал шепот ее сердца: *«Лайонел!»* — и ощутил, как по ее щекам текут слезы. Во сне мисс Пакстон увидела брата, такого же толстого и глупого, каким он был при жизни. Брат держал ее за руку. *«Мне нужно серебро на свадьбу, старушка. Шафер не может явиться без серебряных украшений. Новые правила».*

Она выпустила револьвер и принялась за застежку обеими руками. Замочек поддался, серебряные звенья потекли вниз, упали ей на грудь. Остались считанные секунды, но их достаточно...

Я стремительно двинулся по коридору, и тут это жалкое, отвратительное создание, эта волосатая ошибка природы — пекинес американской матроны — выскочил из ближайшей каюты и вцепился мне в лодыжку. Зубы этой твари не повредили бы и сухой корки, не говоря уже о вампире, который преследует беззащитную жертву, но даже вампир споткнется, если под ноги ему влетит пять килограммов мохнатой дряни.

Я успел сгруппироваться, как кошка, но сверхчеловеческая скорость сыграла против меня. Поганец вскочил на лапы и разразился бешеным лаем. Его хозяйка появилась в дверях в тот самый миг, когда я занес ногу, чтобы разmozжить череп этому выкидышу.

— Как вы смеете, сэр! Иди к мамочке, Солнышко!^[1]

Секундой позже мисс Пакстон с расстегнутым воротом,

растрепанными волосами и с пистолетом в руке возникла в дверях моей каюты, целясь в меня с расстояния шести футов...

Полночь закончилась.

Я сбежал. Миссис Харпер (так ее, кажется, звали), подхватившая на руки свою адскую гончую, загородила собой коридор и стала помехой на линии огня, что подарило мне жизненно важные секунды. Я скатился по лестнице и нырнул в ближайший коридор. Мисс Пакстон летела за мной, как фурия.

Коридоры постепенно заполнялись людьми. Мои соседи по первому классу щеголяли самыми разными видами пижам, свитеров, плащей, купальных халатов и спасательных жилетов. Все дружно жаловались на то, что им придется выйти на холодную палубу, и столь же дружно мешали мисс Пакстон прицелиться, а мне оторваться от погони. Я толкался, уклонялся, прятался за людьми. Наконец я спустился в коридор палубы В, который вел к грузовым отсекам. Лампы все еще горели, но если они погаснут — я надеялся на это, учитывая прибывающую воду, — мисс Пакстон окажется в моей власти.

К тому времени как я добрался до «шотландской дороги», пол уже ощутимо кренился. Коридоры были заполнены членами команды. У спуска спиральной лестницы, ведущей к палубам Е и F, я резко затормозил и вздрогнул от тошнотворного шока. Подо мной была яма с зеленой водой, жутковато подсвеченная оставшимися внизу лампами.

И уровень воды был *высоким*.

Позади меня рывкнул пистолет, и я развернулся. Коридор был все еще заполнен членами команды, но между мной и аварийным трапом, на котором появилась мисс Пакстон, не было никого, и никто не пытался ее остановить. Да и не думаю, что этой сумасшедшей помешали бы чьи-либо попытки. Возможно, ее сказки о моем вероломстве разошлись среди команды, а возможно, они лучше нас представляли, что происходит под нашими ногами. Но факт оставался фактом: мисс Пакстон стояла с пистолетом в руке. Ее выстрел был точным, и я знал, что первый же взгляд на рану подтвердит: рана смертельна. Но я пил кровь тысяч крестьян, фабричных рабочих, проституток и уличных мальчишек на протяжении ста сорока лет вовсе не для того, чтобы меня убила разъяренная баба из третьего класса.

Я принял единственно возможное решение.

Когда мисс Пакстон выстрелила, я упал у поручней, перекатился и рухнул вниз, в нефритово-зеленый колодец морского ада.

Вода оказалась ледяной, как я того и ожидал.

Сознание раскололось, разум онемел. Я закричал, и мои легкие заполнились водой — чертовски здорово, что я много лет назад отказался от необходимости дышать. Я помнил, как смотрел на мисс Александру Пакстон сквозь толщу зеленой воды. Она смотрела на меня, все еще сжимая пистолет.

Я был в сознании. Я чувствовал, что способность двигаться вытекает из меня, как кровь из разорванной артерии. До тех пор пока мисс Пакстон там, я не должен шевелиться. Мне следовало убедить ее в том, что я мертв. А она все стояла и смотрела — злорадствовала, жалкая корова! — целую вечность.

И вот наконец плюнула в меня и отвернулась.

На то, чтобы добраться до двери к палубе F, мне понадобилось несколько минут медленного и неуклюжего барахтанья. Пальцы застыли, как биты для крикета, и я не знаю, сколько времени ушло на попытки открыть дверь. Мозг тоже казался крикетной битой, его едва хватало на то, чтобы сориентироваться — где, черт ее дери, лестница, ведущая наверх, к палубе E? — в этом кипящем водовороте ужаса, шока, невероятной слабости и кошмарной паники.

Я пребывал в слепой уверенности, что этот чертов корабль утонет, несмотря на водонепроницаемые отсеки.

До меня доносились неимоверно далекие голоса.

Голоса, говорившие: «Мы тонем с дифферентом на нос».

Голоса, упрямившие: «Мэри, ты должна сесть в шлюпку, я догоню тебя позже!»

Голоса, кричавшие: «А ну назад! Сначала женщины и дети!»

Гораздо ближе ко мне гремели шаги и слышался испуганный лепет на шведском, гаэльском, арабском, японском: пассажиры третьего класса пытались разобраться в переплетении коридоров и выбраться наверх. Члены команды кричали им сдать назад, оставаться в каютах, пока их не позовут к шлюпкам. Но я бывал в море, Господи спаси, я ходил на кораблях, когда был еще жив, и слишком хорошо знал, сколько человек поместится в шлюпки такого размера, как те, что на «Титанике».

Мне нужно было добраться до шлюпочной палубы раньше, чем они выпустят иностранных свиней и позволят кому-то занять место, которое я оплатил вместе с билетом первого класса. И раньше, чем свиньи поймут, что места в шлюпках им не хватит, и вырвут своими грязными лапами власть из рук корабельной команды.

Борьба была воистину адской: я вспоминал описание пятого круга Дантового ада, где грешники пребывают в вечной неподвижности на

вязком дне подводами Стикса. У них осталось лишь одно утешение: воды Стикса теплее, чем Атлантический океан в апреле. Вода нулевой температуры воздействовала на вампиров почти так же, как на живых, с той только разницей, что страдания длились дольше, а живым нужно было еще и дышать. Помимо парализующего холода была еще сокрушительная дезориентация, проклятие океанской воды — живой воды. Временами я просто застывал, сражаясь за способность пошевелить рукой или оттолкнуться ногой от металла сжимающихся стен, и это было похоже на попытку остаться в сознании на крайней степени истощения. Я приходил в себя, с трудом продвигался на фут или два, а затем паралич накатывал снова, и справиться с ним было труднее.

Периоды оцепенения становились все дольше, секунд лихорадочной деятельности было все меньше. Я чувствовал, как стены, корпус, палуба все наклоняются, вес воды в трюме увеличивается вдвое, вчетверо, впятеро, и беспомощно замирал, в полной мере сознавая ужасающую глубину океана под килем.

Не знаю, как я не сошел с ума. Не от страха, что умру, когда корабль переломится пополам и начнет опускаться на дно, а от осознания полной уверенности: *я не выберусь, и никогда не смогу этого сделать.*

Никогда.

По неизвестной мне причине я был полностью в курсе того, что происходит на палубе, в то время как продолжал спазматические, агонизирующие, беспомощные попытки выбраться к лестнице и выжить. Даже громкая музыка оркестра не скрывала кошмарной ясности каждого разговора, каждого шага, треска веревок, которые звенели от напряжения, опуская на воду спасательные шлюпки. Офицеры продолжали свое «сначала женщины и дети», а женщины и дети, кретины безмозглые, искали любой повод остаться на корабле, потому что там было теплее. Лишь немногие мужчины спокойно покинули корабль на первых шлюпках, поскольку женщин, желающих занять свободные места, было совсем немного. Позже я узнал, что в первой шлюпке было всего двенадцать человек. Жалкая миссис Харпер села в шлюпку не только с мужем, но и со своим чертовым пекинесом на руках.

Однако стены вокруг меня продолжали крениться с пугающей скоростью, и первоклассные идиоты (я использую этот термин осознанно) поняли, что с кораблем что-то не так. К тому времени, как я наконец выбрался, жалкий и мокрый, по лестнице до палубы D и поплелся по никем не охраняемой служебной лестнице выше, нос корабля уже ушел под воду, а на борту осталось не более пяти шлюпок.

Не хочу вдаваться в детальное описание того, как вели себя почти две тысячи мужчин и женщин в попытке добраться до ста шестидесяти посадочных мест, единственного способа вырваться из лап смерти. Кто угодно, прожив почти две сотни лет в большом городе вроде Лондона, наверняка не раз видел толпу. Пассажиры «Титаника» вели себя не так уж несдержанно. Да, членам команды пришлось создать живой заслон у шлюпок и угрожать пистолетами любому, кто попытается прорваться, не являясь при этом женщиной или ребенком. Да, мужчины бросились к другим шлюпкам (я был слишком далеко и не успевал к ним, будь они все прокляты!).

Поразительно, но свет все еще горел, а оркестр продолжал играть, внося в происходящее странный диссонанс, но все же, как я понял, именно это заставляло остальных сохранять человеческий облик. Одному Богу известно, как все это происходило бы в темноте, где единственным звуком был бы стон перегруженной арматуры корабля, готового разорваться пополам. Я уже давно отказался от мысли вернуться за сундуком или убить Александру Пакстон. Гораздо позже я узнал, что она, убедившись в том, что «убила» меня, отправилась прямо на шлюпочную палубу и села в одну из первых шлюпок. Она вернулась в Англию и, к сожалению, благополучно дожила до старости.

Сука.

Что же касается меня, то все мои мысли были сосредоточены на том, как добраться до шлюпки. Я надеялся, что спасительный корабль появится прежде, чем ночь сдаст свои позиции. Ведь на борту «Титаника» находились самые богатые люди мира! Наверняка другие корабли на всех парах несутся им на помощь.

Разве нет?

Помимо обычных спасательных шлюпок на «Титанике» было четыре складные парусиновые лодки. Две из них уже были собраны, одна отправилась в море, когда закончились деревянные шлюпки. Еще две бесполезно лежали на крыше офицерских жилых помещений. Они были так тщательно опутаны веревками, что быстро снять их не представлялось возможным, однако вокруг уже сгрудились мужчины, пытающиеся сделать это, прежде чем корабль уйдет под воду. А он, Боже нам помоги, уже собирался это сделать.

Я знал это. Слышал благодаря обостренным чувствам немертвого натужный треск корпуса под тоннами воды. Остов «Титаника» не выдерживал веса — невероятных тонн — кормы, к тому времени полностью поднявшейся над поверхностью неподвижного, гладкого, как

стекло, океана. Генераторы задыхались, свет приобрел красноватый оттенок. Я протолкался сквозь толпу до одной из лодок, но меня опередил маленький джентльмен, помогавший распутывать веревки. Он обратился к офицеру со словами: «Я поплыву на ней». Когда офицер — который уже немало времени отгонял от шлюпок пассажиров мужского пола — хотел запротестовать, джентльмен добавил:

— Меня зовут Брюс Исмей, я президент «Уайт стар лайн». — И сел в лодку.

Они начали спуск за миг до того, как я добрался до поручней. *Ты можешь быть президентом чего угодно, но раз уж нашлось место для тебя, найдется и для меня...*

Но я застыл. Я мог бы отбросить любого из офицеров, пытавшихся мне помешать, да и прыгнуть на такое расстояние было бы для меня раз плюнуть. Меньше метра отделяло борт спускающейся лодки от поручней. С моими мускулами и силой вампира я мог бы прыгнуть, даже будь она в пять раз дальше.

Меньше метра пространства... и темная океанская вода не так уж далеко внизу.

Но даже если бы высшая сила пообещала вернуть мне бессмертную душу, и то я не осмелился бы прыгнуть.

К тому времени как я добрался до второй лодки, эта уже уплыла. Некоторые пассажиры сигали в воду, считая, что шлюпки достаточно близко, чтобы их подобрать — до воды было не так уж далеко, если прыгать с носа. Я бросился к оставшейся лодке и присоединился к тем, кто пытался распутать две оставшиеся складные лодки (тот, кто придумал конструкцию этих штук, добавлен к длинному списку людей, которым я искренне желаю гореть в аду) и подтащить их к борту. Если лодка переворачивалась (а одна из оставшихся это сделала), вес и неуклюжесть конструкции мешали вернуть ее в нормальное положение. Я чувствовал, что уклон палубы становится все больше и что под черной толщей воды нос корабля тянет вперед и вниз.

В 2:15 был затоплен капитанский мостик. Волна темной воды захлестнула крыши офицерских помещений и перекатилась через правый борт. Я забрался в лодку, отвоевав это место у армии конкурентов. Оглянувшись, я заметил корму «Титаника» — люди облепили ее, как муравьи, сама же корма поднималась над океаном все выше. Это было довольно жуткое зрелище. Отовсюду раздавались крики, и если до этого момента я сомневался, что вампир может молиться, и молиться искренне, теперь мои сомнения развеялись. Я выкрикивал имя Господне, бросаясь в

утлую лодочку вместе с другими, и мы налегли на весла, ахнув, когда огромный корабль с чудовищным звуком треснул пополам.

Корма отломилась, поднятая ею волна погнала нашу лодку вперед. Я видел, как светят под водой огни носовой части. Корма на миг поднялась вертикально в небо, исходя паром из всех отверстий под отчаянные вопли тех, кому не повезло вовремя покинуть борт. Затем корма качнулась, словно палец, грозящий холодным звездам...

...и затонула.

С моим сундуком на борту.

И никакого спасательного судна поблизости.

Было двадцать минут третьего. В апреле на севере Атлантики рассвет начинается около пяти, но первые лучи появятся на час раньше.

О Боже, только это и вертелось у меня в голове. О Боже.

Мужчины — в основном члены команды — начали молиться, а я растерял все слова. О чем я мог попросить? О том, чтобы с неба упал светонепроницаемый и непотопляемый гроб и я еще несколько веков мог убивать и питаться кровью смертных? Не думаю, что при всем моем отчаянии такая мольба дошла бы до Бога.

Я просто ждал.

Лодку так и не успели разложить по всем правилам. Складные борта начали пропускать воду, и мы осторожно вычерпывали ее, чтобы не нарушить баланс и не отправиться вместе с лодкой в ледяную бездну. По крайней мере эта задача отвлекла моих попутчиков от мысли о том, чтобы вернуться и подобрать пловцов, чьи голоса звенели над водой, как стрекот цикад летней ночью. Шестнадцать сотен человек оказались в ту ночь в ледяной воде — мне сказали, что другие лодки, даже полупустые, старались держаться подальше из опасения, что утопающие их перевернут. Какая-то американка попыталась уговорить остальных леди вернуться и спасти людей, но ее резко оборвали — довольно грубо как для милосердного слабого пола.

Крики доносились около двадцати минут. Живым не выдержать долго в холодной воде.

И мы могли только ждать, охваченные страхом куда более мучительным, чем тот, что испытали на «Титанике». Лодка медленно заполнялась водой и оседала прямо под нашими ногами.

В моем же случае рос страх того, что вскоре солнце возникнет над горизонтом и моя плоть будет охвачена неугасимым пламенем.

Тот факт, что я ненадолго согрею попутчиков и отвлеку их от мыслей о гибели, меня почему-то не утешал.

Если лодка утонет до того, как взойдет солнце, думал я, разумнее всего направиться к обломкам «Титаника». Краткие периоды воли, порожденные сменой приливов, не позволят мне бороться с силой морских течений. Единственный шанс на спасение — укрыться среди обломков.

В моей голове зазвучал голос Саймона. Он рассказывал о том, что ныряльщики уже учатся обыскивать корабли, затонувшие на мелководье. Они ищут сокровища Испанского Мэйна и Средиземноморья. *«Со временем они наверняка доберутся и до Атлантики, по крайней мере до тех галеонов, которые затонули с драгоценным грузом посреди океана. Можешь быть уверен, стоит науке изобрести нечто полезное, и искатели сокровищ тут же опробуют новинку ради наживы».*

Моими попутчиками были самые богатые люди мира. И мало кто из них успел перед посадкой в шлюпку набить карманы драгоценностями. Искатели сокровищ появятся здесь, как только наука даст им такую возможность.

Но даже эти размышления не мешали мне повторять самую краткую из человеческих молитв: *«Нет, Господи, пожалуйста!..»*

Как будто Он станет меня слушать.

В 3:30 на юго-востоке мелькнула белая вспышка, идо нас донесся отдаленный грохот пушки.

Поднялся легкий бриз, океанская гладь подернулась легкой рябью, а холод сделался невыносимым. Узенький, как обрезок ногтя, месяц висел над восточным горизонтом. Мои попутчики начали падать за борт, почти поравнявшийся с линией воды. Они падали тихо, безвольно, потеряв остатки сил. Океанская вода начала замерзать. Я заметил неподалеку тусклые ледяные глыбы — миниатюрные айсберги размером от автомобиля до одноэтажного дома. При свете звезд они казались призраками. К западу и югу вода была чище, и я мог различить очертания других спасательных шлюпок. Иногда до меня доносились голоса других пассажиров, обрывки звуков изредка тревожили ночь.

Небо стало серым, когда мы заметили медленно приближающуюся к нам спасательную шлюпку. Не знаю, как далеко нас отнесло течением, я погрузился в летаргию от ужаса, глядя, как постепенно светлеет небо на горизонте. А может, это было воздействие воды, которая поднялась до уровня наших коленей. В живых остались только десять мужчин и женщина из третьего класса. Я с трудом повернул голову и стал следить за мучительно медленным приближением спасательной шлюпки.

Все замедлило свой ход, как в клейком, неотвратимом кошмаре, словно само время замерзло на пронзительном ветру. Где-то вдалеке — в миле или

двух, посреди ледяного крошева — темнел силуэт небольшого корабля. Все спасательные шлюпки сползались к нему, словно замерзшие насекомые, стремящиеся к блюдцу с вареньем — их варианту рая на земле.

И я понимал, что даже если шлюпка успеет к нам — к тому моменту казалось, что мы утонем перед самым ее носом, — надежды на то, что она успеет вернуться на корабль до рассвета, у меня не было.

«Не заставляй меня делать это, Господи! Не заставляй...»

И словно Господня насмешка, рванулись из серого тумана солнечные лучи, раскрашивая айсберги и воду, делая ее похожей на сапфир редкой чистоты и насыщенности. И в тот же миг мою заледеневшую плоть обдало изнутри невыносимым жаром, кожа зачесалась, готовясь вспыхнуть и расцвести пламенем.

Если я спрячусь в бойлере среди обломков, в закутке между главной лестницей и Пальмовым двориком, мне останется лишь дожидаться охотников за сокровищами.

Холод и тьма только *казались* вечностью.

Но не будет ли надежда в таких обстоятельствах мучительнее отчаяния?

Я закрыл глаза и перевалился через борт.

Мне предстояло это выяснить.

ДЖО Р. ЛЭНСДЭЙЛ

Пес

Джим Аарон думал о том, что переднее колесо его велосипеда не держит воздух. Ничего серьезного, но долгая прогулка может привести к проблемам. Прошлым утром после прогулки он заметил, что шина слегка спустила, но сегодня, после ссоры с женой из-за какого-то дурацкого пустяка, об этом забыл. Просто рад был возможности убраться из дома. А если бы он решил накачать колесо, пришлось бы возвращаться в дом, идти в чулан за насосом, чего он точно делать не собирался.

Дойдя до конца дорожки, Джим оседлал велосипед и оглянулся на кирпичное здание, окруженное аккуратно подстриженным кустарником. Он чувствовал нечто, чего не мог определить. Злость. Разочарование. Но не совсем, и эта странность грызла его изнутри, словно попавшая в западную крыса.

Джим знал, что теоретически должен быть счастлив. Шесть месяцев назад он стал миллионером, не прилагая к этому ни малейших усилий. Он просто вел колонку в газете и любил свою работу. А потом на принадлежавшем ему участке обнаружили нефть и газ. Богом забытый клочок глухомани, заросший кустами и деревьями, рай для змей и клещей. Но тетушка Джима незадолго до смерти отправила туда геологов. К тому времени как те добрались до сути, тетушка уже отошла в мир иной, оставив Джиму землю и найденные в ней богатства. За месяц этот чертов участок приносил больше денег, чем Джим зарабатывал за год, ведя юмористический раздел в местной газете. Несколько газет готовы были оплачивать его колонки, и материал был почти готов, но теперь в этом не было необходимости. Он и так купался в деньгах.

Проблема заключалась в том, что теперь они с женой постоянно ссорились. Из-за денег, конечно же. Как их истратить, что купить. Их нынешний дом был вполне хорош, им было удобно, они наняли садовника, но почему-то это не исправило положения.

Раньше они жили неплохо, пусть небогато, но неплохо, и были счастливы, так почему же теперь, когда денег полно, счастье куда-то исчезло? Даже секс, которым раньше они наслаждались в полную силу, теперь буквально сошел на нет. В последнее время Джим чувствовал себя кастрированным, и его жена явно это понимала, потому что вела себя с ним

как со стерилизованным котом.

Джим скучал по своей колонке, жалея, что уволился. Следовало бы остаться, подумал он. Или вернуться, а то и попытаться написать смешную книгу. Однако сейчас, оседлав велосипед, он понимал, что это всего лишь мечты.

Но как бы то ни было, Джим решил, что не собирается возвращаться в дом за насосом, да и в принципе возвращаться туда в ближайшее время. Нужно дать Гейл остыть. Да и самому успокоиться. К тому же занятия спортом ему полезны, как для настроения, так и для здоровья. Он не будет отъезжать далеко, чтобы не перегружать колесо, потом вернется и попробует помириться с Гейл. Проблема заключалась в том, что причина их ссоры уже вылетела у него из головы.

Джим вырулил на дорогу. Это была маленькая улочка, где в такое раннее время словно и не существовало движения. Дорога оживлялась только к концу дня, когда жители района возвращались с работы. К тому же в конце улицы Джим недавно обнаружил небольшую тропинку, уходящую в лес. По ней можно будет проехать, вообще не беспокоясь о машинах. Он не будет заезжать далеко, на тот случай если колесо действительно пробито, а не просто не держит воздух из-за старости и изношенности. Можно позволить себе небольшую прогулку для души, разогнать кровь и очистить мозг от домашней паутины.

Джим почти не крутил педали, и велосипед катился по инерции. Был отличный денек, в чистом небе виднелась всего одна темная туча. Выглядела она так, словно кто-то скомкал копировальную бумагу и зашвырнул ее в синюю коробку с большими пушистыми комьями ваты. Джим запрокинул голову, подставляя лицо теплым солнечным лучам.

Проезжая мимо дома Лэнгстонов, он слышал собачий лай. Лаял их пудель, Каддлз. Белый нестриженный Каддлз был похож на клубок спутанных ниток. Некоторое время этот клубок гнался за велосипедом и лаял, но вскоре погоня ему надоела, и песик вернулся домой.

До конца улицы Джим добрался минут за двадцать. За это время он покрылся здоровым потом. Джим ничуть не запыхался, зато большая часть злости улетучилась. Он подумал о Гейл и решил, что стоит как-то облегчить ей жизнь. У них за плечами шесть лет брака, и за полгода все не могло безнадежно испортиться, к тому же сейчас у них есть все для счастья. Джим понял, что снова сбивается на мысли о сегодняшнем утре, а ему этого совсем не хотелось. Ему хотелось жить мгновением, ощущать на лице ветер, чувствовать, как работают мышцы, как подпрыгивает на неровностях велосипед.

Лес в конце дороги был густым, и дорожка из белого песка не успела нагреться настолько, чтобы превратиться в пыль. Еще пару месяцев, и солнце Восточного Техаса накалит песок до такой степени, что он будет стекать между пальцами, как вода. Однако весной дожди шли довольно часто, так что песок под колесами был плотным.

Джим вырулил на узкую песчаную полосу и остановился, чтобы взглянуть на часы. Он хотел засечь время, которое понадобится ему, чтобы доехать до конца тропинки. По его предположениям, на это уйдет минут двадцать-двадцать пять.

Стоило выехать на дорожку, и сразу становилось понятно, что на ней полно выбоин, справа тянется промоина и река, а слева в густом подлеске есть тропинки для велосипедистов и любителей бега. Таким, по крайней мере, был изначальный план. Эта местность считалась общественной собственностью, и председатель поселка, Гэд Стивенс, велел расчистить в лесу дорожки, чтобы дети могли по ним кататься. Их не то чтобы расчистили, скорее просто наметили, а потом надолго забыли. Сейчас кусты по краям нужно было подрезать, а по тропинкам следовало пройтись граблями — слишком много там было камней и красной глины, удерживавшей дождевую воду. Джим слышал, как Гэд обсуждал это со знакомым на заправке, где сам Джим остановился подкачать колесо. Они говорили, а он слушал. Разговор был не из приятных, но Гэд не из тех, кто привык понижать голос, а Джим за годы работы в газете научился быть наблюдательным, пусть и на свой лад. Любая мелочь могла стать материалом для его колонки.

Джим взглянул на часы. С начала нового часа прошло тридцать секунд. Возможно, подумал Джим, стоит доехать до большого холма и сразу обратно. Тогда, если шина спустит, велосипед не придется тащить далеко. Джим перенес вес тела на педали. Кажется, с шиной все не так уж плохо. Она почти не проседает. Может, у него просто разыгралось воображение?

Размышляя об этом, Джим оглянулся через плечо и удивился. Сначала ему показалось, что по улице бежит теленок, но присмотревшись, он понял, что это очень большая черная с подпалинами собака. Раньше Джим этого пса не видел. Он был размером с датского дога, но гораздо массивнее. Пес двигался мощными прыжками, держа что-то в пасти. Что-то вроде рваной тряпки. Очень грязной рваной тряпки. Пес заметил Джима и остановился, склонил голову набок, вперился взглядом.

Господи, подумал Джим, ну и огромная же скотина, что же это за порода... Он не мог понять. Возможно, помесь дога с сенбернаром или... с

немецкой овчаркой? Животное было похоже на этих собак, но казалось совершенно иным. Настоящим мутантом.

Джим взглянул на часы. Секундная стрелка уже описала полный круг.

Да черт с ним, подумал Джим, посылая велосипед на дорожку и набирая скорость, но не выкладываясь по полной. А затем услышал звук, который поначалу принял за хлопок спустившейся шины. Но нет, звук доносился сзади.

Джим оглянулся и увидел источник звука. За ним бежал пес с растрепанным комом в зубах. Пес догонял его, лапы впечатывались в дорожку с глухим звуком. Джим налег на педали, время от времени оглядываясь и удивляясь тому, как близко успел подобраться пес. Так близко, что Джим сумел разглядеть то, что животное держало в пасти, и непроизвольно охнул.

Это была не тряпка, это был Каддлз. То есть Каддлза давно уже не было. Голова пуделя болталась, язык свисал на сторону, тельце было покрыто кровью и грязью. Проклятое чудовище убило Каддлза, беспомощного и безобидного, как диванная подушка!

Снова оглянувшись, Джим заметил, что пес выплюнул пуделька и весь отдался бегу. Джим нажал на педали и увеличил разрыв между ними, но непроизвольно задумался о том, долго ли сможет выдержать подобный темп. Если он вырвется далеко вперед и погоня будет долгой, он обставит пса, но на короткой дистанции собака вполне может его догнать. Пес двигался длинными мощными прыжками, неуклюжими и странными для собаки, так бегут разве что взбешенные слоны, и при этом каждый удар лап выбивал облако пыли из того, что Джиму казалось довольно жестким грунтом.

Джим начал задыхаться и быстро оценил свое состояние: гипервентиляция и все признаки испуга. Дорога пошла под уклон, как он и надеялся. Тяжелое дыхание пса было слишком близко. На склоне скорость увеличилась, и с холма Джим скатился так быстро, что ни одна собака не смогла бы его догнать. Склон был длинным, и велосипед подрагивал, разгоняясь все быстрее. Обычно Джим прекращал крутить педали, катясь по инерции, но сейчас, когда эта тварь была у него за спиной, он гнал вперед, зная, что за склоном начнется подъем.

И разогнался так, что в конце склона чуть не вылетел из седла. Руль повело в сторону, велосипед начал падать, и Джим чудом успел выставить ногу, чтобы вернуть себе вертикальное положение. Он вырулил туда, где дорожка начинала огибать деревья, повторяя поворот ручья, и увидел пса, который набрал на склоне такую скорость, что рухнул и кувырком полетел

в заросли шиповника полевую сторону от дороги. Пес катился так быстро, что тут же скрылся из виду. Звуки падения завершились глухим ударом тела о твердую преграду.

Джим не знал, радоваться или нет. Ведь он был не уверен, что пес гнался именно за ним. Да, здоровенная тварь убила Каддлза, но это были собачьи дела. Пуделек, наверное, выскочил, чтобы облаять чужака на дороге, а пес среагировал инстинктивно, он мог даже не сообразить, что этот громкий клубок — тоже собака. Да и за велосипедом пес погнался скорее по собачьей привычке, это могла быть всего лишь игра в погоню.

И все же на всякий случай Джим подался вперед и снова стал накручивать педали.

Он оглянулся: пса не было, но сбрасывать скорость почему-то не хотелось.

Длинный черный полоз тек через дорогу. Не ядовитая, но все же змея. Джим попытался его обогнуть, но не успел. Змею затянуло между спицами, велосипед повело и завалило набок, Джим едва смог вовремя выдернуть ногу.

Поднявшись, он отметил два обстоятельства: спортивные штаны порвались на коленях, а полоз извивался между спицами, пытаясь освободиться. Если он схватит змею, та точно укусит его, пусть и без яда.

Джим подобрал на обочине раздвоенную ветку, которой можно было прижать голову змеи, чтобы выпутать ее хвост из колеса, но от одной мысли о том, чтобы прикоснуться к чешуйчатому гаду, его тело покрывалось мурашками.

Однако делать было нечего, и после нескольких неудачных попыток Джиму удалось поймать «вилкой» голову полоза и вогнать концы палки в землю. Змея разевала рот и обвинялась кольцами вокруг спиц, а когда Джим с содроганием ухватил ее и попытался выпутать длинное тело из колеса, мускулистый хвост захлопал по его руке, заставив вздрогнуть от отвращения.

Возясь со змеей, Джим вдруг почувствовал себя неудобно. И дело было не только в том, что ползучие гады всегда пугали его до чертиков, — подняв голову, он снова заметил большого пса. Тот бежал по тропинке, и, увидев Джима, остановился, и уставился на него. Пес был далеко, но что-то в его позе, в его взгляде заставило Джима вцепиться в змею. Полоз конвульсивно сжался на спицах. Пес снова затрусил по дорожке. Джим бросил палку и вцепился в змею обеими руками.

Собака низко опустила голову и побежала быстрее, как лев, готовящийся прыгнуть на антилопу. Джим изо всех сил дернул, вырвал

змею из колеса и зашвырнул ее в кусты, затем поднял велосипед, оседлал его и рванул с места.

Когда он оглянулся, стало ясно, что пес его догоняет. Скоро закончится тропинка, минут через десять, если двигаться в том же темпе. А что за ней, кроме леса? Конец дорожки станет концом поездки, и он достанется чертовой собаке.

Джим размышлял, сможет ли отогнать пса? Да и стоит ли переживать? *«Может, — подумал он, — я раздул проблему из ничего? Я часто так делаю. Вот как сегодня утром. Эта ссора с Гейл... Глупо получилось. А из-за чего? Черт, да какая разница?»*

Мысли проносились в мозгу со скоростью пуль, не задевая его и не задерживаясь. Джим продолжал крутить педали. И тут он вспомнил о маленьких тропинках. Они вели вниз, к озеру. Гэд, что он тогда говорил? Что-то насчет того, чтобы отправить рабочих с бензопилами и трактором... И о том, что не все тропинки расчищены. Это Джим помнил. Да, Гэд стоял у колонки, заправлял машину и говорил с водителем грузовика о том, что еще не все тропинки к озеру расчищены.

Что, если он, Джим, свернет и попадет на заросшую тропинку?

Сможет ли собака взять след, если он хорошо ее обгонит? Ну да. Сможет, конечно. Он же смотрел «Планету животных» о собаках и об их невероятном обонянии, а теперь он сам, потный, усталый и перепуганный, пахнет, как горячий обед на колесах.

Джим увидел, что приближается к повороту на одну из глиняных тропинок. Он помедлил всего секунду и свернул.

Велосипед запрыгал по неровностям. Внутренности Джима подскочили к горлу. Кто-то перепахал эту тропку мотоциклетными шинами, видимо, после дождя. Теперь же колеи засохли, добавляя велосипеду проблем.

Вдобавок дорожка резко обрывалась у сплошной стены из деревьев и кустарников. Джим в панике сжал тормоза и оглянулся. Тропинка была пуста. Возможно, ему удастся вернуться и поискать другой путь. Но что, если собака доберется до начала тропинки одновременно с ним и он влетит прямо ей в пасть? Джим посмотрел направо, затем налево. Слева лес стоял сплошной стеной, как и впереди, а вот справа виднелся небольшой просвет между деревьями. Кустарник там был редким, понизу стелились колючки, валялся сушняк, но если он постарается, то протащит велосипед. За ежевикой, метрах в десяти, виднелась еще одна тропинка. Вот она-то и может вести прямо к озеру.

Джим поднял велосипед и начал раздвигать колесом колючие заросли.

Краем глаза он заметил движение. Собака. Проклятая собака в конце проклятой тропы скользила к нему не быстро, но уверенно, словно наслаждаясь слежкой.

Джим толкнул велосипед вперед. Колючая плеть ежевики сорвалась и вцепилась в его носки, загоняя шипы в плоть, другая плеть вывернулась из-под рамы и хлестнула его в пах.

Выругавшись, Джим двинулся быстрее, налегая на велосипед всем телом. Ежевика окутала его колючей волной, впиваясь в кожу и разрывая одежду. Это было как заслон из колючей проволоки.

Пес уже бежал. Джим видел его и знал, что он скоро прыгнет. Развернувшись, Джим выставил велосипед как щит и попятился, спиной проталкиваясь сквозь последний заслон из веток. Шипы рвали кожу, но он продолжал толкать. Темная тень взвилась в воздух и бросилась на него.

Пес ударился о раму, как ракета, челюсти сомкнулись на перекладине с такой силой, что Джим чуть не выпустил велосипед из рук. Он вцепился в раму, толкая велосипед на пса, но это было похоже на попытку оттеснить носорога. Пес отпустил железку и сунул голову в проем рамы. Зубы клацнули, хватая футболку на животе Джима, и в мгновение ока сорвали с него ткань. «Будь футболка чуть тоньше, меня бы уже выпотрошили», — подумал Джим.

Пес снова бросился вперед, на этот раз вцепившись в раму под седлом, и опять чуть не вырвал велосипед из рук Джима. Желтые глаза животного были совсем рядом. Так близко, что Джим видел в них темные точки, которые скользили в радужной оболочке, словно стая голодных пираний. Морда была огромной и морщинистой. Мышцы перекачивались под шкурой, будто поршни неизвестного механизма, а шерсть собаки была покрыта грязью, словно этот монстр выбрался на свет из-под слоя земли. И это явно была не обычная собака. Было в этой твари нечто странное, не поддающееся определению. Даже ее запах не походил на привычный Джиму запах псины. Это было нечто иное, нежели вонь от разложения и экскрементов.

Огромные зубы сжимались на раме, которую Джим с трудом пытался удерживать.

— Отпусти ты, черт!

Черт не отпустил.

«Я покойник, — подумал Джим. — Сейчас я умру, и эта тварь меня сожрет».

Он попятился, не обращая внимания на колючки, рвущие теперь уже его голый торс. Джим споткнулся, когда почувствовал под ногой

долгожданную глиняную дорожку.

Пес отпустил раму и прыгнул. Джим поднял велосипед и толкнул его. Сила столкновения отбросила животное назад. Плетки ежевики сомкнулись вокруг собаки, запутывая ее тело. Пес потерял равновесие и упал, тут же скрывшись в зарослях.

Джим вскочил в седло и изо всех сил налег на педали. Оглянувшись, он заметил, что пес уже выпутался из ветвей, выскочил на дорожку и мчится за ним.

Дорожка вела к озеру, озерная гладь подмигивала Джиму, словно большой влажный глаз. Справа виднелся двухэтажный коттедж на высоких сваях. На лужайке перед домом сидела женщина с чашкой чая. Заметив Джима, она поднялась и приложила руку козырьком к глазам.

Джим изо всех сил жал на педали. Он часто воображал себя настоящим велосипедистом, гонщиком, а теперь у него появилась цель. Его жизнь. Кровь гремела в ушах, рана в паху горела, все царапины и порезы, покрывавшие его тело, давали о себе знать. Кровь стекала по рукам на резину руля.

Он домчался до коттеджа, отшвырнул велосипед и побежал к лестнице. Джим успел рассмотреть женщину: средних лет, в обычных обстоятельствах он назвал бы ее симпатичной. Сейчас она уронила чашку и прижала руки к груди, глядя на него широко открытыми глазами. Джим знал, что она видит: полуголого, покрытого потом и кровью незнакомца, который пытит, как перегревшийся бойлер.

Джим обернулся к дорожке и ткнул пальцем. Пес мчался за ним прыжками, которые с натяжкой сошли бы за галоп, и уже почти добрался до коттеджа.

Глубоко вдохнув, Джим выпалил:

— Он гонится за мной. Ради бога, впустите меня в дом!

Женщина взглянула на собаку, кивнула и рывком распахнула дверь. Внутри они оказались одновременно. Джим услышал, как щелкнул за ними замок.

— Джим, — представился он, похлопав себя по груди. Слово в данных обстоятельствах это было уместно. Женщина не ответила. Она подошла к окну и отодвинула занавеску. Пес как раз поднялся по лестнице на крыльцо и исчез из вида. Затем дверь сотряс сильнейший удар. И еще один. И еще.

— Господи! — ахнула женщина. — Он, наверное, бешеный.

— Не думаю, — ответил Джим.

— Он пытается выбить дверь. Какая собака додумалась бы до такого?

— Эта.

— Боже милостивый! От него пахнет смертью, я чувствую это даже отсюда.

Удары становились все чаще и громче, пес всерьез взялся за дверь. И вдруг удары стихли.

— Может, он сдался? — Женщина вздрогнула, словно через ее тело прошел электрический ток.

Джим и хозяйка коттеджа склонились к окну. Женщина отдернула занавеску. Собачья морда тут же влетела в стекло и гавкнула, заставив ее отскочить. Джим помог своей спасительнице подняться.

— Наверх, — сказал он.

Подталкивая женщину вперед, Джим зашагал к лестнице. За их спинами в окне возился пес, расширяя отверстие. Стекло звенело, осыпая осколками пол.

Наверху, на последнем пролете лестницы, женщина указала на открытую дверь. Шагнув внутрь, они заперли ее на замок.

И оказались в маленькой спальне с одним окном над кроватью. Пахло свежими простынями. Джим схватился за комод и подтащил его к двери.

А потом прижался ухом к филенке и прислушался. Пес был уже рядом. Джим слышал его тяжелое дыхание и рык.

— Это ваша собака? — спросила женщина.

Джим попытался сложить губы в улыбку.

— Нет, леди. Это не моя собака. Уверяю вас.

Удар в дверь.

Джим и женщина испуганно отпрыгнули. Снова удар, такой сильный, что комод проехал по полу несколько дюймов.

— Что это за тварь? — спросила женщина.

И тут раздался треск. Джим склонился, чтобы видеть проем между дверью и комодом. Пес подгрызал дверь снизу. Он каким-то образом смог вывернуть морду, чтобы подцепить дерево, и теперь от двери летели щепки.

Джим толкнул комод обратно и ударил в дверь.

— Да что я тебе, уроду, сделал?!

Дерево затрещало, и теперь он видел собачью морду и то, как равномерными рывками челюстей пес расширяет дыру. Джим прижал комод плотнее.

— Вон из моего дома!

Сначала Джим подумал, что женщина кричит это псу, от страха. И только потом осознал, что слова обращены к нему.

— Что?

— Убирайтесь! Я ему не нужна. Ему нужны вы. Это ваша собака.

— Уверяю вас, это не мой пес.

— Ему нужны вы. Именно вы. Убирайтесь от меня подальше. Это не мои проблемы!

С этими словами она подошла к шкафу, шагнула внутрь и закрыла за собой дверцу. Джим замер. А ведь она права. Инстинкт подсказывал ему то же самое: псу нужен именно он. Эта тварь похожа на ракету с системой самонаведения, а Джим — ее цель.

Пес настолько расширил дыру, что комод отъехал в сторону и из-за него показалась оскаленная морда. Джим смотрел на пса, пес смотрел на него. Глаза животного казались огромными и твердыми, словно состояли из камня, а не из жидкости. Пасть хватала воздух, хлопья пены слетали с нее и оседали на ковре, густые, как взбитые сливки.

Джим прыгнул вперед, припечатывая голову пса комодом, услышал визг и ощутил слабое удовлетворение.

Он развернулся, вскочил на кровать, подобрался к окну, двумя ударами выбил стекло и выбрался наружу, на лестницу. Острый осколок, застрявший в раме, располосовал ему ладонь. Сзади раздался треск двери — пес наконец прорвался в комнату. И обернулся к шкафу, в котором пряталась женщина.

— Сюда иди, ублюдок! — заорал Джим. — Тебе же нужен я? Вот и догоняй!

Пес как будто понял его. И вскочил на кровать, не сводя глаз с Джима.

Джим побежал по лестнице, которая огибала дом и спускалась туда, где валялся у двери брошенный велосипед. Забравшись в седло, он оглянулся и увидел пса на верхней площадке лестницы. Тот просунул морду между прутьями перил и таращился вниз. Потом подобрался и зарычал так, что львы поперхнулись бы от зависти. И помчался вниз по ступеням.

Джим оттолкнулся ногой и пригнулся к раме. Тут некуда ехать, разве что в озеро. Озеро. Нужно добраться туда. Он налег на педали. Сердце сжалось в груди. Джим не просто слышал собственный пульс в ушах, он буквально ощущал движение сердечной мышцы. Словно тамтам.

Он рискнул обернуться. Пес почти догнал его, сильное тело животного распластывалось при каждом прыжке. Собака перебирала лапами с частотой лошади, галопом несущейся к финишу. А вот велосипед тормозил. Джим сначала не понял, в чем дело. Он крутил педали все быстрее, но...

Шина. Вот в чем беда, в переднем колесе. Оно не держало воздух. И

пока еще не спустило совсем, но времени осталось мало. Джим оглянулся. Пес догонял. Его башка была выше велосипеда, пасть была распахнута, зубы оскалены. Не глотка, а прямая дорога в ад.

Джим уставился прямо перед собой, сосредоточился на дорожке, накручивая педали еще быстрее. Ноги болели так, словно вот-вот отвалятся. Боль прошивала их от лодыжек до паха. Джим испугался судороги, но смог расслабить сведенные мышцы. А потом велосипед забуксовал.

Обернувшись, Джим увидел, что пес вцепился в заднее колесо. Велосипед повело, и Джим уже подумал, что все потеряно, и тут шина вырвалась из собачьих зубов. Свобода! Однако из проколотого зубами колеса вышел воздух. Джим почувствовал, как оседает велосипед. Он остался почти без колес, а в паре дюймов за ним была собачья пасть с острейшими зубами.

Озеро было все ближе, виднелся конец дорожки. Джим оглянулся по сторонам в поисках кого-то или чего-то, что могло бы ему помочь.

Пусто.

Впереди, похожий на серый язык, в озеро уходил пирс.

Джим вырулил туда, подскочил на выбоине и с громким стуком приземлился на доски пирса, пытаясь выровнять велосипед. Доски грохотали под ним, как кости в стаканчике.

Джим не оборачивался, он просто не мог этого сделать. Зато он мог бы поклясться, что чувствует потной спиной горячее собачье дыхание. Джим слышал, как пес хрипит, как огромные лапы стучат по доскам все ближе и ближе.

Пирс заканчивался. *Вот оно. Момент истины.*

Джим не остановился, велосипед буквально взлетел с края, и на миг возникло ощущение полета. Воздух был чистым и прохладным, небо и вода сливались в единую синюю гладь. Джим глубоко вдохнул и начал падать. Велосипед выскользнул, первым уйдя под воду. Джим ударился коленями о руль, затем погружение замедлилось, и он смог посмотреть вверх.

Гигантская тень заслонила голубизну неба и солнечный свет. Пес прыгнул. И с громким плеском, от которого заволновалось озеро, ушел под воду. Джим в ужасе уставился на него и вдруг ощутил, как ноги коснулись дна.

Здесь неглубоко, подумал он, но если я смогу задержать дыхание, пес уйдет.

Он продолжал смотреть вверх. Чудовищная псина барахталась на поверхности. Джим повернулся к пирсу, под которым царил непроглядная

тьма. И сказал себе: *«Я поплыву туда и смогу подняться по опоре вверх, чтобы глотнуть воздуха и снова нырнуть. Пес меня не увидит. И рано или поздно этому ублюдку придется сдаться»*.

Джим посмотрел вверх.

Пес уверенно плыл к нему.

Джим дернулся, но... нога застряла. Что-то его держало, и он не сразу понял, что это велосипед. Нога запуталась в спицах. Он умудрился наступить прямо на колесо. Джим присел, вцепился в лодыжку обеими руками и потянул изо всех сил.

В ноге что-то щелкнуло, лопнуло, боль горячей проволокой взвилась до паха и выше и обожгла так, что Джим испугался, что сейчас выпустит остатки воздуха, завопив и наглотавшись воды.

Но он вырвался. И поплыл у самого дна, чувствуя горячую пульсацию боли. А затем его голову рвануло назад.

Нырнувший пес догнал его и вцепился зубами в длинные волосы. Еще рывок, и пряди остались в чудовищной пасти, а Джим снова оказался на свободе.

Поверхность. Нужно подняться. Воздуха почти не осталось.

Джим вынырнул, но как только его голова очутилась над поверхностью, завопил. Пес вцепился в его ногу прямо под коленом и теперь тянул вниз. Боль была сокрушительной. Джим чувствовал, как смещаются кости. И едва успел вдохнуть, как его снова поволокло вниз.

«Как? — подумал он. — Как эта псина может одновременно дышать и кусаться? Ну как? Как вообще такое возможно?»

Боль немного стихла, и Джим заметил темную тень, плывущую мимо него к поверхности.

«Ну наконец-то, — подумал Джим. — Демонам тоже нужно дышать».

Он нырнул и поплыл к темнеющему в воде пирсу. Шевелить ногами было больно, но альтернатива была хуже боли. Доплыть до пирса Джим не успел, что-то опять схватило его за ногу, срывая кроссовку. Он развернулся и посмотрел назад.

Снова пес. Джим различал его очертания, видел белую кроссовку, вырывающуюся из пасти животного и опускающуюся на дно.

А в следующий миг ступня взорвалась болью: пес схватил не только обувь.

Собака рванулась к его лицу, как дельфин.

«Хватит, — подумал Джим. — Хватит».

И когда пес приблизился, вцепился в глотку животного двумя руками. Но зверь продолжал двигаться, выворачивая голову, как акула, готовая

перекатиться и схватить добычу. Мощные челюсти сомкнулись на лице Джима. Кости сместились под давлением собачьих зубов, скула начала проламываться внутрь. Джим замолотил по псу кулаками.

Челюсти сжались сильнее.

Джиму удалось нащупать собачий глаз и вогнать в него палец изо всех оставшихся сил. Пес задергался, пытаясь стряхнуть человека, но Джим не отпускал, загоняя большой палец все глубже в глазницу. Голову жгло, легкие готовы были разорваться, но он не разжимал хватки.

Пес отпустил его первым и затрепыхался, пытаясь подняться на поверхность.

Джим поднялся вместе с ним, вынырнул на поверхность, глотнул воздуха и сжал руки на шее пса. А зубами вцепился в мохнатое ухо, заполнившее рот дрянью, которой он и представить себе не мог. А затем в горло потекла кровь. Джим вгрызся сильнее и дернул головой, отрывая кусок уха. Пес коротко гавкнул и попытался вырваться, но Джим обхватил его ногами, сжал руками изо всех сил, поерзал, стараясь добраться до собачьего горла.

Пес бился и извивался в воде, клацал челюстями, опускаясь вместе с Джимом на дно.

Они одновременно коснулись песка, и Джим разжал руки, пытаясь подняться вверх, глотнуть воздуха, но что-то схватило его за штанину и дернуло вниз. Поначалу он подумал о собаке, но это просто водоросли обернулись вокруг его лодыжки.

Пес развернулся к нему. Джим попытался ударить животное, но вода гасила удар. Он увернулся, обхватил пса за шею и прижался щекой к горлу твари под челюстью. Пес был силен, но разжать хватку ему не удалось. Псина рванулась вверх. Джим держался. Водоросли, обвинявшие его ногу, слетели от собачьего рывка.

Они оказались под солнцем. Джим вцепился зубами в собачью глотку, мотая головой из стороны в сторону. Из его горла донеслось рычание. Пес тоже рычал, снова и снова перекачиваясь в воде, но Джим сжимал руки и зубы, чувствуя во рту горячую кровь.

А потом движения прекратились, пес конвульсивно вздрогнул и застыл. Джим отпустил его горло и попытался взобраться сверху, как на плот, нанося животному удары по ребрам.

Пес начал погружаться в воду.

Джим замолотил руками и ногами и опустил лицо, глядя вниз.

Огромная собака медленно тонула спиной вниз. Джиму показалось, что он заметил желтый свет в уцелевшем глазу, но это, скорее всего, была

иллюзия, потому что в следующий миг силуэт животного коснулся утонувшего велосипеда, перевернулся и медленно поплыл прочь, повинуясь подводному течению.

Джим с трудом доплыл до пирса, но взобраться на него не смог — опоры были слишком высокими. Отдохнув у столба, он добрался до берега, вылез на мокрый песок и обнаружил, что не может идти. Лодыжка была сломана. Кости стопы тоже. Правое колено не сгибалось, лицо горело, а челюсть скрипела и стреляла болью при каждом движении. Джим пополз по песку до пирса, добрался до края и посмотрел в воду.

Пес не появился.

Джим улыбнулся, скрипнув сломанной челюстью. В зубах застряли ошметки темной собачатины.

«Джим Победитель», — подумал он.

И испустил дикий, первобытный, леденящий душу вопль, который эхом разнесся над озером и всколыхнул ветви деревьев.

ДЖОН ХАРРИСОН

Аккомпаниатор

Никогда не думал, что стану об этом рассказывать. Я же убедил себя, что никто мне не поверит. В лучшем случае мою историю посчитают выдумкой, в худшем — галлюцинацией. Но настоящей причиной моего молчания было, скорее всего, то, что я хотел сохранить случившееся как свою личную, драгоценную, нетронутую чужими тайну. Минуло почти семьдесят лет, и не было ни дня, когда бы я не возвращался мысленно в тот декабрьский вечер.

Теперь же, когда Либерти ушла, а мои дни сочтены, мне нет резона хранить эту тайну. К тому же я слишком стар, чтобы меня волновало чужое мнение. Мне едва хватает сил удерживать в пальцах этот проклятый карандаш.

Когда я с ним познакомился, мне было восемнадцать. Я как раз нанялся в питсбургское отделение страховой компании «Тихая жизнь» учеником счетовода. То были чудные деньки для молодежи вроде меня. Страна процветала, жизнь кипела благодаря новым возможностям, удача сама шла в руки. Но и опасностей было немало, больше, чем мы тогда подозревали. Все стремились в будущее. Семена экономического хаоса и социальных потрясений уже пустили корни в плодородную почву амбиций и самоуверенности. Вскоре нам суждено будет пожать славный урожай с этих полей.

Первым чувством, которое он у меня вызвал, было любопытство, и это еще мягко сказано. Наш управляющий, Зак Смит, сказал мне:

— Мэттью Пердью тебе понравится. С цифрами он ладит, как никто. Возможно, это лучший наш счетовод. Но при этом он немного, как бы это сказать, рассеян. Однако учитель из него превосходный, не сомневайся.

И я ожидал увидеть милого пожилого джентльмена в очках с толстыми стеклами и слабым голосом. Но представили меня мужчине лет тридцати, с глазами ясными, как алмазы, и взглядом, пробирающим до костей; с гривой непослушных волос, которые, как я позже заметил, странно шевелились, когда он говорил.

— Скорее всего, он у нас ненадолго, — с искренним сожалением предупредил меня Смит. — Боюсь, его... э-э-э... привычки не отвечают

нашим стандартам.

— Привычки? — спросил я, опасаясь... нет, надеясь услышать какую-нибудь скандальную деталь. В восемнадцать я с ума сходил от всего необычного и запретного.

— У него ненормированный рабочий день...

«Ага!» — радостно подумал я.

— И я нанял его только потому, что он действительно профи и, честно говоря, он мне нравится. Но стоит позволить работникам такой индивидуализм, и управлять конторой станет невозможно. Это плохо сказывается на трудовой дисциплине.

К концу его речи я был окончательно заинтригован, и первый же взгляд на мистера Пердью ничуть не убавил моего любопытства. Он сидел за высоким столом, методично постукивал по стопке учетных книг и казался композитором, полностью ушедшим в сочинение сложной мелодии. Он даже не слышал наших шагов. Просто смотрел в окно, постукивал карандашом, слегка покачивался из стороны в сторону и тихонько мурлыкал. Помню, тогда это показалось мне больше похожим на заклинание. Мы остановились, глядя на него, и я заметил, что Смит восхищенно улыбнулся.

И прочистил горло.

Пердью развернулся, и, клянусь, когда он нас увидел, волосы у него встали дыбом.

— Это Джастин Реддинг, мистер Пердью, тот молодой человек, о котором я говорил.

Пердью мягко улыбнулся и подошел ко мне.

— Да, конечно, — сказал, точнее, почти пропел он.

— Мэттью известно о твоём образовании, Джастин, и он знает, что тебе нужно делать. Так что слушай его внимательно и многому научишься. Многое узнаешь.

Мне показалось, что он имел в виду не только счетоводство.

Мэттью, как и предсказывал Смит, оказался умелым и терпеливым учителем. Время, казалось, летело на крыльях, особенно когда он разбавлял наставления смешными замечаниями обо всем на свете. Эти шутки часто были приправлены тем, что мне в ту пору казалось вполне привлекательным здоровым цинизмом. Обладая превосходным образованием, Мэттью мог вдумчиво комментировать самые разные темы, и только его привычка время от времени отключаться на середине предложения и полностью уходить в себя иногда меня раздражала.

Вскоре я узнал, что истинной его страстью были музыка и кино. В те времена кинофильмы назывались «движущимися картинками» и считались низкопробным развлечением. Так что его интерес к ним лишь усилил мое восхищение этим человеком. И когда однажды вечером Мэттью пригласил меня на ужин, я согласился не раздумывая.

Он был владельцем небольшой квартиры в том же районе, где я снимал комнату, и жилище его оказалось уютным и обустроенным. Оно совсем не подходило на логово холостяка-эскаписта, каким я считал Мэттью Пердью.

— Познакомься с моей женой, Либерти, — сказал он, проводив меня в кухню.

Она стояла у стола в центре комнаты и готовила ужин. Когда я увидел ее, мое сердце пропустило удар, я чуть не потерял сознание. Во рту пересохло, в ушах зазвучала чудесная музыка.

— Я пригласил друга на ужин, — сказал Мэттью. — Джастин Реддинг, новый сотрудник нашей фирмы.

Приветствие далось мне с трудом, но я справился. Ее улыбка могла бы расплавить даже металл. Чудесные густые волосы, собранные на затылке, создавали ощущение уюта. Голос был тихим, как шепот, но при этом совершенно не робким. Я никогда в жизни не видел такой прекрасной женщины.

Мэттью, наверное, заметил мое невинное восхищение его женой, но продолжил, как ни в чем не бывало, легкую беседу о том о сем. Либерти была молчалива и лишь изредка добавляла пару реплик к его монологу. Я заключил, что они отлично ладили. И просто сидел, восхищаясь... ими обоими.

— Вы считаете себя решительным человеком? — спросил меня Мэттью за чашкой кофе.

— Мне нравится так думать, — охотно ответил я.

— Отлично. Тогда отправляемся в даунтаун.^[2]

— В даунтаун?

Но он уже поднялся и вышел из комнаты. Затем через пару минут вернулся со стопкой нотной бумаги и жестом пригласил меня следовать за ним. На полпути я заглянул в кухню, чтобы поблагодарить и попрощаться.

Либерти улыбнулась мне. Я никогда не забуду этой улыбки. Всю жизнь, до самой смерти она улыбалась мне так.

Мы с Мэттью сели на троллейбус и сошли на Смитфилд-стрит. По

пути он объяснил мне, что по ночам работает в другом месте и любит эту вторую работу всей душой, вот только платят там слишком мало. В нашей конторе он через третьих лиц вышел на некоего мистера Дж. П. Харриса, владельца нескольких заведений развлекательного толка, одним из которых был магазин на первом этаже (Мэттью называл его «Никелодеон»), где за небольшую плату показывали «движущиеся картинки». Когда мистер Харрис понял, что Мэттью — талантливый пианист, он попросил моего друга исполнять звуковое сопровождение к показам. Мэттью, естественно, тут же ухватился за это предложение.

Я уже слышал о подобном «кино», но ни разу не был на показе. Мои родители были пуританами. Не поймите превратно, несколько раз я с друзьями пробирался в бурлеск^[3] на углу Форбс-авеню, а в то время на бурлеск стоило посмотреть. Но я понятия не имел, что ждет меня на этот раз.

«Никелодеон» мистера Харриса оказался вовсе не прокуренным грязноватым логовом, как я того ожидал. И совсем не походил на бурлеск. Это местечко обладало стилем и очарованием, и позже я узнал, что так и было задумано владельцем. Он ожидал расцвета киноиндустрии и хотел привлечь к новому жанру достойных зрителей.

Мы вошли, Мэттью отыскал для меня местечко в зале и тут же исчез. Пару секунд спустя я заметил его за пианино. Несколько посетителей терпеливо ждали начала представления. Все они показались мне знатоками данного вида развлечений.

Прошло несколько минут, и свет в зале погас. Где-то позади я услышал движение, затем механические звуки проектора. И вдруг мерцающий луч света пронесся над головой и расцвел на белой стене волшебным потоком движущихся фотографий. Пьеса называлась «Тэсс из Страны бурь». Главную роль исполняла энергичная девушка по фамилии Пикфорд. Я мало что помню о фильме (как позже выяснилось, пленка была бракованной), но головокружительное восприятие нового искусства навсегда изменило мою картину мира. Я сразу стал пылким поклонником «движущихся картинок».

Сам Мэттью во время показа был для меня лишь силуэтом, раскачивающимся в ритме музыки и сюжета. Его игра и изображения на стене слились для меня в единое целое. Его движения, казалось, идеально совпадали с эмоциями на экране. Когда в фильме кипели страсти, он тоже был страстным, когда же наступал перерыв, Мэттью расслаблялся. Мне было немного стыдно говорить ему об этом, ведь я считал, что не оправдал его надежд, поскольку Мэттью приглашал меня как слушателя. Но он лишь обрадовался моей «рецензии».

Он остался на второй сеанс, и я вернулся домой в одиночестве. Представление взбудоражило меня, лишило сна в ту ночь.

Мне хотелось продолжить наш с Мэттью разговор. Я мечтал посмотреть новые фильмы с его музыкой.

И снова увидеться с Либерти.

А на следующее утро Мэттью опоздал на службу.

В тот год лето выдалось теплым, и Мэттью с Либерти часто приглашали меня на выходные за город, на пикник. Мы вместе посещали концерты и выставки в новом музее Карнеги. Я полюбил их компанию и до сих пор дорожу воспоминаниями о тех днях как о самом счастливом времени в моей жизни. Меня все так же поражали познания Мэттью, а Либерти с каждым днем казалась мне все прекраснее. Я заметил в ней некую чертовщинку. Она была остра на язычок, но в ее шутках никогда не было жестокости или желания унижить.

В то лето я все чаще бывал в кино. Поначалу в компании Мэттью, а со временем начал ходить один, пробираясь на место до начала его выступления и стараясь, чтобы он этого не заметил. Я пристрастился к новому жанру искусства и вскоре обладал немалыми познаниями в этой области. Я начал разбираться в качестве кинокартин. Знал наперечет названия компаний, которые создавали их в Нью-Джерси. И стал поклонником некоторых актеров, в особенности мисс Пикфорд.

Но вскоре я понял, какую огромную роль играл Мэттью во время этих показов. Однажды вечером он приболел и не смог играть. В тот раз показывали картину, которую я видел уже дважды (да, я был завсегдатаем повторов). История понравилась мне и без музыки Мэттью, но заметно меньше, чем раньше. К тому же я отметил, что фильм был немного другим.

После этого я стал возвращаться в «Никелодеон» собранным и отрезвленным. Я стал внимательно наблюдать. Я изучал, можно сказать, каждую историю по три раза. Некоторые отличия были невелики и заключались лишь в моем эмоциональном отклике на ту или иную сцену. К примеру, в прошлый раз меня взбесило поведение одного из актеров по отношению к его жене. А в этот раз я почему-то ему сочувствовал. Другие же расхождения были разительными. Я помнил, что добрая часть сюжета прошлой ночью развивалась совершенно иначе. По дороге домой я злился на себя за то, что позволил себе так ошибиться. Я привык думать о себе как о ревностном поклоннике жанра. Но какой же поклонник забывает за день просмотренную накануне картину? Я долгое время ломал голову над подобной забывчивостью.

А Мэттью лишь загадочно улыбнулся, когда я рассказал ему об этом.

Я часто бывал в их квартире, наблюдая за тем, как Мэттью разучивает новые пьесы для пианино, а Либерти готовит обед. Его репертуар потрясал воображение, он все играл по памяти. Он исполнял произведения композиторов, о которых я никогда не слышал: Сати,^[4] Веберна^[5] и какого-то слишком уж сложного господина по имени Шенберг,^[6] который гораздо больше музыки любил математику.

— Я постоянно практикуюсь в гаммах и интервалах. Либерти порой даже уходит в это время погулять. — Мэттью мягко улыбнулся. — Говорит, что странно себя чувствует во время этих упражнений. Но постоянные повторы так приучают мои пальцы к клавиатуре, что я могу на нее даже не смотреть... и не думать о ней. Меня интересует не последовательность аккордов, а звук и его текстура.

Я понятия не имел, о чем он говорит. Но однажды во время рутинных упражнений Мэттью сыграл нечто такое, от чего мое тело покрылось мурашками.

— Что это?! — воскликнул я.

— Это тритон. — Мэттью рассмеялся. — Увеличенная кварта. Она и должна раздражать. *Diabolus in musica*.

— Дьявол... что?

— «Дьявол в музыке». — Он таинственно понизил голос. — Запретный интервал, пришедший из Средних веков... когда музыка была собственностью монахов и Церкви.

Мэттью снова заиграл, а я опять вздрогнул. Просто не мог удержаться.

— Не слишком приятно, да? Но у тритона свое назначение, как ты и заметил. Мне нравится. — Он захихикал.

Помимо гамм Мэттью часами практиковался в импровизациях, которые называл «спонтанными композициями». Это было потрясающе. Он говорил, что своей музыкой хочет изменить душу аудитории, произвести метаморфозу, во время которой люди перенесутся в иное место и время. Его теории отдавали жутковатым для меня спиритизмом, но я терпеливо слушал его попытки передать свое виденье идеального сочетания музыки и кино. Мэттью был уверен, что рано или поздно два этих мира сольются, оказав мистический эффект на зрителей.

Я намекал, конечно, что у его надежд явно библейские источники.

Его ответ всегда был кратким:

— Вдохновение художника всегда сродни божественному.

Я настолько вписался в быт Мэттью и Либерти, что начал чувствовать себя членом их семьи. Если бы я только знал тогда, чем все это закончится, наверняка постарался бы держаться от них подальше.

Хотя... возможно, и нет.

Однажды вечером, оставшись с Либерти наедине, поскольку Мэттью отправился в театр, я расспросил ее о теориях мужа, и она ответила, что он одержим ими со дня их знакомства. А для примера рассказала мне об их медовом месяце. Мэттью повез ее во Францию, и, конечно же, она была в восторге. Но позже оказалось, что для поездки у него была еще одна причина: Мэттью хотел познакомиться с изобретателем Жоржем Мельесом, [\[7\]](#) у которого в Париже была своя киностудия. Мэттью видел фильм Мельеса «Путешествие на Луну», и с тех пор мысль о кино его не отпускала. А Либерти была совсем не против экскурсий, пусть даже те были не совсем романтичными, но именно тогда она поняла, что вечно будет делить любовь мужа с иной силой.

А еще во время их медового месяца произошло событие, которое показалось мне чудесным. Мэттью сумел достать билеты на премьеру балета композитора Стравинского. Либерти сказала, что балет назывался «Весна священная». Со стороны Мэттью это был прекрасный ход, и молодая пара готовилась к выходу с величайшим энтузиазмом. Либерти, в отличие от мужа, почти не разбиралась в музыке, но Мэттью объяснил ей, что гений Стравинского очарует любого, а шанс попасть на подобную премьеру выпадает лишь раз в жизни.

Ее глаза светились во время рассказа о том, как они одевались, как Мэттью нанял кэб, чтобы добраться от отеля до концертного зала, как весь вечер осыпал ее цветами, которые без конца покупал у разносчиц, и в целом вел себя как обезумевший влюбленный. А затем был концерт...

Поклонники и противники орали друг на друга из разных лож, Мэттью даже вскочил на ноги, защищая музыку, и получил удар от стоящего перед ним мужчины. И все же они остались до конца представления, а Мэттью кричал «Браво!» не менее пяти минут. (Либерти сказала мне, что его волосы встали дыбом.) Несколько часов по окончании его продолжало трясти от возбуждения. Он никогда еще не слышал музыки, обладающей такой визуальной мощью, сказал Мэттью жене. Это был эволюционный прорыв. Новый путь. Самого балета Мэттью почти не запомнил.

Тот случай и посещение студии Мельеса окончательно убедили Либерти в том, что она вышла замуж за артиста. Она искренне любила его тогда. И любила до сих пор. Но я уловил грусть в ее голосе и внезапно

ощутил ту самую близость и одновременно отдаленность, которую она чувствовала рядом с Мэттью Пердью.

— Я люблю его, — прошептала Либерти, глядя в сторону. — Но это не та любовь... не... не любовь жены.

Я с трудом расслышал последние слова, но мне было ясно, что она имела в виду.

Однажды я опоздал в кинозал и явился туда промокший и продрогший. В конторе случился аврал, и мистер Смит изрядно беспокоился из-за раннего ухода Мэттью. Я придумал какое-то оправдание для друга, а затем, злясь, вынужден был доделывать свое задание и то, что Мэттью оставил невыполненным. Его служба в нашей конторе явно подходила к концу. К тому времени как мне удалось добраться до «Никелодеона», первый сеанс уже начался.

Я в спешке купил билет и побежал к залу в надежде, что пропустил совсем немного, и тут игра Мэттью приковала меня к месту. Ощущение пространства и моего в нем места вдруг исчезли. Время испарилось. Мое сознание затопил поток образов. Движущихся картинок. Я словно очутился во сне наяву. И в моей голове *шел фильм*.

— Вы разве не собираетесь входить? — проник в мои грезы голос администратора.

— Ах да, конечно. — Сколько я там простоял? Что я делал?

— Мне жаль, что он не придерживается сюжета, знаете ли, — продолжил похожий на мопса человечек. Мэттью когда-то знакомил нас, но администратор редко появлялся из крошечного кабинета за лобби.^[8] — Это... безумие, которое он играет, полностью меня дезориентирует. Приходится даже закрывать дверь, иначе я не могу сосредоточиться.

— У вас есть жалобы? — спросил я.

— Нет. — Администратор стушевался. — Но Мэттью делает так все чаще. И рано или поздно это отпугнет наших клиентов. Придется с ним поговорить.

Я прошел в зал и досмотрел картину до конца. И только тогда понял, что ничего не пропустил. Я знал сюжет полностью.

После я удивил администратора тем, что ухватил его за рукав и попросил выслушать мой синопсис первой части фильма, той, что я пропустил. Он согласился и подтвердил, что мои «воспоминания» верны.

По пути домой я рассказал об этом Мэттью. Но он ответил мне все той же загадочной улыбкой.

— Да. У меня получается. Это работает, — сказал он и больше ничего

не добавил.

К ноябрю Мэттью почти все свободное время проводил в «Никелодеоне» мистера Харриса. Час за часом он просиживал в мрачной каморке под кинозалом, ожидая следующего сеанса и просматривая пленки, принесенные киномехаником, с которым у Мэттью завязалось нечто вроде дружбы (основанной, я уверен, на том, что старик любил виски, а Мэттью был способен поставлять ему предмет этой любви).

Каморка была темной, как застенок. Вонь, граффити на стенах, режущий свет одинокой голой лампочки под потолком казались мне декорациями преступного логова. Я никогда не понимал, почему Мэттью не проводил перерывы в лобби или даже на улице.

— Тут тихо, — отвечал он на все мои вопросы, игнорируя шипение труб и жуткое клацанье котла отопления, от которого я не переставал вздрагивать. Но Мэттью продолжал возвращаться туда и застывал, словно медитировал в окружении кинопленок и листков с нотами, разбросанных по полу.

Либерти казалась отрешенной. Она всегда терпеливо сносила странности мужа, но теперь Мэттью все силы отдал достижению смутной, лишь ему видимой цели и отдалялся от Либерти все дальше и дальше.

Я проводил с ними много времени, но с каждым по отдельности, а не с обоими сразу, как летом. Мое присутствие, казалось, разгоняло тоску Либерти, но сам я оказывался на скользком и опасном поле эмоций.

— Разве не здорово было бы, если бы мы смогли слышать, как они говорят? — спросил я у Мэттью, когда он в очередной раз просматривал пленку под «Никелодеоном». — Это было бы... — Я запнулся.

— Это был бы театр, — прошипел он. — Хочешь услышать разговоры, отправляйся в театр. А это иной вид искусства, искусство международного языка... как музыка. Ей не требуется *диалога*.

Последнее слово он произнес с явным презрением.

— Почти как сон, — бездумно прошептал я.

— Да. Именно. Коллективный сон, — сказал Мэттью, и его глаза снова сверкнули.

Он продолжил работу, затем замер и опустил голову.

— А ведь они это сделают, знаешь ли.

— Что? — Я сбился с темы.

— Они заставят картинки говорить. Рано или поздно. Чтобы угодить таким людям, как...

— Я?

Мэттью поднял глаза. Он попытался скрыть осуждение за улыбкой, но у него получилась лишь гримаса.

— И это уничтожит саму суть кино.

В ту ночь я смотрел фильм, который полностью забыл, кроме названия. Видите ли, Мэттью отрезал остаток пленки. Но я все прекрасно понял.

Еще несколько недель Мэттью провел на своем месте в кинотеатре. Все, кроме работы аккомпаниатора, казалось ему досадной помехой. Я прикрывал его отсутствие в конторе. Мэттью похудел, глаза утратили пронзительность. Теперь они были словно повернуты внутрь.

Но на День благодарения прежний Мэттью ненадолго вернулся к нам. Либерти приготовила чудесный ужин, а отстраненная замкнутость ее мужа сменилась прежним остроумным оживлением.

Мы с Либерти надеялись, что он взял отгул в «Никелодеоне», но наши надежды не оправдались. Новый фильм уже был анонсирован, и Мэттью не мог дожждаться премьеры. Пришлось с грустью следить, как он уходит от нас в снежную ночь.

Мы же с Либерти остались у камина, потягивали бренди и почти час молчали. Мне было крайне неуютно. Мое сердце, мой разум, мои нервы посылали мне противоречивые сигналы.

Я хотел заговорить, но не мог решиться. Тишина хранила меня от срыва. Но Либерти лишила меня этой защиты.

— Мне так одиноко, Джастин.

И сердце мое сорвалось. Я любил ее. Давно уже любил, но смирился с ее недоступностью. А вот с ее печалью смириться не мог.

Язык меня предал. Я хотел заверить Либерти, что все будет хорошо, избавить ее от страха, утешить. Но каждый раз, когда я пытался сказать хоть слово, язык отказывался мне повиноваться.

И вдруг Либерти меня обняла. Не знаю, как это случилось. Мы не говорили ни слова. Я лишь погладил ее по лицу, и этот жест был задуман как совершенно невинный, но она с такой легкостью, с такой жадностью прильнула к моей ладони, что мы оба просто растаяли.

В объятиях чужой жены, жены *моего лучшего друга*, я испытывал ужас и восхищение одновременно. Я слышал, как бьется ее сердце. Я был испуган ее страстью. Как до этого дошло? Мы занялись любовью.

— Господи, — прошептал я, зарывшись лицом в ее чудесные волосы. — Что же мы делаем?

— Отправляемся в ад, — выдохнула Либерти.

Но в глубине ее глаз я видел отнюдь не преисподнюю.

А после мы долго лежали в объятиях друг друга. Слушали треск пламени... Либерти прижалась ко мне, глядя по липу.

— Теперь все хорошо, — сказала она.

Я ушел тогда, все еще не опомнившись. Как я мог так поступить? Как она могла?

И прежде чем я осознал, что делаю, я уже стоял на пороге «Никелодеона» мистера Дж. П. Харриса на Смитфилд-стрит. Почему я решил прийти сюда? Неужели меня привел дьявол, который с извращенным удовольствием желал, чтобы я повидал преданного мной друга? Или меня влекла некая внешняя сила... притягивал мой проницательный наставник, который хотел взглянуть мне в глаза и молча сказать: «Ну?» Что, если он знал о том, что произойдет после его ухода? Мог ли он каким-то образом желать случившегося?

И что это было за безумие? Возможно, они оба демоны... и оба впились в мой разум с разных сторон, чтобы посмотреть, выдержу ли я?

В мой разум и в мое сердце.

Именно тогда я увидел Вильямса, управляющего, медленно бредущего по улице передо мной.

— Что случилось, мистер Вильямс? — спросил я, догоняя его. — Вы кажетесь расстроенным.

— И вы бы расстроились, если бы в такую ночь вас оторвали от семейного ужина.

— Что случилось?

— Это-то я и хочу выяснить. Какой-то мальчишка постучался с экстренным сообщением от Беллоуза. Сказал, что мне немедленно нужно быть в кинотеатре.

В «Никелодеоне» все было как обычно. Кроме Беллоуза, старого киномеханика, который метался по вестибюлю, словно нетерпеливый отец под дверью роженицы. Он был бледен. И неуверенно застыл при нашем приближении, чем разозлил Вильямса еще сильнее. Управляющий пронесся мимо незадачливого киномеханика в свой кабинет.

Вестибюль был затоплен музыкой Мэттью. Сквозь приоткрытую дверь кабинета я видел, как управляющий возится с книгами и бумагами.

Мэттью играл как одержимый. Я никогда не слышал такой бессистемной, неузнаваемой музыки. Она пронизывала и рвала, верхние регистры — все одновременно — сменялись воющими нижними. В

традиционном смысле слова музыка была бессмысленной, но все равно потрясала.

Я словно оказался в ином измерении. Все вокруг меня приобрело крайнюю ясность и замедлило ход. Вильямс вышел из кабинета с приходной карточкой в руках, но и он, и Беллоуз, и девочка-кассир выглядели совершенно сбитыми с толку. Музыка поглотила остальные звуки. Я слышал только ее. Стены задрожали и вдруг растаяли. По глазам ударило буйство красок.

Я осознал, что больше не стою в вестибюле. Я был на поле боя. Со всех сторон меня окружали мертвые и умирающие, в воздухе расплзался ядовитый зеленый газ. Люди задыхались в нем, лошади исполняли медленный танец смерти. Взрывы сотрясали землю. Но почему-то я оставался спокойным и не испытывал страха. Яркий белый свет возник над горизонтом и стал приближаться ко мне. Я попытался шагнуть навстречу, но ноги мои не двигались. И тут все начало изменяться. На миг мне показалось, что я вижу прекрасную женщину. Затем — нечто неопишное, чарующее, волшебное. И вдруг снова свет. Все происходило одновременно. Израненная безжизненная земля утонула в потоке света. Звучали тихие, спокойные, ласковые голоса, но слов я понять не мог. Меня затопил невероятный, божественный покой. В нем была музыка... нет, не музыка... какой-то неопределимый звук. Он шел отовсюду, он был всем.

И вскоре достиг неопишного крещендо... и стих. Я ахнул и понял, что пытаюсь отдышаться, как после долгого пребывания под водой. Я оглянулся. Остальные, судя по всему, испытали то же самое. Вильямс вспотел.

И тогда мы услышали их. Аплодисменты. Ревущий, нарастающий девятый вал.

Дверь кинозала распахнулась, публика высыпала наружу. Кто-то плакал, кто-то неистово смеялся. Некоторые недоверчиво качали головами. Но не было, не было НИ ОДНОГО равнодушного.

— Ну и зачем я здесь, Беллоуз? — спросил мистер Вильямс, помахивая карточкой. — У нас аншлаги. И они определенно... наслаждались просмотром. — Последние слова он произнес, оглядываясь с некоторой долей смущения. — Так какова же сверхважная причина, по которой вы выдернули меня из дому и заставили притащиться сюда?! — заорал он на дрожащего старого киномеханика.

Я же наблюдал за проходящими мимо восхищенными зрителями. И слышал слова «потрясающе», «никогда ничего подобного не видел», «экстраординарно». Фильм наверняка оказался шедевром.

— Но, видите ли, дело в том... — Беллоуз запнулся. — В том-то и дело.

Мы с мистером Вильямсом обменялись подозрительными взглядами.

— Не было никакого фильма, — выдохнул старик.

У Вильямса отвисла челюсть.

— Не было фильма, — продолжил Беллоуз, всхлипывая. — Не привезли. Я не знал, что делать. Мы продали билеты, я отправил мальчишку на станцию за пленкой. А когда он вернулся с пустыми руками, я послал его к вам. Но потом... — Киномеханик мотнул головой в сторону зала, — он начал играть. И они не ушли. Слышите меня, они не могли уйти. Я наблюдал в окошко. Аккомпаниатор играл как сумасшедший: У него волосы встали дыбом. Господи Иисусе, я никогда ничего подобного не видел! А они смеялись и плакали. Кричали и умолкали. Его игра, мистер Вильямс... Вы слышали. Но фильма не было. Не привезли его. Не было никакого фильма!

По дороге домой мы с Мэттью молчали. Я не мог придумать ни одного подходящего слова и не смел поднять на него глаза. Но он казался спокойным, умиротворенным, словно все было в порядке, как всегда.

У остановки он взял меня за руки и повернулся ко мне в первый раз после выхода из кинотеатра. Я испугался. Его глаза стали совершенно белыми... Взгляд был мягким и добрым, но от одного вида этих глаз мне хотелось кричать.

— Не бойся, Джастин, — сказал Мэттью, и тон его голоса успокоил меня. — Это прекрасно. Поверь мне. Это прекрасно. Я теперь все вижу.

— Что с тобой случилось? — По моим щекам потекли слезы.

— Я достиг успеха.

Больше он ничего не сказал.

Мы вышли из троллейбуса, и я проводил Мэттью до квартиры. У двери он снова повернулся ко мне.

Он улыбнулся и коснулся моей щеки ладонью. Мне показалось, что его глаза светятся.

— Я люблю вас обоих.

Больше он ничего не сказал...

Медленно поднявшись по ступенькам, он достал ключи и отпер дверь.

Я больше никогда не видел Мэттью Пердью.

Несколько лет спустя мы получили от него письмо. Первое письмо после его отъезда в Калифорнию. Мы с Либерти поженились вскоре после

того, как он уехал, двое наших сыновей и дочь родились в назначенный срок.

В своем письме Мэттью был сдержан, хотя немного беспокоился о своей карьере аккомпаниатора. Как он и боялся, все киностудии стремились выпускать звуковые фильмы, и спрос на аккомпаниаторов, которые смогут подчеркнуть игру актеров, сходил на нет. Выбор работы, особенно в сфере кино, для слепого Мэттью был крайне ограничен.

Но в то время он продолжал работать. По настоянию множества кинозвезд, которые отказывались появляться перед камерой, если Мэттью Пердью не было на съемках. И все же, разочаровавшись в большинстве знаменитостей, Мэттью решился подписать контракт с актером по имени Лон Чейни.^[9]

— Когда он играет, — сказал Чейни боссам кинокомпании, — я вижу весь фильм одновременно.

После этого новости о Мэттью доходили до нас лишь эпизодически. В основном в виде открыток, приглашавших на тот или иной фильм. После 1927 года настало затишье. Он исчез.

А мы с Либерти перестали ходить в кино.

В тот год вышел фильм под названием «Певец джаза».^[10]

РОБЕРТ МАСЕЛЛО

Где есть воля...

Майкл узнал о случившемся из записки. Один из его соседей нацарапал на стикере: «4 часа. Звонила твоя мать — твой отец умер. Едь домой». Стикер был прилеплен к двери в его комнату.

Майкл снимал то, что раньше было столовой, и каждый дюйм своей комнаты забил сценариями фильмов, руководствами по написанию сценариев, журналами, посвященными искусству написания сценариев (Майкл чувствовал, что писать он научился, но до шедевров его работам пока далеко). Тут же стоял компьютер, за которым он создавал свои работы, и копировальная машина, на которой он их размножал. Последняя была единственным предметом роскоши, который Майкл себе позволил. Впрочем, подсчитав, сколько денег потребовалось бы на услуги копировальных центров и количество агентов, продюсеров и студий, которым нужно разослать будущие копии, он посчитал покупку фотокопира разумной инвестицией в будущее.

А теперь ему придется тратить деньги на авиабилет. Майкл отложил несколько сотен на следующий семинар Роберта Макки, и как бы ему ни хотелось оставить сбережения в неприкосновенности, выхода у него не было. Стоит попросить мать или, что еще хуже, старшего брата купить ему билет, и они сразу поймут, что его рассказы об успехах в Голливуде далеки от правды. Что сделало бы и без того мрачную ситуацию вовсе отвратительной.

Дверь в его комнату с треском распахнулась — не стоило ожидать надежности от двери в столовую, — и в проеме нарисовалась голова Кевина.

— Нашел мою записку?

— Да.

— Ну, это... мужик, мне правда жаль.

— Спасибо. — Майкл надеялся, что Кевин сразу же уйдет, но голова продолжала маячить в проеме.

— Такты, это... возвращаешься в Чикаго?

— Судя по всему.

— А то у меня друзья решили навестить в город, — продолжал Кевин. — Ты ж не против, чтобы они у тебя пока пожили?

Майкл знал, что, даже если он откажется, Кевин сделает по-своему.

— О'кей, при условии, что они не будут трогать мой комп и копировальный аппарат.

— Клево! — Кевин хлопнул ладонью по двери и убрался.

На следующее утро Майкл сел на самолет в аэропорту Бербанк. К счастью, соседнее место осталось незанятым, и он смог просто смотреть в иллюминатор и размышлять о том, что ждет его впереди. Будущее было безрадостным. Его старший брат, Ричард, станет помыкать окружающими, мать будет безутешной и потерянной. Разговаривая с ней по телефону, Майкл не мог избавиться от ощущения, что она где-то невероятно далеко от него. Он размышлял над тем, как организовать похороны и сколько времени это займет. Он вырос в Чикаго, и все же этот город всегда его пугал.

Как и отец.

Старик был крупной фигурой во всех смыслах этого слова: огромный, громогласный, с большими ладонями и привычкой всех, даже заклятых врагов, встречать радостным «Как дела, приятель?» Он хлопал людей по плечам, пожимал им руку обеими лапищами и улыбался так, словно никак не мог насмотреться на собеседника. Но Майкл знал цену этой показухи — отец просто окучивал их, заключал нужные сделки, после чего ему становилось искренне наплевать, жив его клиент или нет. Его сердце было твердым, как импортный камень — мрамор, гранит, известняк, сланец, — которым он торговал, и таким же непробиваемым; Рэндольф Джей Маунтджой всегда получал то, что хотел.

Их дом он тоже построил по своему вкусу. Майклу этот дом всегда напоминал склеп — мрачный, пустой, давящий, сложенный из тесаного камня стольких видов, что другим домам в округе Вашингтон впору было удавиться от зависти.

Такси остановилось у массивных колонн, украшенных фигурами лежащих львов. Майкл вдохнул, медленно выпустил воздух и только потом нажал на кнопку. Из интеркома раздался голос брата. Майкл назвалсся, и ворота открылись.

Брат ждал его у открытой двери на верхней площадке каменного крыльца.

— Мама сказала, что до вечера тебя можно не ждать, — произнес он.

— Я вылетел первым же рейсом.

Оба не знали, стоит ли обменяться рукопожатиями, обняться или как прежде держаться на расстоянии и игнорировать друг друга. Ричард был на два года старше и представлял собой все то, чем Майкл не являлся. Он был

высоким, сильным, звездой спорта, президентом веселого студенческого братства и много лет являлся правой рукой отца в бизнесе. Компания называлась «Маунтджой и сыновья: камень и строительные материалы», но Майкл лишь изредка подрабатывал там летом, и даже тогда это не доставляло ему радости. Камни были тяжелыми и твердыми, Майклу постоянно не везло. Ободранные голени, невыполненные указания, та ошибка, когда он начал защищать подрядчика — отец постоянно напоминал ему об этом.

— Мама спит, — сказал Ричард. — Я дал ей валиум.

В приемной было все так же мрачно, холодно и неудобно, новыми были лишь цветы и венки.

— Она была немного не в себе, когда я позвонил, — сказал Майкл. — По ее словам, у него был инфаркт?

— Обширный, — ответил Ричард. — Сердце раскололось, словно перерубленное топором.

Жуткой неожиданностью это не стало — в прошлом году у отца уже было два коронарных приступа, и Майкл знал, что третий может случиться в любое время.

— Ты был с ним?

— Я работал с клиентом. А когда доехал до больницы, они уже сделали все, что могли.

«Ну что ж, — подумал Майкл, — по крайней мере он ушел так, как сам того хотел. Черт, ну и клише. На этой неделе они меня просто преследуют». И он решил вести заметки — если за несколько дней здесь ему удастся придумать что-то оригинальное, можно будет использовать это как материал для сценария.

— Сисси уже тут?

— Она приедет из Милуоки после работы.

Сисси — или Синди, как она требовала, чтобы ее называли, — была младше Майкла и работала стоматологом-гигиенистом у женатого мужчины, с которым (все это знали) спала уже много лет. Ее любовник был похож на отца — такой же большой и шумный сукин сын, и Майклу сложно было поверить в случайность этого сходства.

— Можешь занять свою старую комнату, — сказал Ричард, и Майкл кивнул, волоча к винтовой лестнице свой рюкзак.

— Насчет организации похорон я просвещу тебя позже! — крикнул ему в спину Ричард. — Сейчас мне нужно возвращаться в офис.

— О'кей, увидимся. Спасибо, что занимаешься этим.

Ричард всегда все брал на себя, даже когда Майклу этого не хотелось.

— Без проблем, приятель. Кто же еще с этим справится?

Майкл не мог не заметить — первая строчка его будущего сценария, — что брат инстинктивно использовал любимое словечко отца «приятель». Как давно он подцепил эту привычку?

Поднявшись, Майкл шагнул к двери своей старой комнаты, окна которой выходили на зеленый боковой двор. Это было его убежище, и мама сохранила комнату как святыню: все вещи были именно там, где он их оставил. Плакаты Оберлинского колледжа все так же оккупировали стены, кубки и награды за театральную деятельность сияли под стеклом на полках, а в шкафу все еще висела старая одежда. Майкл отодвинул вешалки, освобождая место для костюма, сунул остальные вещи на верхнюю полку и присел на край кровати у широкого окна. За окном царил обычный для Чикаго мрачный холодный день, голые ветви деревьев впивались в серое небо. Майкл чувствовал себя так, словно ему снова тринадцать.

Он задремал и очнулся от тихого стука в дверь и голоса матери. Она вошла, и Майкл заметил, что с прошлого лета мама, казалось, постарела лет на десять. Бледное лицо осунулось, голубые глаза потускнели, а волосы — обычно подстриженные и уложенные в изысканную прическу — были в беспорядке. Даже шелковая пижама была странно мятой.

— Нужно было сказать мне, что ты приехал.

Мама опустила на край кровати и коснулась его щеки сухой холодной ладонью. Это напомнило Майклу о тех днях, когда она проверяла его температуру в детстве и иногда позволяла остаться дома даже тогда, когда он притворялся больным и просто не хотел идти в школу. Он знал: мама видит его притворство, но это была их тайна — двух чувствительных душ, запертых в холодной каменной коробке и тянущихся друг к другу с теплотой и пониманием.

Майкл сел и обнял ее — поразившись тому, какими хрупкими кажутся ее кости, — и несколько минут они говорили о его работе в Голливуде. Майкл рассказал, что его агента просто завалили интересными предложениями. И только потом они вернулись к более насущной и мрачной теме.

— Всеми приготовлениями занимается Ричард. Не знаю, что бы я без него делала. Служба состоится завтра в полдень, в похоронном бюро Ковингтона.

Дорогое местечко, подумал Майкл, туда обращались все богатые семьи.

— Погребение в Лэйквью-парк, в семейном склепе.

А вот это новость.

— В семейном склепе?

Мама вытащила из кармана скомканную тряпочку и высморкалась.

— Да. Твой отец строил его последние полгода и только недавно закончил. Конечно, никто не знал, что склеп понадобится нам так рано. Ричард не говорил тебе об этом?

— Ни слова.

— Что ж, завтра увидишь сам. Склеп построен на самой высокой точке кладбища и окружен деревьями. Оттуда открывается вид на озеро.

Семейный склеп? Майкл с трудом сдержал дрожь. Похоже, он влип в один из рассказов Эдгара Аллана По. (Еще одна строчка в копилку будущего сценария, Майкл постарался ее запомнить.) Впрочем, неудивительно, ведь для надгробий и склепов отец поставил больше камней, чем кто-либо другой на Среднем Западе.

На ужин они заказали еду в итальянском ресторане, который любил отец. Никому не хотелось готовить, а Ричарду не хотелось и есть. Сисси, верная себе, «следила за фигурой». Она унаследовала от матери тонкие черты лица, но массивным сложением и склонностью к полноте пошла в отца. За эти годы она сменила множество работ, иногда сидела на пособии, дважды официально заявляла о банкротстве. А вот последний любовник, видимо, пришелся ко двору: Сисси остепенилась и изо всех сил старалась не замечать маленьких неувязок в их отношениях.

— Я рассказываю друзьям на работе, что мой брат пишет сценарии к фильмам, и все интересуются, как они называются, — сказала она, кончиком ножа счищая панировку с куриной котлеты. — Что-нибудь уже сняли? Что мне им порекомендовать?

— Снимут следующей зимой, — соврал Майкл. — Съёмки фильма — довольно трудоемкое занятие, знаешь ли.

— А как ты зарабатываешь в промежутках между фильмами?

На ум немедленно пришло слово — «Старбакс»: Майкл работал там в первую смену шесть дней в неделю.

— Дело в том, что в кино часто приходится переписывать сценарий по несколько раз или править чужие, но при этом твою фамилию не указывают в титрах.

На Ричарда можно было и не смотреть: сидя во главе стола, где раньше восседал отец, тот явно скорчил скептическую гримасу.

— Ты смотрела «Отпуск в аду»?

— Еще нет, но видела рекламу. Так это над ним ты работаешь? — с жадным любопытством спросила Сисси.

Майкл величаво склонил голову; пока он не заявит вслух, что писал сценарий для фильма, его не смогут обвинить во лжи. К тому же он знал настоящего сценариста, этот парень всегда заказывал эспрессо макиато и сдобу с патокой.

После обеда Ричард удалился в кабинет отца — что-то он не спешил домой, в прилизанный кампус на Лэйк-Шор-драйв, — а Майкл остался с мамой и Сисси в «большой гостиной». Сам Майкл называл эту комнату «большой негостеприимной». Помещение было и вправду большим, но каким-то бездушным, неуютным. Над огромным газовым камином из цельного камня висел семейный фотопортрет. Отец, естественно, занимал почетное центральное место. На нем был темный костюм и яркий красный галстук со знаком масонской ложи, к которой отец принадлежал. «А что, кто-то когда-то видел каменщика, который не был бы масоном? — не раз говорил он. — Да полная ерунда, приятель». Все остальные на фотографии казались его бледной тенью. Майкл был в левом нижнем углу и часто замечал, что только его лицо не выдавало ни подобострастия, ни пренебрежения. В зависимости от настроения, он объяснял это либо самодостаточностью, либо непомерной печалью.

Мать продолжала смотреть на него с горечью и сжимала его руку так, словно пыталась выжать из губки последние капли воды. Сисси болтала о чудесах Милуоки и о том, что она называла «отвязной пятницей»: «Я весь четверг ничего не ем, чтобы позволить себе потом всю оттянуться», — и периодически намекала на то, как сложно жить на одну зарплату. Майкл знал, что отец все эти годы содержал ее, и втайне гордился, что сам не просил о подачках.

Хотя не просил он из страха перед отказом.

Вернувшись в спальню, Майкл принял «Золофт» от депрессии, AMBIEN от бессонницы и надел наушники — он любил засыпать под пение Люсинды Вильямс или Трэиси Чэпмена, — но сегодня привычные средства не сработали. Слишком многое произошло слишком быстро, да и общее напряжение, которое вызывал у Майкла отчий дом, плохо сочеталось с мыслями о смерти отца. Разве он не должен был горевать? Или хотя бы грустить? Майкл чувствовал лишь оцепенение, приправленное странным ощущением в животе, словно он съел накануне нечто не совсем свежее.

Вот мама, как и следовало ожидать, провалилась в депрессию. Что же до Ричарда и Сисси, то они притворялись. Ричард, конечно, может выделяться — сидеть в кабинете отца, хвастаться личным секретарем, хвататься за руль отцовского любимого «бентли», — но ему теперь придется заниматься и бизнесом, в котором он совершенно ничего не

смыслил. В детстве Ричард был вежлив с Майклом только в одном случае — когда ему требовалась помощь в выполнении домашнего задания. Майкл, хоть и был на два года младше, разбирался в алгебре и геометрии лучше брата и часто решал за него задачи, чтобы купить такой ценой немного спокойствия.

Сисси же искренне горевала только о потере ежемесячных субсидий от папочки. С матерью она ладила, но все же была папиной дочкой. И подлизой. Майкл подумал о том, что сказал бы отец, если бы увидел, как Сисси сегодня поглощала пирожные и трепалась о том, что урезает себе норму калорий, отказываясь от хлеба и пасты, — и это когда тело отца еще не зарыли!

Точнее, не поместили в склеп.

После полуночи Майкл принял еще полтаблетки снотворного и услышал голоса в коридоре. Он прижался ухом к двери.

Мама тихо плакала, а Ричард говорил:

— Либо сработает, либо нет. Вреда от этого не будет.

— Но это так... — Она замолчала.

— Это для общего же блага, — тихо произнес Ричард. — Подумай об общем благе.

О чем это они? О том, что вся отцовская компания достанется Ричарду? Который не в состоянии посчитать десять процентов от суммы чаевых в ресторане?

Открылась дверь маминой спальни, и Ричард добавил:

— Тебе нужно как следует выспаться. Завтра будет тяжелый день.

Дверь закрылась, и Майкл затаил дыхание; он слышал, что брат подошел к двери в его комнату и остановился. Майкл видел тень в полосе света под дверью, слышал, как брат вздыхает, словно перед решительным шагом. Он собирается постучать? Майкл замер, когда дверная ручка едва заметно дернулась. По детской привычке Майкл всегда запирал дверь на ночь и сейчас был очень рад этому. Ручка бесшумно повернулась почти до упора, затем вернулась в нормальное положение. Майкл снова услышал вздох — печали? раздражения? усталости? — и шаги удалились по коридору в сторону комнаты для гостей. Майкл выдохнул и рухнул на кровать.

На следующее утро он проспал — оказалось действие амбиена, — и к тому времени, как набросал заметки для сценария и спустился вниз, все уже закурилось. В гостиной он увидел пустые стаканы и остатки закусок — семейный совет прошел без него. Мать была в кухне. Она уже надела черный жакет и длинную темную юбку и теперь командовала несколькими

испанками: что им следует поправить, что должно быть готово к приходу костей с кладбища, что поставить на буфетный стол в столовой. Сисси и Ричард перебирали бумаги в отцовском кабинете. Да что происходит? Сестра тоже решила заняться бизнесом? Майкл недоумевал.

— Все еще живешь по голливудскому времени? — приветствовал его Ричард, когда Майкл появился в дверях. Стопку бумаг он тут же сбросил в ящик стола и закрыл его.

— В кухне остались пирожки, — сказала Сисси. — И кофе.

— Но поторопись. — Ричард посмотрел на дедушкины часы, стоявшие в углу кабинета. — Нам скоро выезжать.

Майкл уже надел свой темный костюм — легкая хлопковая ткань отлично подходила для Калифорнии, но никак не для Чикаго — и позавтракал у себя в комнате, чтобы никому не мешать. На лице матери цвел нездоровый румянец, который она безуспешно пыталась скрыть с помощью макияжа. И столь же безуспешно пыталась не встречаться с ним глазами. Еще одна строчка в сценарий.

Ричард позвал брата из холла. Майкл закрыл блокнот, натянул старую парку, которая так и висела в шкафу, и спустился вниз. Старомодный черный «бентли», гордость отца и самое ценное его приобретение, поблескивал у входа. Мать уже устроилась на переднем сиденье, Майкл забрался назад и сел рядом с Сисси. Ричард с довольным хрюканьем влез за руль, и Майкл уставился ему в затылок. Прекрасно подстриженные темные волосы, бархатный воротник пальто идеально расправлен на широких плечах. Но все равно вид был отвратительный. Майкл не привык видеть за рулем кого-либо, кроме отца. Даже в загородном клубе отец не позволял обслуге парковать «бентли» вместо него, всегда заводил автомобиль на парковку сам, на лично зарезервированное место.

Служба оказалась предсказуемо формальной и многолюдной, учитывая характер и достижения такого человека, как Рэндольф Маунтджой, но людей было все же меньше, чем ожидал Майкл. Сестра отца, тетя Хелен, позвонила и сказала, что не успеет приехать из Сиэтла. Эпитафии были короткие и пафосные и напоминали скорее биографические очерки, чем слова прощания с дорогим человеком. Не раз и не два вспоминали любимую присказку отца: «Как дела, приятель?», но ни у кого, кроме матери, эта присказка не вызвала слез.

Процессия отправилась на кладбище Лэйквью по длинной извилистой дороге, которой Майкл не раз шагал, чтобы оценить установку надгробия, заказанного у отца, или поговорить с могильщиком. Майкл не видел склепа, пока не вышел из автомобиля. Но с первого взгляда понял, который

из новых склепов строил его отец. Это было грандиозное беломраморное сооружение, выполненное в классическом стиле, с круглыми колоннами у двери и крылатыми ангелами по углам крыши. Майкл не припоминал возвышений на кладбище, значит, отец заплатил кучу денег за искусственную насыпь, с которой откроется чудесный вид на холодные серые воды озера Мичиган.

Лакированный гроб сняли с катафалка, и в сопровождении немногочисленных близких друзей семьи Ричард открыл перед ним дверь склепа. Тяжелая, словно отлитая из темного стекла, украшенная ажурной кованой решеткой из темного металла — Майклу показалось, что он узнает на ней орнамент с любимого отцовского галстука. Последовала небольшая заминка — носильщики неуклюже перестраивались в попытке пронести слишком широкий гроб в узкую дверь. Майкл слышал, как Ричард командует ими: «Сюда, под круглое окно, осторожнее», гулкие шаги по каменному полу, звук, с которым тяжелый гроб скользнул на мраморную полку. Затем носильщики вышли, а Майкл, стоя на утрамбованной земле склона рядом с матерью и сестрой, заметил одну странность. Вблизи становилось ясно, что фигуры по углам склепа вовсе не были ангелами: это были совы со сложенными крыльями и загнутыми клювами. Мгновение спустя из склепа вышел брат, закрыл дверь и запер ее кованым ключом — большим и черным, таким, наверное, запирались ворота Бедлама. Еще одна пометка.

Но Майкла задело то, что брат не предложил ни ему, ни кому-либо еще проститься с телом отца в склепе — он почему-то хотел заглянуть внутрь.

— Как интерьер? — спросил Майкл в надежде, что брат исправит свою оплошность.

— Тебе там не на что смотреть, — ответил Ричард. — Но работа сделана на высшем уровне. Отец не позволил бы иного.

Поддерживая маму под локоть, Ричард провел их вниз к автомобилю. Очень скоро должен был начаться прощальный прием.

С большинством приглашенных Майкл был едва знаком. Он редко возвращался домой из колледжа. Пару раз его спросили: «Как дела в Голливуде?», и Майклу пришлось отделяться вежливыми репликами о скромных успехах. Слава богу, они не знали, насколько скромными на самом деле были его успехи. Чуть меньше часа спустя он смог незаметно выскользнуть из комнаты и подняться к себе, чтобы записать вкратце события этого дня.

Но прислонившись спиной к изголовью и черкая в блокноте удачные реплики, Майкл не мог избавиться от неприятных воспоминаний —

приглушенный разговор на лестнице, брат, прячущий от него бумаги и загораживающий вход в склеп... За эти годы Майкл отвык от издевок Ричарда и забыл о том, насколько он чужой в своей семье. Даже мать, его единственный союзник, теперь была подавлена потерей мужа и ничем не могла помочь. Только сильная воля отца сохраняла семью, удерживала каждого на нужном месте. Отец был Солнцем, притягивавшим их, как планеты, а теперь Солнце погасло, и все ищут того, кто сможет поддерживать новый порядок.

Майкл сделал еще несколько пометок и спустился вниз перекусить. Он обрадовался уходу гостей и решил лечь пораньше, раз уж вчера выспаться не удалось. Но что-то мешало ему успокоиться. Майкл посмотрел телевизор, принял горячий душ, но вместо того чтобы лечь в кровать, с удивлением понял, что решительно одевается, чтобы спуститься вниз. Он был задет за живое, да что там, он был зол. То, что много лет росло в нем, готово было вырваться наружу. Майкл отказывался безропотно нести на себе клеймо «урода в семье» и не хотел быть аутсайдером, которым привык притворяться. Он злился. Майкл вовсе не был безответным, просто не решался настаивать на своем. Но теперь он готов это сделать. («Протагонист вашего сценария должен **ДЕЙСТВОВАТЬ**, — вспомнилась ему фраза из какой-то записи, — а не подчиняться действиям».)

Именно это Майкл и собирался делать. Действовать. Ричард наконец вернулся к себе, мать наверняка накачалась валиумом. Сисси не выйдет из своей комнаты — Майкл слышал, что она смотрит шоу «Шеф-повар» по телевизору.

Ящик стола в отцовском кабинете оказался открытым. Майкл вынул бумаги, которые просматривал Ричард, и поначалу не поверил своим глазам. Логотип и заголовки бланков изменились, но лишь при ближайшем рассмотрении стало ясно, что компания теперь называется «Маунтджой: камни и строительные материалы». Никакого «и сыновья». И уж определенно не «и брат».

Так вот о чем они шептались вчера на лестнице? Из-за этого плакала мама — окончательно предав своего младшего сына?

Майкл начал заталкивать бумаги обратно, но опомнился и аккуратно сложил их. Не стоило оставлять доказательств. Именно тогда Майкл заметил черный железный ключ, которым Ричард запирает дверь склепа.

Взвесив ключ на ладони, Майкл ощутил, как растет его решимость. Возможно, пришло время самому о себе позаботиться. Он только что узнал, что за планы были у брата относительно семейного бизнеса, а теперь, черт возьми, выяснит, что такого важного Ричард прятал от него в склепе.

Но даже сейчас Майклу не хватило духу взять отцовский «бентли». И было ясно, что попытка найти ключи от машины матери выдаст его с головой еще раньше, чем скрип открывающихся ворот. Майкл надел парку, сунул в карман фонарик и вывел из гаража свой старый велосипед. Заднее колесо спустило, но выдержит — кладбище было всего в паре миль от дома.

Чего он не ожидал, так это снегопада, который начался через пару кварталов. Поначалу лишь редкие пушистые снежинки падали Майклу на руки и прилипали к стеклам очков. Он натянул капюшон и постарался ехать быстрее, но ему сложно было разогнаться против ветра на скользкой мостовой. Заднее колесо только добавляло проблем.

До кладбища Майкл добрался весь залепленный мокрым снегом. Прислонив велосипед к воротам, он набрал код, который помнил по летним подработкам, и проскользнул внутрь.

Луч фонарика мог привлечь внимание ночного сторожа, так что пришлось медленно пробираться в темноте среди могил и надгробий. Земля была покрыта ровным слоем снега, и Майкл, взглянув на свои следы, вспомнил Клода Рейнса, «Человека-Невидимку». Сравнение стоило того, чтобы записать его в блокноте. Свежий снег хрустел под ногами, когда Майкл выбрался на извилистую тропинку, ведущую к самой высокой точке Лэйк-вью — холму, на котором построили склеп.

Благодаря снегу белый склеп на холме выглядел словно сахарная фигурка на свадебном торте. Даже черная решетка была запорошена снегом, и Майклу пришлось стряхивать его с замка, чтобы вставить ключ. Попытка повернуть ключ вправо ничего не дала, поворот влево отозвался стоном отошедшего в сторону засова. Та же процедура с правой створкой, и Майкл смог открыть тяжелые двери. Только внутри, закрыв их снова (створки сомкнулись с довольным шипением, как воздушный шлюз), Майкл решился включить фонарик.

Белый мрамор, пустота и стерильность, как он и ожидал. Вдоль обеих стен тянулось несколько пустых полок — глубоких и темных ниш, — а высоко на дальней стене виднелось круглое окошко, выходящее на озеро. Ну и кто будет в него смотреть? Майкл внезапно содрогнулся.

Он похлопал себя по бокам, стряхивая снег и пытаясь согреться. Снова вздрогнул. И рассмеялся. Только сейчас Майкл понял, насколько странной и жуткой была его миссия. Если бы не злость и не вызванная ею решимость, он сообразил бы это куда раньше.

И понял, что его пугает вид отцовского гроба, установленного на почетном месте — на отдельной полке прямо под окном. Майкл посветил

на него фонариком и вдруг заметил, что гроб накрыт пурпурной тканью с золотой бахромой. В центре серебряной нитью были вышиты какие-то слова. Майкл подошел. Латынь, которая так ему и не далась. «*Velle est posse*». Ага. Братец, положивший сюда эту тряпку, наверняка знает перевод. Но спрашивать его об этом как минимум глупо.

Майкл посветил фонариком на стены и увидел, что они тоже покрыты письменами на других языках. Похоже, иврит, арабская вязь и даже какие-то иероглифы. Птицы в профиль, корабли под черными парусами. Тайный шифр масонов?

Откуда-то донесся тихий шорох, и Майкл зашарил лучом по полу. В недавно опечатанное и так талантливо построенное здание не могли пробраться ни мышь, ни белка, ни даже жук. Отец при строительстве всегда придерживался строгих правил и неизменно получал в результате то, что хотел. Никто никогда не оспаривал его приказов, по крайней мере, никому это не удавалось. Майкл видел однажды, как по требованию отца снесли и переделали целое фойе, и это только потому, что цокольная балка оказалась на четверть дюйма короче и одна из плит легла неидеально.

Шорох раздался снова, и на этот раз Майкл посветил на алую ткань. Может, она шелестела от сквозняка? Маловероятно, склеп казался герметичным и в такую ночь невероятно холодным. Майкл слышал, как ветер с озера завывает у стен склепа, словно стая голодных волков, отчаянно пытающихся пробраться внутрь. Крупные хлопья мокрого снега залепили круглое окошко над гробом и падали на стекло двери.

Майкл стоял и думал, какого черта он тут делает. Что он надеялся найти? И почему не мог сразу, войдя сюда, посчитать миссию выполненной и убраться восвояси?

Кисточка на краю покрывала почти незаметно шевельнулась. Наверное, это он вздрогнул и потревожил воздух. Майкл застыл, выдыхая облака пара, и несколько кистей снова дернулись. А затем, он мог бы поклясться, он услышал что-то вроде голоса, пробивающегося сквозь вой ветра. По спине Майкла пробежала ледяная дрожь — еще одно клише, которому никогда не попасть в сценарий, и в то же время чистая правда. Майкл нагнулся над гробом и снова услышал звук. Словно вздох.

Он инстинктивно отпрянул, едва не выпустив фонарик из рук. Неужели... Неужели он правда услышал... нечто подобное? Нет.

Это невозможно. Разве что в рассказе Эдгара По, но это не рассказ, это жизнь, и погребения заживо просто не могло быть, потому что труп забальзамировали.

Майкл коснулся ткани кончиками пальцев — чистый шелк — и

сдернул покрывало с гроба, словно занавес перед началом пьесы.

На крыше склепа заухала сова. Одна, нет, две или три совы. Настоящий хор.

Полированное красное дерево блестело и отражало свет фонарика. Майкл разрывался от противоречивых желаний — со всех ног помчаться к двери и прижаться ухом к гладкой крышке.

Разум лихорадочно искал объяснение. И нашел: тело разлагалось. Разве он не читал в свое время, какая жуть происходит с трупом после погребения? Тело раздувается от газов, волосы и ногти продолжают расти, жидкости — настоящие и искусственные — сочатся из пор и отверстий. В шоу «Шесть футов под землей» всегда показывали муть вроде этого. И то, что он слышит — если ему не кажется, — наверняка просто звуки разложения.

«Подними».

Слово звенело в мозгу, будто колокол.

Выдох замерз в глотке.

Но это слово не было произнесено вслух, его словно передали прямо в сознание.

Майкл ждал... но звук не повторялся.

И, что самое удивительное, Майкл узнал голос отца, его властный, надменный тон, который тот использовал при жизни.

И Майкл, словно ничего не изменилось, ощутил прежнюю готовность без раздумий выполнить приказ.

Но что поднять? Крышку гроба? Что еще это могло означать?

Но ведь это безумие. Кто стал бы это делать?

Зачем ему это делать?

«Подними».

На этот раз голос был нетерпеливым. Требовательным.

И это определенно был голос отца. Тот же голос, который отчитывал Майкла за желание вступить в школьный театр вместо футбольной команды — «Театр, Господи прости. А почему бы тебе сразу не нарядиться в юбку?» — или за попытку поступить в художественный колледж Оберлина вместо настоящего колледжа вроде Нотр-Дам.

Майкл сразу терял решимость. И раз уж его отец там, разве ему не следует сделать, что просят? Господи, да как он может отказать отцу? Особенно в таком простом деле. Приподнять крышку гроба.

Что может быть безобиднее?

Совы ухали снова и снова, словно торопя его. Ветер стучался в стеклянные двери.

«Подними!»

И Майкл опять, как и на протяжении всей своей жизни, ощутил неспособность сопротивляться этому голосу. Руки, заледеневшие так, что он почти не чувствовал пальцев, потянулись к крышке гроба...

На следующее утро, в 5:30, Ричард доехал от общежития на Лэйк-Шор-драйв до отцовского дома. Никто еще не проснулся, но он быстро дошел до комнаты Майкла, постучал, выждал несколько секунд и толкнул дверь.

Майкла не было, и кровать — к радости Ричарда — выглядела нетронутой.

В кабинете он нашел бумаги с новым логотипом компании именно там, где вчера намеренно их оставил, а ключ от склепа, как он и надеялся, исчез.

Шагая в кухню за кофе, Ричард не удержался и начал насвистывать.

Когда мама и Сисси проснулись, он усадил их в «бентли» и погнал, насколько позволяли пустые утренние улицы, в сторону кладбища Лэйквью. Главные ворота были приоткрыты, извилистая дорожка до склепа семьи Маунтджой была засыпана снегом. День был ясным, но пронзительно холодным, и, кроме служебного грузовика, поблизости не было ни машин, ни людей. Мать сидела рядом с выражением растущей тревоги на лице, сзади Сисси поглощала батончик из овсяных хлопьев, но ее отражение в зеркале заднего вида было неподвижным.

На вершине холма Ричард остановился и поставил «бентли» на ручной тормоз: на земле уже образовалась ледяная корка.

— Хотите подождать в машине? — спросил он.

Мать кивнула, прижимая к носу платок. Сисси ответила:

— Да, посмотри сам. Скажешь, как все прошло.

Ричард в любом случае собирался проверить все сам. Без свидетелей, без помех, без неожиданных реакций. Он вышел и зашагал по хрустящему насту в сторону склепа. Если Майкл и наследил здесь ночью, снег все скрыл.

У двери Ричард остановился, перевел дыхание и, сунув руку в карман за дубликатом ключа, крутанул ручку. Она повернулась.

Открывая дверь, Ричард не знал, что предстанет его взору, но уж точно не ожидал увидеть Майкла, лежащего на гробу и укутавшего ноги в алую ткань.

— Сюда явно стоит добавить систему отопления, — сказал Майкл.

Ричард застыл как громом пораженный. Найди он брата скончавшимся

от холода, он бы не удивился. Найди Ричард Майкла, забившегося в угол и лепечущего от страха, он счел бы случившееся в порядке вещей. Но это...

Хотя определенный подъем духа Ричард все равно ощутил.

Майкл сбросил ноги с крышки, позволив ткани соскользнуть на пол вышивкой вверх. Когда Ричард спросил отца о том, что значат эти слова, тот ответил: «Это латынь. „Где есть воля, будет и путь“. Это станет новым девизом компании».

Ричард был не против, хотя и не понимал, как эта фраза связана с продажей импортного камня.

— Ты привез остальных? — спросил Майкл, наступая на ткань.

— Они в машине.

— Так чего же мы ждем?

Надежда Ричарда все крепла, хотя на всякий случай он приготовился изобразить шок и осуждение. На тот случай, если он ошибся.

— Но что ты тут делал?! — воскликнул он, и ледяной взгляд Майкла был лучшим ответом на его вопрос.

Он не ошибся. Все сработало.

— Нам и вправду нужно это маленькое представление? — Майкл перешагнул порог с уверенностью, которая была ему не свойственна.

Снаружи, на свежем воздухе, Майклу пришлось закрыть глаза на пару секунд, чтобы привыкнуть к яркому солнцу и снегу. И чтобы внутренне собраться. Если уж он решил это продолжать, нужно вспомнить все, что он когда-либо читал о персонаже, игре и интонации. И скрывать свои истинные чувства, скрывать возмущение и злость, приправленные осознанием того, что все предали его... скрывать то, что клокочет внутри.

Чем ближе к машине он подходил — с Ричардом в хвосте в качестве почетного караула, — тем сложнее ему становилось. У Сисси отвисла челюсть. *«То ли еще будет, когда я скажу, что ежемесячный ручеек денег пересох»*, — подумал Майкл. Взгляд матери был внимательным как никогда — она подмечала все, от выражения его лица до ширины шага.

«Что ж, покажем ей то, что она хочет», — подумал Майкл.

Когда Ричард направился к водительскому месту, Майкл сказал:

— Куда это ты собрался?

Ричард смущенно застыл на середине шага.

Майкл протянул руку ладонью вверх, ожидая, пока брат додумается вложить в нее ключи.

Ричард послушно устроился сзади, рядом с Сисси, а Майкл сел за руль рядом с матерью. Она робко коснулась его руки, и как бы он ни кипел внутри — *«Общее благо? Вы хотели пожертвовать мной ради общего*

блага?» — не отдернул руку.

— Это было... трудно? — спросила она.

— А ты как думаешь? — сказал Майкл пренебрежительным отцовским тоном.

И эта безапелляционность странным образом успокоила мать.

Да, ему ко многому нужно будет привыкнуть... Но раз уж он смог ответить «нет» на последнее требование отца, раз ему хватило сил сидеть на крышке гроба, пока голос в нем окончательно не стихнет, не умрет, то что ему после этого остальные трудности?

ПИТЕР ЭТКИНС

Стейси и ее идиот

1

Знаете, мне следовало повернуться и уйти сразу же, как только толстяк упомянул о том, что знаком с бандой с 18-й улицы.

Не то чтобы меня колыхало, кого он там знает или не знает. Дело было в дурацкой чистой *гордости*, с которой он выкладывал мне эту незаконную фигню. С таким апломбом о связях с преступностью может трендеть только тот, кто сам всю жизнь провел без контакта с преступностью. Толстяк врал. Свистел, мягко выражаясь, и плевать бы мне на это, вот только мне не нравилось, что этот мешок сала, с которым я знакома три минуты, уже мне врет.

Как будто мне не все равно, где он берет наркотики. Как будто это мое дело. Все должно быть иначе. Деньги. Наркотики. Спасибо. До свиданья. Хорошего дня и не поймай передоз сырного соуса, толстый козел. Но нет, надо вместо этого грузить меня байками о своем приятеле-гангстере. Ну и в итоге мне стало скучно и мерзко, и я сделала глупость. Я не проверила товар. Даже не открыла пакет. Мне хотелось поскорее свалить оттуда. Глупость. В офигительной степени. Но я могу сказать пару слов в оправдание: во-первых, я уже девяносто дней была в глухой завязке и не хотела размачивать ее даже пробой; во-вторых, телефон жирдяя мне дал Паули Бенсон, а с Паули Бенсоном у меня никогда не было никаких проблем. Так что я оборвала эту сухопутную косатку на середине списка людей, угробленных приятелем-гангстером во времена его блистательной карьеры на 18-й улице, бросила деньги, взяла пакет и свалила.

Чтобы вернуться в Сильверлэйк, понадобилось минут сорок: какой-то мудака попытался вырулить налево с Кахуэнга на Франклин и получил удар в бок от ни в чем не повинного «камаро» 92 года. К тому моменту как я вошла и бросила им пакет, Джимми Фитц и Стейси готовы были заплевать друг друга ядом.

Стейси тут же вооружилась зеркальцем, лезвием и соломинкой — ну а что еще имеет значение в такой ситуации? — а вот Джимми с надеждой уставился на меня.

— А сдача? — спросила эта святая наивность.

И на какой дикой планете Стейси откопала этого идиота? Я из любезности не расхохоталась вслух и протопала в спальню. Несколько часов этим двоим точно будет не до меня.

Стэйси была сестрой моего лучшего друга в Джерси, то есть я как бы обязана была относиться к ней с симпатией или, по крайней мере, пускать к себе жить во время ее набегов на Калифорнию. А вот Джимми Фитц был жопой, которую она случайно подцепила по дороге, и терпеть его я была вовсе не обязана. Так что представьте себе мое счастье, когда его вопли разбудили меня всего полчаса спустя.

— Что за херня?! — орал он. — Что за херня?!

С каждым повтором слово «херня» становилось все громче, и мне удалось сообразить, что обращались ко мне. Это была ублюдочная версия тихого стука в дверь и вежливого «простите, что разбудил, мисс Доннелли, но нам нужно кое-что обсудить».

Я выползла из постели и даже не потрудилась надеть что-то поверх топики и трусов. Этот прискорбный факт дошел до моего сонного мозга, только когда Джей-Фитц прикипел ко мне этим взглядом. Понимаете, *этим* взглядом. Всю жизнь на меня так пялятся говнюки вроде него. *Жаль, что ты лесби, потому что я бы тебе вдул.* Козлина. Стейси тоже заметила, как он пялится, и ей это точно так же не понравилось, вот только сейчас ее волновала немного другая проблема. Та, которая заставила ее бойфренда завопить.

Я предположила, что кокс оказался подделкой — джанки редко будят вас по утрам, если им вставило и есть запас, — но все было не так просто. Принесенный мною пакет они распотрошили на кофейном столике, порошок разлетелся, что можно было списать на щенячью радость и нетерпение добраться до главного. А еще разорванный пакет позволял хорошо рассмотреть «подарок от белочки».

Отрезанный палец.

Судя по виду, палец был мужской — волосы над суставом и все такое, — а нож, которым его отрезали, мог бы быть поострее и почище. На пальце оставили золотое кольцо, а это значило, что кто бы ни вложил «подарочек» в пакет, он считал кольцо неотъемлемой частью послания. Это была печатка с перламутровой инкрустацией по черному ониксу. В центре — простой символ вроде заглавной «I», вверху которой завитушки шли вправо, а снизу — влево.

— Я уже видела это, — сказала я.

— *Палец?* — ахнула Стейси.

— Не глупи, — вмешался Джимми Фитц. — Она говорит о кольце.

— А что, кольцо не на пальце? — вскинулась Стейси.

Да, но этот палец рос, блин, на *руке*, которая росла из *человека*, так что это не одно и то же...

Заткнитесь оба, — сказала я. — Я не о пальце и не о кольце. Я о том, что на кольце.

— Этот знак?

— Да, символ.

— А где ты его видела?

— На стене.

— Нарисованный?

— Вроде того, — ответила я.

Я приняла этот символ за знак какой-то банды. Раньше мне такой не попадался, но в Лос-Анджелесе новые банды плодились с крысиной скоростью. Тот же знак, что и на кольце, хотя и не настолько четкий... Впрочем, не так уж легко добиться четкости, если рисуешь кровью.

Знак нарисовали на стене над головой трупа, лежавшего на голой сетке кровати во второй спальне дома, где ребята Доминика Кинселла снимали порно. Поборники старого доброго американского трудолюбия могли быть спокойны: съемки не сорвались, их просто перенесли в другую комнату, пока труп добросовестно синел. Апофигеем феерии маразма было то, что дверь в комнату с трупом не удосужились закрыть. Я тогда привезла партию «заряженных» конфеток для съемочной группы и актеров, а в комнату с трупом попала случайно, приняв ее за туалет.

Секунд на пять я просто зависла, уставившись на тело — практически разнесенное пополам выстрелом из дробовика, — а потом меня нашел второй помощник режиссера, вывел и притворил за собой дверь. Он скорчил виноватую рожу, которая больше подошла бы метрдотелю: дескать, «ваш столик освободится только через десять минут», и прижал палец к губам.

— Это что за херня? — тихо спросила я.

— Он был тут, когда мы приехали. Дверь закрыли, чтобы девочки не расстраивались. Мистер Кинселла в курсе.

Ну, блин, если мистер Кинселла в курсе, значит все точно в порядке.

— Вы что, двинутые? — Вопрос был явно риторическим.

— Слушай, — сказал он, — эта херня нас не касается. Ты просто *уйди*, а? Мы тут пытаемся *работать*.

И я ушла.

А что еще мне было делать? Крыс в доме Доннелли не растили.

Но и гребаных идиотов тоже. Я неплохо провела время на темной стороне города, но теперь завязала. Перестала употреблять. Перестала распространять. Не то чтобы я собиралась найти себе *работу*, мало ли других интересных способов себя обеспечить, но с того дня я держалась на мелководье. И мне там было хорошо и безопасно, я три месяца была в завязке, пока не появилась Стейси со своим идиотом и не попросила об услуге, поскольку у самих для дела мозгов не хватало. И вот, пожалуйста. Как мило.

— Что это значит? — спросила Стейси.

— Это руна, — заметил Джеймс Фитцджеральд, доктор гребаной философии.

— Офигеть. Золотая звезда Фродо, — сказала я. — Ты в детстве спер у папы альбом «Led Zeppelin IV» и узнал палочку?

— Пошла ты! — Кажется, блудные мысли насчет меня вернутся к нему не скоро.

— Но что это *значит*? — снова спросила Стейси.

Джимми пожал плечами, покачал головой. Оба уставились на меня.

Я понятия не имела, что означает гребаный *символ*, но, к сожалению, догадалась, что происходит. Толстый козлина был так занят поглаживанием своего самолюбия и рассказами о дружке-бандюгане, что дал мне пакет, предназначенный другому клиенту, тому, для кого значение поддельного кокса и пальца с кольцом будут яснее ясного.

— Ответный удар, — сказала я. — Война банд.

2

Ну вот какими идиотами надо быть, чтобы на следующее утро пойти и потребовать назад свои деньги? Такими, как Фитц и Стейси.

Ага. Вот такими. Нереально конченными идиотами.

На рассвете они завели машину, накачались кофеином и решимостью и сломя голову погнали объяснять моему новому другу Косатке, что с ними шутки плохи.

А я спала и ничего не знала, иначе привязала бы парочку к детским креслицам, отвлекла мультиками и накормила викадинкой. Но я подумала, что они просто отправились покататься. На пляж или в Китайский театр Граумана. Мало ли где белые обдолбыши могут растаптывать свои

шлепанцы до размера сапог Джона Уэйна. Пакет, порошок и палец невезучего ублюдка остались на кофейном столике. Слишком поздно до меня дошло, чего на столике *не было* — а не было там стикера с адресом Роско Арбакла. Это произошло так поздно, что я успела съездить к Паули Бенсону и попытаться разрулить проблему, в которую мы дружно вляпались.

Паули переехал на лето в дом кинозвезды. По крайней мере так он описывал его знакомым. Нет, дом был хорош, но «звезда» на нем явно сэкономила. Жилище принадлежало старому клиенту Паули, который сейчас снимал в Торонто несколько картин и клипов одновременно. Уезжал он недель на восемь-девять, и в это время Паули играл Хозяина Поместья, расплачиваясь за проживание несколькими аптечками, расположенными в стратегических местах вокруг дома, чтобы вернувшемуся Не-Вину-Дизелю не было потом грустно.

Было утро, но у Паули веселье не прекращалось. У бассейна бродило множество парней и девчонок. Покупатели и коллеги пили и фыркали. Мне удалось поговорить с Паули наедине, рассказать о проблеме и порадоваться, что он видит все в том же свете, что и я. Он понял, что я и мои придурки — просто пешеходы, попавшие на линию огня, и никаких проблем от нас не будет, мы сыграем честно, вернем мячик в игру и будем держать рот на замке. Паули настолько меня успокоил, что я расслабилась и осталась выпить. Мне даже захотелось пофлиртовать с парой девчонок, которые вроде как «играли в моей команде». Какая-то испаночка как раз рассказывала мне о своей последней реинкарнации, когда я вспомнила о стикере и вылетела вон.

На обратном пути я уложились в рекордные восемнадцать минут и сразу же схватилась за телефон. Джамбо поднял трубку после первого гудка.

— Гарольд, — сказал он.

— Это твоё *первое* имя? — спросила я.

Ну, потому что... странно же.

— Да. Кто интересуется?

— Гарольд, мы виделись вчера. Помогли друг другу решить вопрос о розничной продаже.

— Ага. — Очень быстро и очень уклончиво.

— С последним заказом прибыл товар, который не входил в список и превышал мои желания. Я честный человек, Гарольд, поэтому хочу поставить в известность вас и всех заинтересованных: я собираюсь вернуть товар. Я крайне сознательна в вопросах того, что является, а что не

является моим делом. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— А-га. — На этот раз чуть более дружелюбно.

— Сейчас у вас есть на это время, Гарольд?

— А-га. — И он повесил трубку.

Он не сказал, что у него утром уже были посетители, и это показалось мне добрым знаком. Насколько я знала, идиоты могли потеряться или отвлечься, так что я могла успеть перехватить их до того, как они все испортят. А еще они могли быть мертвы. Доминик Кинселла, или кто там дергал Гарольда за ниточки, мог заслать на его квартиру своих людей, узнав о вчерашней путанице.

На миг я задумалась, не взять ли с собой пистолет. Но о пистолетах я кое-что знаю. Во-первых, выходное отверстие больше входного. Во-вторых, если вы решили избавить мир от своего присутствия, дуло лучше совать в рот, а не прислонять к виску. В-третьих, не стоит доставать оружие, если вы не уверены на все сто, что вам хватит духу спустить курок. Потому что если духу не хватит вам, его хватит вашим соперникам, а вы отправитесь в специальный уголок ада, где держат тупых мудаков, которым не стоит играть с оружием.

Вот и все. Умножьте на два, добавьте налог, увидите полную цену картины. Ни один пункт не является бесполезной информацией, и ни один не практичен, потому что фиг его знает, как заряжать, взводить курок, целиться и стрелять. Придется мне полагаться на добрую волю и принцип, который гласит: пока у всех есть головы на плечах, недоразумения можно уладить.

Я сдула с несчастного пальца излишек талька, сунула в пакетик, положила пакетик в карман и направилась к выходу.

Гарольд меня разочаровал. Я была вежлива и открыта, я пришла к нему сама, без оружия и с благой целью. А вот он был не один. С ним был еще один парень. Молодой, мускулистый, с волосами, крашеными под Брэда Питта — светлыми на концах и темными у корней. Ага, будем считать, что я оценила. Его мышцы явно были накачаны в спортзале, а не в уличных боях. Камуфляжная куртка и ботинки с железными носками должны были завершать крутой образ. Ага. Крутой. Аберкромби и Фитч отправляются в Багдад.

— Я думала, у нас приватная беседа, — сказала я Гарольду.

— Заткнись, лесба, — мяукнул парень, с головой выдав наметанный глаз и дурные манеры.

Я ткнула его в кадык двумя пальцами, не сводя глаз с Гарольда. Можете считать меня слишком чувствительной. Девушка имеет право

обижаться.

Гарольд держался молодцом. Он даже не взглянул на кашлявшего на полу мистера Стероида. Наверное, все не так плохо, как мне сперва показалось.

Не вставай, Мэттью, — сказал Гарольд, награждая меня призраком одобряющей улыбки. — Похоже, леди знает свое дело.

Я сунула руку в карман. Гарольд попятился.

— Я просто хочу это вернуть. — Я сжала пальцы на пакете.

— А почему бы тебе его не оставить?

Гарольд двигался быстрее, чем я ожидала от толстяка. Шокер оказался в его руке еще до того, как я заметила странный жадный блеск в глазах Гарольда. Жало коснулось моей груди, меня потрянуло электричеством, и я отключилась.

3

Не знаю, доведется ли вам когда-нибудь болтаться связанными и с кляпом во рту в багажнике «олдсмобиля», но искренне не рекомендую так развлекаться.

Поездка с самого начала была неприятной, а двадцать минут спустя испортилась окончательно. Судя по всему, машину вывели на грунтовую дорогу, а там и вовсе на нетронутые цивилизацией буераки. Было больно. Но мне было над чем поразмыслить, чтобы отвлечься. Гарольд. Чертов Гарольд! Нужно отдать ему должное: он был долбанным Королем Разводилова. И не только мелкого — этот уродец мистер Мышцы Малибу отвлек меня от босса, — но и крупного тоже. Вся эта фигня с трупом на 18-й улице наверняка была показушной, маленькой кучкой дерьма, которое не позволило мне прочитать Гарольда правильно и заставило вернуться к нему в лапы. Он передал именно тот пакет, который мне предназначался. Не знаю, почему Гарольд это сделал, но совершенно ясно, что он не тот, кем показался мне сначала. Гарольд игрок. Проблема в том, что я не знаю, какую игру он ведет.

Машина остановилась, и я услышала, как хлопают дверцы со стороны пассажира и водителя. К багажнику приблизились шаги. Солнце пустыни после темноты багажника так резануло по глазам, что я не сразу рассмотрела Гарольда и Мэттью. Оба нависали надо мной, глядя сверху вниз. Бывали в моей жизни моменты и получше. В глазах Гарольда по-прежнему светилось нездоровое возбуждение, и мне это очень не

понравилось. Мэттью тоже был возбужден, но тут уж постаралась мать-природа. Он расстегнул ширинку, вытащил член и начал его наглаживать прямо перед моим лицом. Не так сильно, чтобы кончить, но достаточно, чтобы «не терять интереса».

— Ну разреши мне вставить! — Он очень старался, чтобы это прозвучало разумной просьбой. И обращался к Гарольду, а не ко мне. — Засадить ей один раз. Просто чтобы знала. Чтобы помнила, кто тут главный.

Гарольд не ответил, только смерил перекачанного подельника взглядом, который рассказал мне о Гарольде больше, чем я хотела бы знать.

Мэттью улыбался мне.

— Мы посреди Мохаве, [\[11\]](#) — сказал он. — В сотнях миль отовсюду. Давай, кричи.

Он сдернул клейкую ленту с моего рта. Я не закричала и не сказала ни слова, холодно глядя на него.

— Считаешь себя крутой, а? А как насчет того, чтобы получить вот это за щеку? — Он демонстративно потянул себя за член.

Я широко раскрыла рот и клацнула зубами не хуже акулы, демонстрируя, чего он добьется. Мэттью инстинктивно отпрянул и замахнулся.

Нет, — спокойно сказал Гарольд. — Мы не метим мясо. — Он зашагал прочь от машины, бросив Мэттью через плечо: — Застегнись. Веди себя прилично. И отнеси ее на место.

4

Единственной постройкой в поле зрения была хижина, в которой, наверное, Гарольд и сменил свою одежду на черную мантию. А главной сценой было назначено место за ней, небольшое углубление в песке, похожее на бассейн. Мэттью отнес меня туда, предварительно ткнув шокером в горло, чтобы не возиться с осложнениями. А затем, что странно, разрезал жутковатым ножом клейкую ленту на моих запястьях и лодыжках и, держа шокер на виду, попятился за край бассейна. Я осталась в центре.

Гарольд тоже держался за периметром, между ним и Мэттью оставалось добрых двадцать футов. Учитывая меня, получался треугольник.

— Как видишь, — солнце еще не зашло, и Гарольд в своей черной мантии потел, как свинья, — почва приготовлена.

Ну, попытаюсь описать разнообразные кровавые ошметки Джимми Фитца, которыми были декорированы четыре угла бассейна. Будь это полем для дьявольского бейсбола, голова несчастного идиота Джимми таранилась бы на меня аккуратно с основной базы. В мертвых глазах застыло изумление, челюсть отвисла, а в провале рта виднелись лепестки роз. Нежно-желтого цвета. Лепестки бы мне понравились, но, учитывая обстоятельства, я как-то слабо воспринимала эстетику.

— Где Стейси? — спросила я.

Гарольд взглянул на часы.

— На данный момент, думаю, она уже вернулась к Паули, — с улыбкой сообщил он.

Я ничего не сказала и, надеюсь, не выдала мимикой своих чувств, потому что он наблюдал и ждал, когда информация усвоится.

— Если тебя это утешит, — совершенно спокойно продолжил Гарольд, — тебе не придется долго мучиться из-за того, что тебя оставили в дураках. Солнце скоро опустится под землю, и предательство друзей перестанет тебя волновать.

Я бы рассмеялась над его странной вежливостью, если бы не пыталась разобраться, насколько же глубоко я вляпалась. Я не вполне понимала, что задумал Гарольд, но знала, что это мне ни черта не понравится. Но Стейси и Паули в любом случае попали в мой список мести. Они подали меня безумному ублюдку на блюде, как десерт, и я пыталась успокоиться или хотя бы отвлечься, представляя, как медленно буду их убивать, если выберусь отсюда живой.

Задняя дверь лачуги распахнулась, и из нее вышла старуха.

С первого взгляда ее можно было принять за мою древнюю родственницу из родной страны. Черная Карга из ирландской сказки неплохо обустроила за эти годы свой домик. Она медленно шла к нам, всем телом налегая на резную клюку с ручкой из высушенного черепа ястреба. Один глаз у старухи был цвета морской волны. Второй был мертв. Кожа у нее на лице была белой. Не бледной, а именно *белой*. Как страница, с которой вы это читаете. Белой, как крыша мира.

Старуха дошла до границы бассейна и остановилась, сохраняя полуофициальную дистанцию между Гарольдом и Мэттью. Старуха повернулась лицом к Мэттью, и кожистая шея издала такой хруст, словно в ее теле не было ни грамма жидкости.

— Я пришла, как уговорено, — прокаркала она, обращаясь к Гарольду. — Чтобы засвидетельствовать исполнение тобой договора.

Гарольд склонил свою слоновью голову со всей доступной ему

элегантностью.

— Жертва принесена, — сказал он. — Нетронутая, без пут и несущая символ.

Господь обдолбанный, да что же это такое? Гребаная масонская ложа? Старая карга повернулась ко мне.

— Приветствую тебя, дитя. Я Планета Трилетиум.

Поверьте, я бы с удовольствием рассмеялась. Но в ее голосе не было ни юмора, ни смущения. Старуха назвала свое истинное имя, и в глубине ее мертвого глаза на секунду возник свет, идущий откуда-то *изнутри*, из темных глубин ее черепа.

И, Богом клянусь, песок под моими ногами шевельнулся в ответ.

И вздохнул.

Я чуть не сломалась тогда, почувствовав себя добычей, на боку которой смыкаются челюсти хищника. Видели, как это бывает? В фильмах о природе? В какой-то миг добыча расслабляется и оседает, просто принимая смерть, позволяя ей случиться. Возможно, в этом даже находят какое-то утешение.

Но, как говаривала моя святая мамочка, Да *Ну На Фиг*.

Из этой троицы только у Мэттью было оружие — шокер и нож. Наверное, со стороны я выглядела как идиотка, бросившись именно на него. Но из всех троих он больше всего напоминал новичка, к тому же что мне было терять? Я рванулась на него, быстро, сосредоточенно, яростно. И он, как по заказу, тут же инстинктивно вжарил шокером, не дожидаясь, пока я подберусь поближе. Мне даже уклоняться почти не пришлось. Выражение его лица в момент промаха дорогого стоило, я чуть не притормозила, чтобы полюбоваться. Но я не рискнула терять ускорение и вместо этого пнула его по колену опорной ноги. Мэттью завопил, как девчонка, и начал падать, бешено размахивая ножом, чего я и добивалась. Я поймала его за запястье обеими руками, крутанула, выхватила нож и позволила Мэттью увидеть, что его ждет.

Чисто резануть по глазам не получилось, потому что Гарольд влетел в меня сзади всеми своими килограммами, но вышло все равно неплохо. Нож по рукоять вошел в скулу и, видимо, достаточно отклонился вверх, чтобы задеть что-то важное в мозгу ублюдка. Мэттью тут же прекратил двигаться.

Гарольд схватил меня раньше, чем я успела восстановить равновесие и выдернуть нож, и сдавил медвежьей хваткой. Мы начали бороться, но я могла только хлопать руками по его мантии и пиджаку под ней. Найти под складками жира его яйца и двинуть по ним коленом мне так и не удалось. Позволив мне побарахтаться несколько секунд, Гарольд ударил меня в

висок и отправил в отключку. Он сбросил меня в центр бассейна, где я попыталась прийти в себя.

Пока я поднималась на ноги, Гарольд успел вернуться на прежнее место. Я видела, как он виновато смотрит на Планету Трилетиум, но ее вся это возня разве что слегка позабавила.

Голова гудела, но адреналин вернулся, и я была готова ко второй попытке сбежать от толстого козла. А может, даже всадить зубы в его глотку и вырвать к чертям трахею... Но у пустыни были другие планы.

Песок пошел рябью.

Медленно. Это не было похоже на землетрясение, скорее уж на океан. Океан, из глубин которого нечто стремилось на поверхность.

Планета Трилетиум нетерпеливо вздохнула, из ее древнего горла донеслось змеиное шипение.

Далеко за моей спиной солнце нырнуло за горизонт.

— Ты пришла в назначенное место, — заговорил Гарольд. — В назначенный час.

Мне сложно было сохранять равновесие, пустыня под ногами вздымалась и опадала все быстрее. Гарольду оставалось произнести одну фразу.

— И ты несешь знак избранного.

Я шире расставила ноги, пытаюсь не упасть, и взглянула ему в глаза, подсвеченные последними лучами солнца.

— Проверь карманы, сука.

А что, вы решили, что я боролась с толстым пердуном из чисто спортивного интереса?

Рука Гарольда метнулась под мантию, в карман пиджака. Я четко опознала момент, когда он нащупал пакетик с отрезанным пальцем. Ярость и недоверие на его лице сменились куда более приятным выражением.

Я побежала от центра бассейна, оступаясь на взбесившейся земле, а Гарольд — вопя, как ребенок, что меня очень радовало, — рванулся, чтобы меня перехватить и снова всучить мне проклятый пакетик. Но солнце зашло. А правила есть правила, не так ли? Назначенный час и все такое.

Планета Трилетиум открыла рот. Очень широко. И синюшный язык длиной с поливочный шланг выстрелил в сторону Гарольда, обхватил его шею и с легкостью поднял массивную тушу в воздух. А затем с размаху впечатал в опустевший центр бассейна.

Я девушка вежливая, но останавливаться и благодарить ее не стала. Бег, знаете ли, отнимает много сил. И я не думаю, что старушка сделала это ради меня. Я, слава яйцам, была уже не нужна ни ей, ни той хрени, что

поднималась наверх из глубин пустыни. Я была им не нужна. У них был Гарольд.

Притормозила я только у «олдсмобилia», по другую сторону хижины. Обращиваться я не стала. Ни за какие деньги. Потому что мне хватило и звуков.

Я готова была зачищать провода зубами — ну, у меня много разных талантов, — но мне не пришлось этого делать, ключи торчали в замке зажигания. В какой стороне находилось шоссе, я не знала, но до тех пор, пока Планета Трилетиум будет за мной, а не перед моим носом, любое направление сгодится.

Ехала я долго. Далеко за полночь, остановившись перекусить у шоссе 1–10, я обнаружила в отделении для перчаток мобильный телефон.

И всерьез задумалась о том, не позвонить ли Паули.

Но, знаете ли, зачем портить сюрприз?

ТАНАНАРИВ ДЬЮ

Развлечение

— Интересно, как евнухи ходят в туалет? — Николя задала этот вопрос совершенно естественным тоном, словно продолжая разговор о геноциде в Дарфуре.

Поначалу Пола лишь приятно удивил тот факт, что Николя знает слово «евнух» и умеет использовать его в разговоре. А потом у него покраснели уши. Они ели карри в компании Чарльза и Анны, которые не раз осуждали его выбор. И реплика Николя была не к месту, словно кусок сырой курицы, внезапно шлепнувшийся в тарелку. Пол покрылся холодным потом, когда Чарльз покосился на него с явным намеком: *«Что ж, вижу, твои вкусы не изменились»*.

— С трудом, наверное, — ответил Пол. Николя всегда обращалась к нему, словно они были наедине, не обращая внимания на уровень дискомфорта, и надувалась, когда ее игнорировали. — В зависимости от того, что осталось.

Николя пожала плечами, всем своим видом выражая недовольство Чарльзом и Анной, которых она нарекла псевдоинтеллектуалами. Она жаловалась, что в их компании чувствует себя объектом исследования. Ее внезапная показная скука была очередным намеком на вечную угрозу: она могла не пригласить Пола остаться на ночь. Даже после шести месяцев отношений он ни в чем не был уверен, авансы с ее стороны часто перемежались угрозами. Смущение Пола сменилось раздражением.

Он поднял бокал, рассматривая лицо Николя сквозь мутноватое стекло. В ресторане становилось шумно, пьяные студенты, насосавшись пива, постепенно повышали громкость спора.

— Это очередной намек на то, что нам пора уходить? — спросила Анна у Чарльза, делая ударение на слове «очередной».

Она смотрела только на Чарльза, ждала его ответа, не хватаясь демонстративно за сумочку и не делая попыток встать. Их отношения напоминали Полу тщательно отлаженный механизм, части которого идеально сочетаются и взаимодействуют друг с другом. Он задыхался от зависти к ним. Тот факт, что оба были писателями а Чарльз к тому же лауреатом премии Буккера, — лишь подстегивало его негодование.

— Да, мне кажется, что разговор окончен. А ты как думаешь, Пол? —

повернулся к нему Чарльз.

— Согласен. — Пол встал. — Пойдемте.

Они поднялись и начали надевать пальто. Николя осталась сидеть.

— У меня еще есть пиво.

На дне ее стакана болтался сантиметр жидкости и кусочек лайма.

— Конечно, дорогая. Не спеши.

Пол снова сел, в спешке толкнув стол. Тарелка с остатками карри упала на пол и разбилась.

— С чего ты вообще заговорила о евнухах? — спросил он, когда они с Николя остались одни и сели в машину.

Николя сосредоточенно изучала потеки дождя на стекле. Ее волосы растрепались, темные пряди упали на плечи, кончиками касаясь грудей, Николя, не считаясь с погодой, всегда носила одежду с глубоким декольте. Некоторое время она молчала. Порой такие затяжные паузы означали, что ответа не будет, сколько бы раз ни прозвучал вопрос. Сегодня Пол не был уверен, что решится повторить.

— Ой, ну не знаю, — отмахнулась она наконец. — Помнишь дворцовых евнухов у Шекспира? Я всегда хотела узнать, как они писают. У них там дырочка и им нужно садиться, как девочкам?

По крайней мере Пол понял: она была зависима от постоянных оскорблений и выпадов точно так же, как он был зависим от нее. А он добровольно отдался в рабство этой второсортной красоте. Ему очень хотелось сказать, что второго такого любовника Николя никогда не найти и что все, в чем он не дотягивает до ее детского идеала мужчины, он с лихвой компенсирует надежностью и выносливостью. Пол стиснул зубы, вспомнив, что в пабе, где они познакомились, Николя разрешила ему сесть рядом с ней лишь после упоминания о том, что он пишет сценарии для фильмов.

Славы сценариста хватило на два месяца, потом Николя начала понимать, что его работа не сулит ей никаких личных выгод.

— И как ты можешь такое писать, ты же никогда не был в Руанде? — возмущалась она «Боевым кличем», его первым и самым популярным фильмом.

— Исследования, — ответил Пол и увидел гримаску отвращения на ее лице.

То было началом краха иллюзий. Подвозя Николя домой, он чувствовал привычное желание развеять ее скуку, но это было так же безнадежно, как попытка слепить снежок из сухого песка.

— Еще рано, — сказал он.

— Я знаю, но у меня голова разболелась от этого места. Высадишь меня возле дома?

— Если тебе так любопытно, могу познакомить тебя с настоящим, — разыграл Пол свой последний козырь.

— Ты о ком?

— О евнухе.

Малколм был типичным американским метисом и любил говорить, что «одна моя половина родом с Ямайки, а вторая — из Калифорнии». Он был помощником телеоператора в съемочной группе Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, ему было чуть за двадцать, и он никогда не унывал. Два метра роста, которые сделали бы честь звезде баскетбола, венчались короной пронзительно-рыжих кудряшек. Пол избегал его с самого начала съемок: слишком уж легко Малколм заводил друзей и добивался уважения, а закулисные дразги его словно не касались. Полу не нравилось в нем абсолютно все, особенно голос, пронзительностью напоминавший голос Майкла Джексона, и ленивые протяжные американизмы: «Ну и сценарий ты забабахал, чувак». Полу казалось, что именно такая непринужденная лесть и делала Малколма опасным.

Все изменилось, когда на одной из вечеринок Пол оказался рядом с Малколмом в очереди к бару.

— В этом мире невозможно победить, Пол, — произнес Малколм. — Я сказал девчонкам, что я гей, чтобы они перестали ко мне приставать. Теперь ко мне пристают парни.

Пол честно ответил, что сочувствовать не собирается. И едва сдержал жгущее язык «отвали!»

Малколм взял его за руку, и теплое дыхание с густым запахом алкоголя защекотало Полу ухо.

— Слушай, я говорю это только затем, чтобы ты не считал меня полным придурком: о сексе я могу забыть навсегда. — Малколм перешел на театральный шепот. — В десять лет у меня воспалились яйца, пошла инфекция, а о врачах я тогда ничего не знал. И запустил болезнь. А потом очнулся в палате и услышал от родителей, что мне «будут делать операцию». В процессе косорукий придурок со скальпелем перерезал нервы... Скажем так, невинности я лишился в очень юном возрасте. И в моей жизни прыжки в постель не входят в список приоритетов.

Пол уставился на него с удивлением и недоверием, но блестящие от выпитого глаза Малколма светились искренностью.

— Избавишь меня от сожалений? — добавил Малколм.

Пол смог кивнуть, только когда понял, что это не заигрывание, а просто приглашение налить. С трудом сдерживая тошноту, он извинился и сбежал. Это признание выбило его из колеи, испугало хаосом чужой жизни. Но Полу было стыдно за свой побег. Позже он нашел Малколма у миски с хрустящим печеньем и извинился.

— Да забей, — ответил Малколм, глядя поверх его плеча, словно на съемках сцены с извинением. — Меня первого понесло. Просто я всегда хотел рассказать об этом хоть кому-то. А вышло так, что рассказал тебе. — Он задорно улыбнулся.

Малколм обращался к нему с вежливой почтительностью, Полу это нравилось, и он вернул любезность.

— Ты доверился мне, — Пол похлопал его по загорелой руке, — и я не выдам твой секрет.

После того случая они начали вместе пить чай в перерывах между съемками.

— Знаешь, дома я никогда не пил эту гадость, — говорил Малколм. — А теперь чувствую себя ненормальным, если не выпиваю две чашки в день.

«Но ты же совершенно нормальный», — подумал и чуть не сказал Пол, хотя, конечно, бедняга Малколм нормальным не был. Со временем жалость выросла в своеобразную дружбу. *«Тебе стоит вернуться со мной в Голливуд, Пол. Ты будешь писать, я режиссировать, мы сможем творить реально стоящие фильмы»*.

Пол мечтал о Голливуде, сидя с Малколмом в барах, и готов был действовать, пока однажды его проклятое ненасытное либидо не притащило его к Николя, после чего пришло понимание: удержать ее можно, только посвящая ей все свободное время до секунды.

Ксавье разбудил его в три часа ночи, и Пол был в ярости. Он никак не мог заснуть, пришлось долго мастурбировать в ванной, чтобы хоть как-то задремать, но все пошло прахом, когда скотина Ксавье прыгнул к нему на грудь и начал пронзительно мяукать. Расширенные зрачки кота светились красным, словно глаза демона. Зверь показал свое истинное лицо.

Пол никогда не любил Ксавье. Чарльз подарил ему сиамского кота уже взрослым — на случай если Полу станет одиноко в пустой квартире, куда он переехал из дома матери. Хозяин, сдававший ему квартиру, предупредил, что держать домашних животных запрещено, поэтому, уходя, Пол запирали Ксавье в спальне, чтобы кота не нашли во время проверки. В итоге комната пропахла кислой кошачьей мочой. Найти источник запаха

Полу так и не удалось, что раздражало не меньше самой вони. А еще он выяснил, что его заставили нарушать правила аренды, не получая взамен ничего, кроме запаха кошачьей мочи и равнодушных взглядов голубых глаз Ксавье. У Пола никогда не было кошек, поэтому он не знал, что кот не бежит встречать его у двери, не прыгает вокруг и не ластится. Ксавье вспоминал о хозяине, только когда выпрашивал еду.

В три часа утра на Пола снизошло озарение, которого ему до сих пор не хватало.

— Ну ладно, — сказал он.

Ксавье опять заорал, когда Пол схватил его за шкурку и сдернул с груди. Пол сделал три шага к окну, открыл скрипящую раму и выбросил извивающегося кота с шестого этажа. Ксавье не издал ни звука, а мокрый хруст мог просто почудиться Полу. Все произошло в мгновение ока, и на секунду Пол замер у окна, вдыхая холодный воздух и думая, не приснилось ли ему все это. Но глубокая царапина на предплечье была доказательством реальности. Взглянув на свои слегка дрожащие руки, Пол вернулся в постель и крепко уснул.

Ксавье упал на парковку, поэтому на следующее утро соседи решили, что кто-то ночью не заметил и переехал бродячего кота. Вид изломанного кошачьего трупа с вытаращенными глазами заставил Пола вернуться в квартиру и долго рыдать в подушку.

Ему нужно было с кем-то поговорить, признаться в случившемся, но кроме Николя у него никого не было. Пришлось набрать ее номер.

— Господи, который час? — спросила она.

Была половина девятого, а Николя редко просыпалась раньше десяти.

— Ты хоть слышала, что я сказал? Я выбросил Ксавье из окна!

— Он сдох?

— Естественно.

Николя зевнула.

— Не думала, что у тебя хватит пороку на такое, Пол.

В ее голосе прорезался сильный йоркширский акцент, который она позволяла себя только с ним. Но говорок уроженки Лидса не скрыл восхищения в ее голосе.

— Не думаю, что этим можно гордиться.

Пол тут же понял, что лжет. В ее голосе слышалось восхищение. Разве это не повод для гордости? Он представил, как она гладит себя телефонной трубкой, как зажимает ее между бедер, и сглотнул.

— Приезжай сегодня, — выдохнул он.

— А когда ты познакомишь меня с тем парнем? С Малколмом?

— Скоро, — пообещал Пол.

Николя вздохнула.

— Буду в половине второго. Приготовь что-нибудь. — В ее голосе вдруг зазвучала сталь. — Ты правда сотворил такое со своим котом?

Он с энтузиазмом подтвердил.

— Расскажи мне, что ты еще делал, Пол. Возможно, я знаю тебя хуже, чем мне казалось.

Мгновенное облегчение померкло, когда Пол понял, что, кроме случая с котом, у него не было ни одного секрета. Его можно было читать, как раскрытую книгу.

Стоя под душем, Пол моргал под слишком горячей водой и ждал Николя. Дрожь, которая с ночи поселилась в его руках, теперь распространилась по всему телу. Даже колени дрожали. Но беспокоил его не Ксавье, Пол думал только о Малколме. Как он мог использовать друга в качестве наживки для Николя? Кто станет предлагать близкого, хорошего человека, словно циркового уродца на шоу? А еще Пола бесила мысль о том, что Николя не полюбит его даже после парададохлых котов и евнухов.

Нет, решил он, вытирая оплывшее, размякшее после душа тело. Он не станет знакомить Николя с Малколмом. Пол принял решение и успокоился, дрожь прошла.

А затем вошла Николя в обтягивающем мини-платье, подчеркивавшем все богатства ее тела. Она погладила Пола по щеке, так нежно, так восхищенно, словно касалась мраморной скульптуры.

— Пол, когда я познакомлюсь с Малколмом?

Пол задрожал, когда она принялась вылизывать его шею.

— Скоро. — Он убеждал себя, что это вполне невинная ложь.

— Как скоро, Пол? — Николя забросила ногу ему на талию и потерлась о его бедра.

Пол сглотнул слюну.

— Он может быть на вечеринке по случаю окончания съемок. В эту пятницу. Я вас познакомлю.

Полу было неуютно заниматься любовью на кровати, с которой он встал всего несколько часов назад, чтобы выбросить Ксавье. Кошачья шерсть свалилась на покрывале и липла к потному телу. Николя зашипела: она была сухой, когда Пол попытался в нее войти.

— Прости, — выдохнул Пол.

Кость его таза упиралась в ее мягкое бедро. Поерзав, Николя сказала:

— Давай помогу.

Пол двинул бедрами. С этими махинациями их секс походил на физкультуру.

— У меня тоже есть секрет, почти такой же, как у него. — Николя говорила спокойно, словно они завтракали, а не вжимались друг в друга в постели.

— Что?

— Та дырка, в которую ты вошел, не настоящая, — сказала она, и Пол застыл.

По его спине потек холодный пот. Все, подумал он, сейчас Николя скажет, что родилась мужчиной, а потом сделала операцию. И он никогда больше не сможет доверять женщине.

— Нет, я не транс, — заверила Пола Николя, глядя пальцами его лопатки. — Но к пятнадцати годам у меня все еще не было месячных, зато начались жуткие спазмы и боли. Мама отвела меня в больницу. И знаешь, что выяснилось?

— Понятия не имею, — прошипел Пол.

Он чувствовал, как опадает эрекция.

— Что у меня влагалище не там, где положено. Кровь пыталась вытечь наружу, но упиралась в стенку. Поэтому доктор сам прорезал во мне дырочку. Наверное, поэтому я такая узкая.

Пол кончил, что показалось ему маленьким чудом, но слишком быстро и почти без удовольствия. Николя улыбнулась, глядя, как он быстро прикрывается простыней.

— Пол, этот Малколм действительно евнух?

— Прямо как в «Двенадцатой ночи» Шекспира.

— Мы с ним похожи, понимаешь? И ты действительно позволишь мне увидеть его на вечеринке. Договорились?

И Пол услышал свой голос: *«Да, да, Николя. Конечно, Николя. Все, что пожелаешь»*.

Поначалу он думал, что небеса сжалились над ним и Малколм не появится вообще. Вечеринка после пробного показа была малолюдной, гости разделились по степени влиятельности в разных залах персидского ресторана, арендованного на весь вечер. Николя ерзала рядом с Полом. Она уже давно не получала удовольствия от вида актеров, в особенности после того как они появлялись без грима, ели, пили и уже не раз показывали скверный характер. Громкая восточная музыка действовала Полу на нервы.

— Ты сказал, что он придет, — сердито прошептала Николя.

— Я сказал, что он *может* прийти.

Николя вздохнула.

— Если он не появится в ближайшие пятнадцать минут, мы уходим. Жаль, ты не предупредил меня, что это случайное сборище.

На ней были кружевные чулки и шелковое коктейльное платье без бретелек. «*Чертovski ей идет*», — подумал Пол.

Он собирался предложить уйти, но тут Николя схватила его за руку и сжала. Ладони у нее были теплыми и влажными.

— Взгляни, Пол. Это ведь он, верно? Как ты и говорил, настоящий красавец. И просто гигант.

Малколм шагал к ним с бокалом в руке все с той же улыбкой, которая в свое время пленила Пола.

— Черт возьми! — воскликнул Малколм. — Вы посмотрите, кто пришел, а ведь клялся, что ноги твоей на таких сборищах больше не будет!

— Эти съемки стоило отметить. — Пол очень старался, чтобы его голос звучал радостно, а не жалко. — Малколм, познакомься с Николя.

У него чуть не подогнулись колени, когда он увидел их стоящими лицом к лицу.

— Присядем? — слабым голосом предложил Пол, указывая на розовые кресла.

Он видел, что Николя не отрывает взгляда от коленей Малколма, когда тот скрещивал длинные ноги, устраиваясь в кресле. Она чуть дыру не прожгла на его свободных льняных брюках, Пол с трудом удержался, чтобы не толкнуть ее. Вместо этого он ее обнял.

— Боюсь, что Николя наконец узнала правду о мире кино. — Пол повысил голос в надежде вернуть ее к реальности.

Малколм улыбнулся.

— А ведь она еще не видела Калифорнии.

Николя наконец посмотрела Малколму в лицо, и Пол смог выдохнуть.

— В нашей компании работает девушка из Нью-Йорка, — сказала она, забыв смягчить свой йоркширский акцент, — но ей неинтересна Калифорния.

— Никто не любит Калифорнию, кроме ее уроженцев.

— А что, в Штатах есть разделение на восток и запад? — продолжила Николя.

Пол понял, что может вздохнуть свободно, и сжал ее ладонь, словно гордый успехами дочурки отец.

— Восток-запад, север и юг, белые и черные, что пожелаешь. Америка — это один большой разделитель.

— А это правда, что ку-клукс-клан все еще действует?

Малколм кивнул.

— Кое-где на Юге.

Николя покачала головой.

— Сложно в это поверить, правда?

— Почему? — спросил Пол, но ему никто не ответил.

Вопрос, который должен был прозвучать философски, повис в воздухе и прервал их беседу.

Николя молча смотрела на ширинку Малколма так пристально, что не замечала, смотрит кто-то на нее саму или нет. Малколм смотрел. И видел не только ее похоть, но и нарастающее раздражение Пола. Их взгляды встретились. Пол открыл рот, но не смог проронить ни звука.

Малколм снова взглянул на Николя.

— Я отлучусь на минутку, вы не против? — Он двинулся прочь быстрым шагом.

Сердце Пола колотилось так, что перед глазами все плыло, а к горлу подкатывала тошнота. Ни разу в жизни он не чувствовал себя так отвратительно.

— Поздравляю. Ты своего добила, — сказал он Николя.

— Чего?

— Теперь он знает, что ты знаешь.

— Не будь дураком. Он вернется.

Николя оказалась права. Малколм вскоре вернулся с куриным кебабом на тарелке. Он снимал мясо с палочек, бросал в рот и пережевывал так быстро, что это походило на нервный тик. При этом он не встречался глазами с Полом и сел со стороны Николя.

— У тебя невероятная девушка, Пол, — сказал Малколм, обнимая ее за талию.

Пол вздрогнул, почувствовав его руку так близко, и отстранился от Николя. Малколм придвинулся, касаясь ее бедра своим.

Пол поблагодарил за комплимент, с трудом контролируя себя. Николя смотрела на Малколма с восхищением, ради которого Пол *жил*. Она наклонилась вперед, чтобы Малколму удобней было заглядывать в ее декольте. Николя флиртowała с проклятым евнухом!

А Малколм продолжал жевать с непроницаемой миной. Пол даже решил, что недавняя злость ему почудилась. Возможно, Малколм не знает, что его секрет раскрыт. Господи, хоть бы он действительно ошибся!

— Кажется, твоя девушка заскучала, Пол.

— Вовсе нет, — кокетливо захихикала Николя.

— И что ты предлагаешь с этим сделать?

— Подняться в мою квартиру и хорошенько дунуть.
— Это в духе шестидесятых. — Пол знал, что совершает глупость. Он не курил с тех пор, как был подростком.
— О, мне нравится эта идея! — сказала Николя.
И было принято решение подняться.

Малколм жил в мансарде, потолок которой прогибался от тяжести ангелов на крыше дома. Плакаты «Апокалипсис сегодня», «Криминальное чтиво», «Убить Билла», «Таксист» и «Коттон-клуб» в шахматном порядке закрывали скошенный потолок за диваном. Во время их клубных посиделок Малколм постоянно говорил о том, что восхищается Тарантино, Скорсезе и Копполой, и плакаты вызвали у Пола ностальгию по старым добрым временам. Все оставшееся пространство занимали растения — карликовые пальмы в кадках. «Они напоминают мне о доме», — объяснил Малколм.

— Еще не насмотрелись? — спросил Малколм, застывший в дверях.
Пол не знал, как реагировать и считать ли это намеком на бесстыжие взгляды Николя. Малколм внезапно выключил свет.

— На родине у меня были черные лампы, а здесь мы можем посидеть в темноте. Свет фонарей раскрасит комнату оранжевым.

— Это восхитительно, — сказала Николя с таким восторгом, словно Малколм лично изобрел этот свет. — Пол, тебе нравится?

Пол потянулся к ее руке, но не рассчитал расстояния и его пальцы только скользнули по ее платью.

— Да вроде неплохо.
— Давайте сядем. Я принесу траву. Пол, захватить тебе пива из холодильника? У меня есть «Биттер», тебе понравится. — Голос Малколма шелестел, как весенний дождь.

— Американец с настоящей выпивкой? — бросил Пол в темноту.
— Футболисты поделились на прошлых выходных! — крикнул с кухни Малколм.

Николя осталась стоять, а Пол опустился на матрац под плакатами. Они не говорили, словно актеры, ждущие, когда включат камеры. Пол ожил, только когда Малколм вернулся с кальяном в одной руке и банкой пива в другой.

— Довольно крепкое дерьмо, — предупредил он. — Не закашляйтесь.
— Отвали, — буркнул Пол.
Николя захихикала еще до того, как затянулась, а после закашлялась. Все трое захохотали. И при звуке этого смеха Пол решил, что в итоге все

закончилось хорошо. Он отлично проводил время в компании Малколма, совсем как в старые добрые времена, а заодно смог сделать Николя счастливой. Ну разве он не молодец? «Как это на меня похоже, — думал Пол, — провести отличный вечер и до последнего не понимать, насколько он отличный». Возможно, когда-нибудь он научится наслаждаться жизнью, как говорила ему мама.

— Люблю смотреть «Клан Сопрано», — сказала Николя. Она пыхтела, быстро-быстро вдыхая и выдыхая дым. — Но этот их акцент! Честное слово, мне приходится включать субтитры. Я не шучу.

— Задержи дыхание, Николя, иначе ничего не почувствуешь, — мягко сказал Малколм, сидящий рядом с ней.

Пол захихикал. Фраза Николя показалась ему невероятно смешной.

— Правда, что ли?

— Я тебе не говорила?

Он почувствовал, как она сжимает его колено.

— Но мне нравится. Тебе тоже стоит посмотреть, Пол.

— Пол считает американское телевидение мусором, сказал Малколм.

— Ему нравится смотреть документальные фильмы про африканских бушменов, — протянула Николя. — А потом он пишет очередной сценарий об Африке и притворяется, что сам там был.

— Однажды я туда поеду, — парировал Пол.

От марихуаны его вдруг отпустило постоянное напряжение, и он не злился на Николя за ее издевки. В конце концов, ему и правда стоит пожить в Руанде. Он собирался сказать об этом, но вдруг забыл название страны.

Еще пара затяжек и банка пива качественно его отключили. Пол таращился остекленевшим взглядом на тени пальм на стене, на то, как они шевелят длинными пальцами от поднятого вентилятором ветерка. Николя и Малколм болтали, как старые друзья, но Пол разучился воспринимать слова. И гордился тем, что его не волнует то, как Николя откинулась на плечо Малколма.

— Ну почему ни у кого из друзей Пола нет и намека на индивидуальность? — спрашивала у Малколма Николя, сидящая где-то в конце длинного тоннеля.

— Потому что наш Пол всегда умело подбирает декорации. Правда, Пол?

— У меня нет друзей.

Глядя на тени растений, Пол думал об Африке и чувствовал возбуждение и решимость. Что до сих пор его останавливало? Фильм закончен, все исправления внесены, так почему бы не купить два билета до

Кении? Он хотел спросить Николая о том, как ей нравится эта идея, но тут услышал ее слова:

— А он говорил тебе, что выбросил своего кота в окно?

Это было так нелогично, что Пол опять рассмеялся.

— Не может быть.

— Это секрет, Николая! — Пол притворился рассерженным.

— Вот видишь? Это правда. С шестого этажа. Бедняжка разбился.

Малколм почти лег на Николая сверху, пытаясь заглянуть Полу в лицо. Он шевелил губами, как рыба, и Пол просто не мог не рассмеяться.

— Она серьезно? Ты больной, старик, — сказал Малколм.

Пол не ответил, только поднес ко рту давно опустевшую банку. Малколм откинулся назад, качая головой.

— Черт. Никогда не заводи детей.

Пол попытался приглушить хихиканье, но пустая банка сработала как рупор.

— Я не шучу, — сказал Малколм.

— Ну разве не отвратительно, когда знакомишься с человеком, — говорила Николая, — и тут же узнаешь все его секреты? — Ее голос затихал, терялся в водовороте.

Пол закрыл глаза, и деревянные доски под ним закачались, словно палуба корабля. Он поджал пальцы, чтобы не свалиться. Так можно проспать целый месяц.

— Я знаю твой секрет, — говорила Малколму Николая.

Тот рассмеялся.

— Тогда, наверное, это больше не секрет, да?

Пол, видимо, ненадолго задремал. И резко проснулся, когда его потянули за руку. Малколм исчез, но подсознание услужливо подсказало, что тот чуть раньше извинился и ушел в туалет.

— Ты не мог бы смешать мне «отвертку», Пол? Пожалуйста, — попросила Николая.

Пол сомневался, что-в таком состоянии он мог бы смешать воду со льдом, но сил отказаться не было. Пришлось подниматься на ноги и зигзагами двигаться в сторону кухни.

На смешивание коктейля ушла целая вечность, трудности поджидали на каждом шагу: нужно было найти стакан в незнакомых шкафчиках, отыскать водку, открыть банку сока. Фонарь светил прямо в окно, предметы отбрасывали странные тени, которые Пол вдумчиво рассматривал и изучал. Дольше всего он разглядывал собственный профиль, карикатурно вытянутый на фоне стены.

Матрац был пуст. Пол подумал о том, сколько времени прошло. Затем вздохнул и поставил бокал на столик, расплескав жидкость широким кольцом. Он плохо ориентировался в пространстве и вдруг осознал, что сейчас один в чужой квартире. Внимание привлёк луч света из коридора.

Но не из туалета, как он надеялся. Ему срочно требовалось отлить, но четкий треугольник света падал в коридор из комнаты, которая оказалась спальней Малколма. Квартира была небольшой, и только назначения этой комнаты Пол раньше не знал. В спальне они и оказались.

Пульс зачастил. Стараясь не шуметь, Пол открыл дверь.

Яркий свет заставил его на мгновение ослепнуть, а затем проступили силуэты. Николя и Малколм не видели его или просто не обращали на него внимания. Оба, как он и ожидал, были в кровати. Пол даже не удивился, почти не удивился, увидев Николя раздетой до кружевных черных трусиков. Ее крупные груди налились, алые соски торчали.

Но вот чего он точно не ожидал и что заставило его удивленно застыть, так это вид Малколма без штанов. Он лежал спокойно, ничем не прикрытый ниже пояса. Длинные худые ноги казались незавершенными.

Пол подумал было отвернуться и не смотреть, но взгляд зацепился за пальцы Николя, нежно поглаживающие пах Малколма. Крошечный пенис был почти незаметным, тонким и вялым, как у ребенка. Николя нежно касалась безволосой кожи рубца на том месте, где должна была быть мошонка.

— Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — сказал Малколм.

Он не двигался. Голос звучал приглушенно из-за подушки, которую он держал у лица, словно прятался от нее.

— И ты не жалеешь, что не можешь заняться сексом? — спросила Николя.

— Нельзя жалеть о том, чего никогда не хотел.

Николя улыбнулась и прижалась к нему, заскользила вдоль тела и тут заметила Пола, стоящего в дверях. Ее груди заколыхались над лицом Малколма.

— Тогда избавь меня от сожалений, — сказала она Малколму, глядя на Пола.

И подмигнула.

Пол резко отвернулся и ушел, не осознавая, что делает. Он двигался с уверенностью слепого, знающего квартиру как свои пять пальцев, дошел до матраца и рухнул на него. Взял коктейль, смешанный для Николя, и выпил, припомнив поговорку, которую слышал от американского приятеля в

Сассексе: *Вино на пиво — в желудке диво. А пиво на вино — в голове говно.* Повторяя про себя эти слова, Пол прикончил бокал и пожалел, что выпивки так мало. Хотелось залить глаза.

Тени пальмовых листьев махали ему со стены, дразнили. Пол несколько минут таращился на часы, пока не сообразил, что они показывают начало четвертого. А он и не думал, что уже так поздно. Он надеялся, что Малколм и Николя скоро закончат. Потому что он уже спланировал свое утро: он позвонит агенту и уточнит стоимость билетов в оба конца. Закажет два билета до Найроби, сколько бы они ни стоили. Они увидят слонов и воинов кикуйю, живущих в колыбели человечества и неподвластных течению времени. Как только Николя выйдет из спальни Малколма, он расскажет ей о своем плане.

Она будет в шоке, он знал. И радовался.

МАКС БРУКС

Великая стена: рассказ о войне с зомби

Это интервью было проведено автором в ходе исполнения должностных обязанностей на службе в Комиссии Объединенных Наций по сбору данных о послевоенном периоде. Выдержки из интервью уже появлялись в отчетах ОН, однако полный текст изъят из личной переписки Брукса и помечен кодом «Мировая война 3». Далее мы приводим рассказ человека, выжившего во время великого кризиса, который сейчас многие называют просто «Войной зомби».

Великая стена: Секция 3947-В, Шэньси, Китай

Лю Хуафенг начала свою карьеру продавщицей в универмаге «Такашимая» в Тайюане, а сейчас владеет небольшим магазином неподалеку от места предыдущей работы. В эти выходные она исполняет свой долг офицера запаса. Ее экипировка — рация, ракетница, бинокль и дадао (современная версия древнего китайского меча). Лю Хуафенг патрулирует секцию, которая составляет пять километров Великой Стены, в компании лишь «ветра и воспоминаний».

«Эта секция, секция, которую я помогала строить, тянется от Юлиня до Шемну. Она была построена во времена правления династии Ся и состояла из слоев утрамбованного песка и земли, с обеих сторон укрепленного толстым слоем жженого глиняного кирпича. Эта секция никогда не мелькала на открытках для туристов. И не могла бы соперничать с участками времен империи Мин, каноническими каменными „хребтами дракона“. Она была простой и функциональной и к началу реконструкции почти полностью исчезла.

Тысячи лет эрозии, грозы и опустынивание стали ее погребальным звоном. Влияние человеческого „прогресса“ тоже внесло свою лепту. Многие века местное население использовало эту часть стены, „добывая“ здесь кирпич для своих строительных нужд. Современные дороги также сыграли свою роль — целые секции, мешавшие „жизненно важному“ наземному транспорту, просто сносили. И вот разрушения, начатые природой и „мирным развитием“, за несколько месяцев закончили кризис,

заражение и последовавшая за ним гражданская война. В некоторых местах остались только бугорки и спрессованная насыпь. В других не осталось вообще ничего.

Я не знала о планах нового правительства восстановить Великую Стену в качестве объекта национальной безопасности. Поначалу мне даже было неизвестно, что я стала частью этой программы. В те дни тут было слишком много разных людей. Местные диалекты звучали для меня как птичий щебет и были столь же понятны.

Я прибыла сюда ночью и, кроме факелов и света фар разбитых автомобилей, ничего не увидела. Я девять дней добиралась на место, очень устала и была напугана. Поначалу я даже не поняла, где оказалась, и радовалась уже тому, что бродившие вокруг тени оказались людьми. Не знаю, сколько я там простояла, пока меня не заметил кто-то из рабочей команды. Он подбежал ко мне и что-то оживленно зашебетал. Я попыталась объяснить ему, что не понимаю. Он разозлился, указал на то, что выглядело как стройка, тянувшаяся слева направо и уходящая далеко в темноту. Я снова покачала головой, показала на уши и пожала плечами, как дурочка. Он сердито вздохнул и протянул ко мне руку. Я увидела, что он держит кирпич, и подумала, что он хочет меня ударить. Я попятилась. Но он сунул кирпич мне в руки, жестами показал на стройку и подтолкнул меня в спину.

Я оказалась на расстоянии вытянутой руки от другого рабочего, который тут же вырвал кирпич из моих рук. Этот мужчина был родом из Тайюаня, и я его понимала.

— Какого хрена ты ждешь? — закричал он на меня. — Нам нужно еще! Давай! Давай!

Так меня „наняли“ на работу по восстановлению Великой Китайской стены.

[Лю Хуафенг показывает рукой на бетонный бортик.]

Поначалу все выглядело совсем не так. То, что вы видите сейчас, — это более поздние обновления по стандартам послевоенного времени. А тогда у нас не было таких материалов. Большая часть уцелевшей инфраструктуры оказалась по другую сторону стены.

— По южную сторону?

Да, раньше там было безопасно, по ту сторону Стены... Все стены, от династии Ся до династии Мин, были построены, чтобы защищать. Стена была границей между богатыми и бедными, между процветанием Юга и варварством Севера. Даже сейчас большая часть пахотных земель, фабрики, дороги, железнодорожные станции, взлетные полосы — почти

все, что нам необходимо для выполнения грандиозной задачи, оказалось по ту сторону.

— Я слышал, что во время эвакуации часть производственного оборудования была переправлена на север.

Только то, что можно было унести с собой, и только то, что было в непосредственной близости от места стройки. Не дальше, скажем, двадцати километров от линии ведения боев. Мы не приближались к изолированным зонам на зараженной территории.

Самые ценные ресурсы мы добывали в ближайших городах, и это были строительные материалы, из которых города и состояли: дерево, металл, шлакобетон, кирпич. Довольно часто попадались кирпичи, когда-то извлеченные из старой стены и унесенные в город. Пиломатериалами нас снабжала Великая зеленая стена,^[12] но мы использовали и мебель, и брошенные машины. Даже песок под ногами мы смешивали с гравием для засыпки или плавили для стеклянных блоков.

— Стеклянных?

Больших, таких вот... [Она рисует в воздухе квадрат двадцати сантиметров в длину, высоту и ширину.] Идея принадлежала инженеру из Шицзячжуана. До войны он владел стекольной фабрикой и подумал, что если самыми доступными ресурсами являются уголь и песок, то почему бы не воспользоваться ими? Огромную плавильню устроили едва ли не за сутки, и в результате у нас появились тысячи больших кирпичей. Они были толстыми и тяжелыми, непробиваемыми для мягких кулаков зомби. „Сильнее плоти“, — говорили мы тогда, и, к сожалению, острее плоти — иногда помощники плавильщика забывали стесать песком углы, прежде чем погрузить кирпичи для стройки.

[Лю Хуафенг снимает руку с рукояти меча. Пальцы остаются скрюченными, как когти. Глубокий белый шрам тянется через всю ладонь.]

Я не знала, что нужно оборачивать руки. Ладонь прорезало до кости, повредило нервы. Странно, что я не умерла от инфекции. Многие тогда умирали.

Это было жуткое, исступленное выживание. Мы знали, что с каждым днем южные орды подбираются все ближе и что каждая секунда промедления может обернуться катастрофой. Мы спали прямо там, где работали. Мы ели там же, мы испражнялись, не сходя с места. Дети — Ночные Песчаные Волчата — подбегали к нам с ведрами и ждали, когда мы закончим свое дело, или подбирали экскременты с земли. Мы работали, как звери, и жили, как звери. Во сне я видела тысячи лиц, рядом с которыми трудилась и которых не узнавала. У нас не было времени на знакомства и

разговоры. Общались мы разве что с помощью жестов и хрюканья. Во сне я пыталась поговорить с теми, кто стоял рядом, узнать их имена и истории. Я слышала, что сны бывают только черно-белыми. Возможно, так оно и есть, возможно, другие цвета я увидела наяву, но я помню светлые кончики волос когда-то крашеной девушки и грязный розовый купальник на старике в порванной шелковой пижаме. Я вижу их лица каждую ночь — одни только лица погибших.

Погибли многие. Порой тот, кто работал рядом, опускался на землю, чтобы перевести дыхание, и больше уже не вставал. У нас было то, что можно с натяжкой назвать „скорой помощью“, санитары и носильщики. Но они мало что могли сделать, разве что отнести пострадавших в медпункт. Да и то далеко не всегда. Я помню их страдания, и вина терзает меня каждый день.

— *Вина?*

Они садились или ложились у ног... а мы знали, что не можем прекратить работу, — не можем позволить себе даже сострадания, нескольких теплых слов, чтобы подбодрить их до прибытия медиков. Мы знали, что они хотят лишь одного, того же, что и все мы — воды. Вода ценилась в этой части провинции на вес золота, и почти весь ее запас мы расходовали на строительные растворы. Людям выдавали полчашки в день. Свою воду я носила в пластиковой бутылке на шее. Всем был отдан четкий приказ не делиться рационом с больными и ранеными. Наша работоспособность была важнее. Я понимала, что это логично, но видеть чье-то изломанное тело между щебенкой и инструментами, знать, что этот кто-то молит небо о единственной милости — глотке воды...

Каждый раз, утоляя жажду, я вспоминаю о них и чувствую вину. Особенно за то, что, когда пришло мое время умирать, я совершенно случайно оказалась неподалеку от медпункта. В тот день я была частью живого конвейера, передававшего стекло. Я работала у стены меньше двух месяцев, была истощена, меня лихорадило, и весила я меньше кирпичей, которые мы передавали из рук в руки. Потянувшись за очередным кирпичом, я споткнулась и упала лицом вперед, выбила передние зубы и почувствовала во рту вкус крови. Тогда я закрыла глаза и подумала: „*Настал мой час*“. Я была готова. Я хотела, чтобы это закончилось. И не случись санитаров поблизости, мое желание могло бы исполниться.

Три дня я не находила себе места от стыда: я отдыхала, мылась, пила, сколько хотела, в то время как другие умирали у стены. Врачи сказали, что я должна остаться в медпункте на несколько дней — это был минимум, за который мое тело могло восстановить свои силы. И я бы подчинилась, если

бы не услышала крик санитары у входа в пещеру.

— Красная вспышка! КРАСНАЯ ВСПЫШКА!

Зеленый сигнал означал активное нападение, красный — превосходящую численность. Раньше красные сигналы были редкостью. Я видела только один, и он был далеко, на северной границе с Шемну. Но в последнее время их подавали как минимум раз в неделю. Я выбежала из пещеры, помчалась назад к своей секции и добралась до нее как раз в тот миг, когда первые гнилые руки и головы показались над краем незаконченного участка.

[Мы останавливаемся. Лю Хуафенг смотрит вниз, на камни под нашими ногами.]

Это было здесь, именно здесь. Они поднимались по телам гниющих собратьев. Рабочие защищались всем, что попадало им под руку, хватали инструменты и кирпичи, порой били даже голыми руками и ногами. Я схватила трамбовку, которой мы спрессовывали грунт. Это был очень большой и неудобный инструмент, метровый прут с горизонтальными ручками на одном конце и большим цилиндрическим камнем на другой. Трамбовкой пользовались только самые сильные и крупные мужчины, остальные не могли с ней справиться. Не знаю, как мне удавалось поднимать ее снова и снова, целиться и опускать на головы и лица зомби, ползущих на стену...

Военные должны были защищать нас от набегов, но к тому времени солдат почти не осталось.

[Лю Хуафенг подводит меня к зубчатому краю и показывает на что-то примерно в километре от нас.]

Там.

[Вдалеке я вижу лишь каменный обелиск на земляном холме.]

Под этим холмом остался один из последних рабочих танков нашего гарнизона. У него закончилось топливо, экипаж оказался в ловушке. Поначалу они отстреливались, затем закончились патроны, и экипаж заварил люки изнутри. Они держались еще долго, после того как закончилась еда и запас воды. „Боритесь! — кричали они нам по рации, — заканчивайте стену! Защитите наш народ! Заканчивайте стену!!!“ Последний из них, семнадцатилетний водитель, прожил тридцать один день. К тому времени танк был не виден под горой зомби. Все они разбрелись, как только мальчик испустил последний вздох.

А мы уже почти закончили нашу секцию Великой Стены, но одиночные нападения тоже закончились, пошел непрерывный поток набегов неисчислимых орд. Если бы мы с самого начала столкнулись с

такими ордами, если бы герои южных городов не выкупили кровью наше время...

Новое правительство знало, что нужно отстраниться от правительства свергнутого. Что уцелевшим необходима законность, и единственный способ добиться порядка — сказать нам правду. Изолированные зоны не превратили в „приманку“, как в большинстве других стран. Нас просили остаться позади, чтобы другие могли эвакуироваться. Это был вопрос личного выбора, и каждый гражданин решал сам за себя. А за меня решила моя мать.

Мы прятались тогда на втором этаже пятикомнатного особняка, в одном из самых дорогих когда-то пригородных поселков. Мой младший брат умирал — его укусили, когда отец отправил его на поиски еды. Отец сидел рядом с ним, раскачивался взад-вперед и каждые пять минут кричал нам: „Ему становится лучше! Вот, потрогайте его лоб. Он выздоравливает!“ Поезда с беженцами проходили у самого нашего дома. Делегаты Гражданской обороны стучали в каждую дверь и спрашивали, кто уходит, а кто остается. Мама уже собрала небольшой узелок с моими вещами: одежда, еда, пара добротных ботинок и отцовский пистолет с тремя оставшимися пулями. Она заплела мне волосы перед зеркалом, как часто делала в детстве. Велела перестать плакать, сказала, что вскоре они присоединятся ко мне на севере. На ее лице была застывшая, безжизненная улыбка, которую она позволяла увидеть лишь отцу и ближайшим друзьям. А теперь доверилась мне, и я послушно спустилась по разбитой лестнице.

[Лю замолкает, переводит дыхание и кладет искалеченную руку на камень.]

Три месяца — вот срок, который понадобился нам на восстановление всей Великой Стены — от Чжу Циюбя в западных горах до головы Великого Дракона у Шаньхайгуань. Ее ни разу не пробили, ни разу не преодолели. Она дала нам возможность вздохнуть, объединить население, построить экономику военного времени. Мы были последней страной, присоединившейся к плану Редекера. Это произошло на конференции в Гонолулу. Столько времени, столько жизней потрачено впустую! Если бы не рухнула ГЭС „Три ущелья“, если бы не обрушились остальные стены, пришлось бы нам восстанавливать эту? Кто знает. Это памятники нашей недалекости, нашей заносчивости, нашего позора.

Говорят, при постройке изначальной стены погибло столько рабочих, что каждая ее миля отмечена человеческой смертью. Не знаю, так ли это было в прошлом...

[Лю Хуафенг гладит камень искалеченной рукой.]
Но сейчас это правда».

ГЭРИ БРЭНДНЕР

Слова, слова, слова

Гамильтон Бакстер сидел за столиком со свежими экземплярами «Зла в действии». Это была его последняя книга, в отличной суперобложке и с правильно написанным именем. Десяток молодых людей встали в очередь за автографом. Не толпа почитателей Стивена Кинга, конечно, но все же лучше, чем ничего.

Длинное худое лицо Бакстера складывалось в гримасу, которую он считал искренней улыбкой. Ему протягивали книги, он тщательно выводил подпись, иногда по просьбе читателя добавляя бессмысленное посвящение. Бакстер знал, что большая часть этих детей заканчивает курс лингвистики и надеется однажды увидеть свое имя на обложке. Они терпеливо слушали отрывки, которые он зачитывал. Бакстер ненавидел такие чтения, но понимал, что без них не обойтись. И к концу дня один из этих засранцев может решиться и выложить двадцать четыре бакса за его новый роман.

Когда начинали задавать вопросы, среди блеянья, лести и банальностей Бакстер терпеливо ждал, когда прозвучит неизбежное «Откуда вы берете свои идеи?» Другие писатели, *настоящие* писатели, стонали, когда слышали это, а вот Бакстер наслаждался. Этот вопрос давал ему возможность произносить бессмысленные слоганы, избитые шаблоны, которыми писатели сыпали со времен... ну, наверное, Плутарха. Вся эта чушь о том, что нужно использовать собственный опыт, писать то, к чему тянется душа, отличать слово истинное от простой мысли. Пустые слова, но поклонники их лопали и нахваливали. Однако сегодня, открыв рот для навешивания очередной порции лапши на уши почитателей, Бакстер удивился ничуть не меньше их, выпалив нечто особое.

— Откуда я беру свои идеи? Я их краду.

На миг в зале повисла такая тишина, что можно было слышать, как работает новомодная касса без звонка. Затем пара молодых людей захохотала, решив, что автор-середнячок изволил пошутить. А вскоре к ним присоединился и сам Бакстер, надеясь на то, что его смех не кажется чересчур фальшивым. Потому что он только что сказал аудитории правду. Он был вором.

Учась на первых курсах одного из колледжей Калифорнии, Гамильтон Бакстер обнаружил, что может взять несколько работ разных авторов,

изменить некоторые слова, перестроить предложения и параграфы, а результат подать как собственную работу и получить за нее отличную оценку. Со временем это умение совершенствовалось. Бакстер без проблем окончил колледж со степенью по английскому языку, и при этом не написал ни одного оригинального произведения.

На выпускном Бакстер понял, что с его специализацией выбор профессии весьма ограничен. Он делал ставку на свой единственный талант и искал способ зарабатывать им на жизнь. Довольно скоро Бакстер понял, что работать нужно с художественной литературой. В мире миллионы историй и множество давно забытых книг, которые только и ждут, когда он обратит на них внимание. Он был осторожен и никогда не использовал работы тех, кто был хоть немного известен публике. Бакстер охотился за томами на дальних полках букинистических магазинов и ворошил стопки непрочитанных работ в библиотеках. Он избегал искать источники в Интернете, потому что у дотошных сетевых зануд было множество способов поймать его за руку.

Пятнадцать лет Бакстер вел комфортное, если не роскошное, существование, пользуясь чужими словами. Он постоянно держался в середине списка издающихся авторов, ни разу не попадал в списки бестселлеров, не получал премий и рекламировал свои книги редко, от случая к случаю, играя роль Автора для небольшой аудитории вроде этой.

Нечаянно вырвавшаяся правда встряхнула его сильнее, чем почитателей его таланта. Бакстер извинился и отбыл якобы на встречу с издателем. Ничего подобного в его планах на день не значилось, но он чувствовал, что должен уйти раньше, чем выболтает очередной отвратительный факт.

Час спустя Бакстер жадно дышал библиотечным воздухом, словно пловец, поднявшийся к поверхности из невозможных глубин. Запах страниц, переплетов и самих слов придавал ему силы.

Здание было новым и светлым, но теплый затхлый запах библиотеки был стар, как сама литература. Библиотекарь, любезная женщина средних лет, приветствовала его улыбкой.

— Сегодня вы позже обычного, мистер Бакстер. Надеюсь, ничего не случилось?

— Никаких проблем, Клэр. Пришлось сделать паузу и продать несколько книг. Проклятье художника.

Она добросовестно рассмеялась, а Бакстер направился к одной из небольших кабинок в конце зала. И с радостью отметил, что его любимое

место не занято. Он уложил свой потертый бриф-кейс на стол между разделителями и зашагал обратно к полкам. Сегодня ему нужно начать новую книгу, поэтому стоит для вдохновения просмотреть старые материалы.

Бакстер взял подшивку давно не издающихся дешевых журналов. Лексика там была рудиментарная, но порой эти писатели по-пенни-за-слово рождали неплохие идеи. Затем том биографий двадцатого века, чтобы списать прошлое персонажей. Пьесы двадцатых и тридцатых годов придадут сочности диалогам. Антология претенциозных выдумок литературных обозревателей придаст работе нужный класс.

С охапкой вполне удобоваримой литературы Бакстер вернулся в свою кабинку и приготовился *красть*. Открыл первую книгу и тут же отпрянул, вскрикнув от боли. Новая бумага резала не хуже ножа. Правый указательный палец, на рабочей руке, черт! Бакстер пососал порез, подул на него, выругался, когда капля крови упала на новую рубашку.

И быстро оглянулся, проверяя, не потревожил ли других посетителей. Не то чтобы его волновало их спокойствие, но положение обязывало не привлекать внимания. К счастью, никто не смотрел в его сторону. Бакстер поднял книгу, чтобы взглянуть на порезавшую его страницу. И удивленно нахмурился. Бумага была старой, мягкой и рыхлой. Совершенно неясно, что стало причиной пореза. Ранка была довольно глубокой и пульсировала в такт биению сердца.

Левой рукой Бакстер открыл другую книгу. Раздался странный хрюкающий звук, и тяжелая обложка закрылась, с невероятной силой ударив его по пальцам.

— Ох, проклятье!

Бакстер попытался вытащить руку, но книга держала крепко. Пришлось зажать ее под мышкой и потянуть изо всех сил. Рука освободилась, а книга громко хлопнула страницами. Бакстер взглянул на разбитые костяшки и оглянулся. Никто из посетителей не обращал внимания на его возню. Либо эти идиоты оглохли, либо с головой ушли в свое дурацкое чтение, либо просто игнорируют его. Бакстер почему-то разозлился на то, что эти люди не обращают на него внимания.

Ну и ладно, и черт с ними.

Бакстер очень осторожно открыл следующую книгу. И облегченно вздохнул, поскольку на этот раз книга не попыталась порезать его мягкой бумагой или схватить за пальцы бульдожьей хваткой обложки. Это была самая обычная, привычная книга. Немного расслабившись, Бакстер взглянул на титульный лист. Буквы расплывались, словно покрытые

толстым слоем вазелина. Он автоматически коснулся виска, проверяя, не забыл ли надеть очки. Не забыл. Бакстер снял очки, подышал на линзы, тщательно протер их чистым носовым платком. Затем надел и снова посмотрел на страницу. Буквы стали четкими. Полужирный крупный шрифт гласил:

**Ояыщзлшт оыкулл зщлтоотыв
ьц
долрщвыы зтт ышоуьвщо**

— Да что же это происходит?

Бакстер понял, что говорит вслух, но ему уже было плевать на все, как и всем остальным в этой библиотеке. Он что, взял книгу с полки иностранных языков? Нет, такой набор букв не имел бы смысла ни на одном языке. Бакстер пролистал еще несколько страниц. Совершенно случайный набор букв, иногда длиной в слово, иногда цельными блоками на всю страницу. Это было бессмысленно. Безумно.

Он отшвырнул от себя книгу, словно неизвестную ядовитую тварь. Открыл следующую. Та же бессмысленная абракадабра. Все принесенные книги содержали только ее. Бакстер откинулся на спинку пластикового стула, чувствуя, как пот катится по спине и пропитывает рубашку под мышками. Он ведь тщательно подбирал книги, сверял даты издания, листал страницы. В них все было как обычно. На бумаге Бакстер видел настоящие слова, которые складывались в осмысленные предложения и абзацы. А теперь получилась чепуха.

Бакстер закрыл глаза и заставил себя несколько раз глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, как часто делал раньше, чтобы расслабиться и отдохнуть от плагиата. Когда он снова взглянул на страницы, там был все тот же бессмысленный шифр.

Он выскочил из кабинки и бросился к полкам. Вытаскивая книгу за книгой, Бакстер пролистывал их и бросал на пол. *«Ни одной нормальной книги. Я схожу с ума? Или стал жертвой чьей-то шутки?»*

Что-то ударило его сзади. Бакстер обернулся и врезался плечом в противоположную полку. Но ведь когда он входил в этот ряд, проход был широким! С железным лязгом и стоном тяжелые полки шкафа начали крениться на него. Бакстер в ужасе представил, как на него падает шкаф, распластывая его тело и выдавливая внутренности между книг.

Бакстер едва успел проскочить между полками, которые сомкнулись за ним. В светлой и просторной библиотеке вдруг стало темнеть, тени

надвигались со всех сторон. Пастельные стены превратились в серый камень, потолок терялся в непроглядной тьме. Люди в кабинках и за столиками все также склонялись над книгами, молчаливые и неподвижные, как статуи. Бакстер двинулся к столику библиотекаря.

При виде сидящей головы Клэр его затопило облегчение. Здесь все было как прежде. В библиотеке явно неладно, но Клэр оставалась надежным якорем реальности. Бакстер прокашлялся, пытаясь прочистить горло.

Клэр подняла голову. Ее лицо осталось прежним, но выражение ничем не напоминало приветливую улыбку, встретившую его несколько минут назад. И что-то было не так с ее глазами. Очень, очень не так. Густые брови сложились перевернутой «Л». Рот растягивался в улыбке. Растягивался. Растягивался... пока не превратился в жуткий полукруг буквально от уха до уха. Поломанные коричневые зубы торчали из прогнивших челюстей... Бакстер споткнулся и попятился, разевая рот.

Из пасти библиотекаря раздалось хриплое карканье. Звуки ничем не походили на речь, но интонация была вопросительной, словно она предлагала или спрашивала что-то. Клэр протянула когтистую лапу к его лицу.

Наплевав на попытки собраться, Бакстер отпрыгнул и ринулся к двери. Сквозь стекло он видел, как снаружи светит солнце, зеленеет трава, катятся машины и совершенно нормальные люди шагают по своим делам. Голуби подбирали остатки попкорна из брошенного пакета. Мальчишка счастливо носился по газону, играя с черно-белой собакой. Бакстер пытался сохранять спокойствие. Вот сейчас он выйдет и окажется в знакомой реальности, где все будет хорошо.

Он обеими руками ударил по двери и отскочил назад. Брусок ручки остался на месте, дверь не шелохнулась. Бакстер попытался снова, с тем же результатом. Всхлипнув, он заколотил по стеклу кулаками, разбивая руки в кровь. Бакстер бился в дверь изо всех сил, пинал ее, но от мягких кроссовок толку было мало.

Заплавав, Бакстер бросился на стекло. И отскочил, заливая рубашку кровью из разбитого носа. Собрался для нового рывка... И тут тяжелая рука в синем загородила ему путь. Рука крепилась к мощному плечу, дальше шла затянутая формой грудь охранника. Это был очень высокий мужчина с широким чистым лицом. В сегодняшнем кошмаре незнакомец показался Бакстеру спасителем.

От паники перехватило горло, и Бакстер попытался жестами изобразить, что он испуган и что ему срочно нужно выйти из кошмарной

библиотеки в привычный светлый мир.

Ему казалось, что он нашел союзника. Охранник смотрел на него с явным сочувствием. А затем начал улыбаться. И снова, как у Клэр, улыбка расплзалась все шире и шире, пока уголки рта не оттянулись к ушам. Показались зубы, на этот раз длинные и острые, совершенно нечеловеческие. Жуткая пасть распахнулась, и раздалась серия рыков и хрипов.

Бакстер отдернул руку и побежал назад, мимо жуткой Клэр, по-прежнему скалившейся, мимо статуй других посетителей, мимо убийственных полок с бессмыслицей — к своей кабинке. Там остался брифкейс и четыре книги, с которых начался весь этот ужас.

В брифкейсе был телефон. Бакстер вытащил его, раскрыл, включил. Знакомых звуков загрузки Бакстер почти не слышал. Он уставился на логотип.

womzilj

Это явно не название компании-производителя. И не слово на любом из известных Бакстеру языков. И он не удивился, увидев, что список контактов превратился в такую же тарабарщину. Бакстер попал в мир, где не было слов. Сжав маленький телефончик одной рукой, он порезанным пальцем набрал знакомый номер — 911. И тут же услышал электронные гудки. Щелчок, женский голос ответил...

Что он ответил? Бакстер слышал только щелчки и непонятный набор звуков. Отшвырнув телефон, он обернулся к темной библиотеке. Окаменевшие фигуры начали двигаться. Словно в замедленной съемке они поднимались со своих мест и поворачивались к нему. Бакстер открыл рот, чтобы закричать, чтобы попросить о помощи, найти отклик хоть в одной живой душе. Но тут он увидел их лица. Господи, что за лица!

Звуки, слетавшие с его губ, были похожи на лепет недоразвитого ребенка. Он, Гамильтон Бакстер, так любивший повторять «Слова — мое ремесло», не мог издать ни одного внятного слога. Он рухнул на пластиковый стул и стукнулся головой о столешницу. Сзади приближались шаги и голоса. Бакстер закричал, как ребенок, и мир взорвался.

Двое мужчин в белой униформе несли по библиотечной лестнице накрытые простыней носилки. Тот, кто пониже, шел впереди. Он обратился к напарнику:

— А док сказал, отчего он умер?

— Кто его знает. Иногда люди просто выключаются.

— Похоже, это какой-то писатель. Сидел, обложившись книгами. Наверное, он умер счастливым.

РЭЙ ГАРТОН

Между восемью и девятью часами

В тот вечер, когда его жену должны были убить, Эрик Волкер вошел в английский паб «Лиса и гончая» и улыбнулся народу. Паб, уютное местечко на северной окраине маленького городка Ньюбери, в горах Калифорнии, был украшен к Рождеству и переполнен даже в ночь вторника. «Лиса и гончая» относилась к тому типу заведений, которое обзаводится множеством постоянных клиентов, любителей приходить не только за кружкой пива, но и просто посидеть, поговорить и отдохнуть. Сюда заглядывали после работы, чтобы послушать музыку и потанцевать, сыграть с друзьями или даже с незнакомцами в дартс, пул или воздушный хоккей или поучаствовать в самом веселом и пьяном развлечении — караоке. Сюда приходили, чтобы увидеться с друзьями, отвлечься от дома и телевизора, посмеяться, закусить «взрывным лучком» Мэгги свою вечернюю пинту пива. Сюда приходили потому, что владельцы, Мэгги и Денни Джолли, всегда были рады гостям. Они создали просторное, уютное, хорошо освещенное место, где всегда было полно народу и звучал дружелюбный смех. В общем, это был самый подходящий вариант, чтобы отвлечься от мыслей о том, что твою жену скоро убьют.

«Постарайтесь, чтобы во вторник вечером вас увидело и запомнило как можно больше людей, — так сказал наемник. — Я сделаю свое дело между восемью и девятью часами. Найдите место, где вы будете на виду с шести до десяти. Нужно заполучить как можно больше свидетелей. И хороший запас времени».

Эрик глубоко вздохнул и двинулся к стойке. Он видел знакомые лица и улыбался, кому-то махал рукой, с кем-то останавливался поболтать на пути к бару.

В глубине бара, на небольшой деревянной платформе местный джазовый квартет «Джаз Сокет» играл попури из рождественских песен. В углу поставили огромную елку, украсив ее гирляндами в черно-красных тонах. Повсюду виднелись венки и мишура, перемигивались огоньки гирлянд под потолком и на стенах бара.

— Эрик, дорогой! — окликнула его Мэгги. — А где же Альма?

— Осталась сегодня дома, и я решил прийти один.

Он подтянул к себе стул и бросил на спинку длинное черное

кашемировое пальто, подарок Альмы на... какое-то там Рождество. И склонился вперед, опираясь на стойку руками.

— Все в порядке? — спросила Мэгги, приближаясь к нему, чтобы не перекрикивать шум.

Эрик снова глубоко вздохнул, пожал плечами и выдохнул.

— Как обычно. Ну, ты знаешь. Ничего не меняется.

Мэгги было уже за шестьдесят. У нее были короткие кудрявые огненные волосы. Косметикой она не пользовалась. Ее бледное лицо с коричневыми мешками под глазами, словно сделанное из теста, казалось, съехало куда-то вниз. Они с Денни были запойными пьяницами, что не добавляло красоты.

— Я все еще думаю, что дело в общении, — сказала Мэгги, накрывая ладонью его руку. Из рта у нее пахло вином. Денни предпочитал более крепкие напитки, Мэгги же признавала только вино и заявляла, что это особенность ее родины — долины Напа. — Вам двоим нужно *поговорить*. Вот и все.

Эрик медленно покачал головой.

— Мы много раз обсуждали это, рассматривали со всех точек зрения, но факт остается фактом. Альма больше не любит меня. Но не хочет этого признавать, вот в чем беда.

— А как насчет тебя? — спросила Мэгги. — Ты ее любишь?

Несколько долгих секунд Эрик молчал, избегая ее взгляда.

Потом пожал плечами.

— Как обычно, пожалуйста.

Она отошла и вскоре вернулась с пинтой «Гиннесса». Кружка звякнула о стойку.

— Я хочу, чтобы вы оба пришли сюда на рождественскую вечеринку, хорошо? — сказала Мэгги. — Ну пожалуйста. Придете?

Эрик выудил несколько купюр из правого кармана, взял пятерку и положил рядом с кружкой — за пиво. Остальное сунул обратно в карман, позвякивая мелочью.

— Когда состоится вечеринка?

— Как обычно, Эрик. В сочельник.

Он нахмурился и сделал еще несколько глотков. А затем грохнул кружкой о стойку и вытер салфеткой пену со рта.

— Но у нас были планы на этот вечер...

— Милый, у всех и всегда в сочельник свои планы. Я просто хочу, чтобы вы заглянули выпить пару стаканчиков. Мы пригласили *крутую* группу из Реддинга. Луиджи Дели поставщик продуктов, так что еда будет

просто обалденная. Просто загляните на огонек, о'кей? Вдвоем.

Эрик улыбнулся.

— Такого мы не пропустим.

— Ох, — сказала Мэгги, наклонившись над стойкой и вlepив ему в щеку слюнявый поцелуй. — Это так мило. Ох, еще увидимся.

И она отошла, чтобы принять заказ у другого клиента, затем у третьего. С каждым Мэгги заводила такой же разговор, который выветривался из ее пропитого мозга уже через несколько минут. Позже она подойдет к нему еще раз, задаст те же вопросы, даст те же советы и не будет помнить, о чем они говорили пару часов назад.

Эрик сделал еще несколько глотков и заметил, что пиво почти закончилось.

«Притормози, — сказал он себе. — Тебе еще долго тут торчать».

Он посмотрел на часы. Пятнадцать минут седьмого. Еще слишком рано. Вечер только начался.

«А силы, — подумал Эрик, — уже закончились».

Первая встреча с убийцей состоялась в воскресенье, на Ньюбури-Аристан-маркет — на блошином рынке под открытым небом, с рядами, усыпанными соломой. По выходным Эрик усаживался в своем киоске и раскладывал под стеклом коллекцию первых изданий Корнелла Вулрича, Дэвида Гуди, Джима Томпсона, Дэна Марлоу и Дороти Б. Хьюдж, а также множества других авторов. Некоторые книги были с автографами. Продажи уцененных покетбуков, пусть и в хорошем состоянии — в ассортименте были Джеймс Паттерсон и Стивен Кинг, Элмор Леонард и Джон Стэнфорд, оба Келлермана, Тони Хиллерман, Карли Хисаан и многие другие — едва покрывали стоимость аренды киоска. Когда-то у Эрика был небольшой магазин в Ньюберри-молл, но он просуществовал недолго. Книги всегда привлекали людей, но цены на редкие коллекционные издания тут же отпугивали потенциальных покупателей. Не было ни вопросов, *почему* эти книги так дороги, ни любопытства по поводу издания, ни интереса к авторам, которых они никогда не читали. Ничего. Эрику это надоело, и через семь недель он закрыл свой магазин, радуясь тому, что избавился от хлопот. Альма тоже радовалась. О, она была так счастлива, что закатила с друзьями вечеринку по этому поводу. Не первая гадость с ее стороны, но одна из самых подлых. Она стыдилась магазина, потому что стыдилась книг, которые он так любил.

— Уже по обложкам видно, что *это мусор!* — не раз заявляла Альма.

Теперь Эрик вел бизнес в Интернете и зарабатывал вполне неплохо, к

тому же мог общаться с теми, кто тоже любил книги, разделял его интересы и занимался торговлей.

Таковыми, как Крутая девчонка. В последнее время его мысли часто возвращались к ней. В конце концов, она и была причиной того, на что он решился.

Эрик не знал, как будет выглядеть Иуда, зато Иуда, как выяснилось, знал его. В то воскресное утро Эрик прогуливался по рынку, останавливаясь у каждого столика, какая бы дрянь там ни валялась, и оглядывался по сторонам. В основном оглядываясь по сторонам. И вот после одной из таких остановок рядом с ним возник мужчина и посмотрел ему в глаза. Он был немного ниже Эрика (в котором было метр девяносто), тощий, но с пивным брюшком, которое ничем нельзя было скрыть. Иуда был одет в шляпу с широкими полями, длинное серое пальто и черные брюки, из-под которых выглядывали блестящие ботинки. А еще на нем были очки в серебристой оправе с затененными линзами, так что невозможно было определить цвет его глаз. Лицо было овальное, нос — прямой, с толстым раздвоенным кончиком. В руках, затянутых в кожаные перчатки, Иуда держал длинную тонкую сигару, запах которой напомнил Эрику о дорожных работах.

— Привет, Эрик, — сказал он.

Эрик тут же узнал этот голос. Он был глубоким, но странно шипящим, словно наждачная бумага терлась о камень. Что-то когда-то случилось с горлом Иуды — так показалось Эрику, когда они договаривались о встрече по телефону. Он размышлял о том, какая же травма может привести к подобным изменениям голоса — и воображал себе разные варианты, один драматичнее другого.

— П-привет, — сказал Эрик.

— Я Иуда. Давай пройдемся вдоль рядов не торопясь и посмотрим товары.

Так они и сделали. И довольно долго шагали молча, потому что Эрик ждал, когда заговорит Иуда, а Иуда ждал того же от него.

— Как вы меня узнали? — спросил наконец Эрик.

Иуда прочистил горло.

— Когда я вам перезванивал, мне уже было известно, кто вы, где вы живете, как выглядите и чем зарабатываете на жизнь, какую школу окончили и заказывали ли кого-то еще, прежде чем обратились ко мне. Это мой бизнес, знаете ли. Я не веду его с кем попало. Как некоторые. Им все равно. Но мне — нет. Мне не все равно. Я не имею дел с психами и идиотами. Поэтому для начала я проверил, не относитесь ли вы к данному

типу и нет ли у вас других изъянов человеческой природы. Если бы я не хотел иметь с вами дела, вы бы ни слова от меня не услышали и никогда бы меня не нашли. Но, как вы смогли заметить, теперь все в порядке, верно? — Иуда улыбнулся.

— Это ваше настоящее имя? Иуда?

Иуда остановился и начал внимательно разглядывать картину, цветную абстракцию. Он даже принялся к холсту, прежде чем ответить.

— Вы ведь не собираетесь писать обо мне книгу, верно?

Эрик захихикал.

— Нет, сэр. Мне просто любопытно. Я ничего не собираюсь выведывать. Можете просто сказать, чтобы я заткнулся.

— Заткнитесь.

— О'кей.

Иуда начал расспрашивать об Альме, о ее привычках, о режиме дня. Эрик отвечал без промедления.

— Ладно, слушайте. Вы это умеете? Просто слушать?

— Да.

— Вот как это произойдет. Я появлюсь где-то между восемью и девятью часами вечера, во вторник. На следующей неделе, то есть послезавтра. Я не называю точного времени, потому что в моей профессии подобная точность невозможна. Никогда нельзя планировать появление с точностью до минуты. Итак, примерно в это время я появлюсь и сделаю свое дело. А теперь скажите мне: есть ли возможность, сколь угодно малая, что в это время в доме окажется кто-то еще?

— Ну, честно говоря, да, — кивнул Эрик.

Они говорили так тихо, что почти не слышали друг друга за звуком своих шагов.

— И кто же это может быть? — спросил Иуда.

— Сестра моей жены, Марианн.

Иуда вздохнул куда громче, чем говорил.

— И вы *только сейчас* говорите об этом!

— Эй, ну в самом деле, это же не проблема. Ну и что, что она придет? Бога ради, можете и ее у...

Иуда громко закашлялся, заглушая его слова. А когда успокоился, подался вперед и прошептал Эрику на ухо:

— Никогда не произносите этого слова вслух. Я знаю, о чем идет речь. Не нужно этого говорить.

Эрик понял, что слегка дрожит, испугавшись громкого приступа кашля.

— Ладно, — сказал он. — Не буду.

Эрик не думал о своей невестке Марианн. Они плохо ладили, но дело было не в этом. А в том, что если избавиться от Марианн, то никто уже не оспорит наследства, которое достанется ему от Альмы.

— Итак, вы хотите сказать, что в здании будут две проблемы?

— Именно. Хотя до сих пор я об этом как-то не думал. Но я рад, что вы подняли эту тему.

Иуда раздраженно покачал головой.

— Да, я тоже. Итак, вы хотите сказать, что я должен решить обе ваши проблемы. Об этом мы с вами не договаривались.

— Простите, что я не сказал этого раньше, просто до сих пор я действительно не задумывался об этом. Сестра моей жены большую часть времени проводит у нас дома.

— Вы заплатили мне за решение только одной проблемы, Эрик.

— Я с удовольствием заплачу и за решение второй. Если она там окажется. Но это пока неизвестно. Я понятия не имею, когда явится Марианн, она как свидетели Иеговы, как чума, ее невозможно предугадать. Но если она придет, они вдвоем сядут у бара и начнут, как всегда, обсуждать меня, унижать, высмеивать. Знаете, было время, к счастью, недолгое, когда я думал сделать предложение *Марианн*. А теперь жалею, что не сбежал подальше от всей этой семейки. Клянусь вам, Иуда, они безумнее сортирных крыс.

— Вы зря считаете, что мне это интересно.

— О да. — Эрик прокашлялся. — Простите.

— Где будете вы?

— Что?

— Постарайтесь, чтобы во вторник вечером вас увидело и запомнило как можно больше людей. — Так сказал наемник. — Я сделаю свое дело между восемью и девятью часами. Найдите место, где вы будете на виду с шести до десяти. Нужно заполучить как можно больше свидетелей. И хороший запас времени. Это понятно?

— Да. Мне понадобятся свидетели, люди, которые меня запомнят.

— Правильно. И где же вы их найдете?

— Есть один паб, в который я регулярно хожу. Иногда моя жена ходит за мной, но это бывает редко. Там меня многие знают. Не будет ничего странного в том, что я приду и посижу в этом пабе несколько часов, сыграю во что-нибудь, ну, знаете, в пул, дартс и...

— Вы хотите отправиться в помещение, где собирается толпа алкоголиков?

— Это не такое место и совсем не такие люди. Большинство из них, знаете ли, женаты, дома их ждут дети. И я не припоминаю, чтобы там хоть раз кто-то напился до свинского состояния. На самом деле это идеальное место. Я буду по уши в свидетелях.

Они поговорили еще, обсудив каждую деталь, каждую вероятность.

— Учет случайностей, — сказал Иуда. — Кто не учитывает случайностей? Неудачник.

И они на всякий случай составили несколько запасных планов.

За это время они дважды медленно обошли рынок, разговаривая как можно тише.

И также медленно вышли на парковку. Был холодный серый день. На земле еще белели остатки первого в этом году снегопада, но темные тучи на небе уже грозили дождем. Дыхание вилось облачками пара.

— Что ж, Эрик, пора разделиться.

Иуда остановился и повернулся к Эрику. Сдвинул шляпу на затылок, открывая лицо. Его подбородок зарос клочковатой щетиной. Иуда поднял темные очки на лоб и подмигнул Эрику покрасневшим серым глазом. Под глазами у него были мешки, он явно долгое время не высыпался.

— Я начал называть себя Иудой в четырнадцать лет, когда узнал, какую огромную услугу этот парень оказал Иисусу. Я ненавидел свое настоящее имя, зато мне сразу понравилось, как звучит имя Иуда, которое я слышал в воскресной школе. Мать была в ужасе, она сказала, что этот человек виноват в смерти Иисуса. Но я сам прочитал о нем. И рассудил иначе. Иисус *должен был умереть*. Если бы он не умер, христианство не пошло бы дальше пары окрестных кварталов, понимаете? Что, если бы Иисус продолжал жить, стал старым и толстым, женился бы? Нет, религия, основанная вокруг *такого* парня, никогда не стала бы популярной. Иуда сотворил христианство. Как по мне, он замечательный парень, из тех, кто сам творит историю. Вот так я и начал называть себя Иудой. — Он расплылся в улыбке, усталые глаза на миг засияли. — А еще я люблю это имя за то, что оно злило мою мамашу.

Очки вернулись на место, шляпу он тоже надвинул на глаза.

— Мы больше не увидимся, Эрик. Если возникнет вторая проблема, мы договоримся о дополнительном платеже. Если нет, дело сделано. Приятно было пообщаться. Да, и еще одно. Не советую вам обнаружить это первым. Там будет много крови. И не только крови.

С этими словами Иуда развернулся и зашагал вправо, вдоль рядов.

Эрик заторопился к машине, ему хотелось согреться. Он сел за руль своей «хонды цивик», завел мотор и включил обогреватель. Автоматика

сработала быстро и за несколько минут превратила салон в тропики. Но Эрик все равно чувствовал себя продрогшим до костей. Его трясло, и с каждой минутой все сильнее. Зубы стучали со скоростью пулемета.

Обогреватель работал... но Эрик не согревался.

Он сидел за рулем и чувствовал, как тело содрогается в спазмах. Только начав задыхаться, Эрик сообразил, что у него приступ паники.

Несколько минут назад он договорился об убийстве своей жены, и у него приступ паники.

Неуклюже дотянувшись до отделения для перчаток, Эрик вытащил бутылочку «Ксанакса». Схватил ее, вытряхнул на ладонь две овальные таблетки и сунул их в рот. Между сиденьями еще оставался стакан с диетической колой «Доктор Пеппер». Газировка выдохлась и нагрелась, но Эрику нужно было запить таблетки.

А потом нужно было просто сидеть и ждать, когда это все пройдет.

«Джилл, — подумал Эрик, сидя в „Лисе и гончей“. — Почему она до сих пор не пришла?»

Он снова посмотрел на часы. Четыре минуты девятого. Эрик ахнул, вытаращил глаза и понял, что у него отвисла челюсть. Но лишь на секунду. Он быстро взял себя в руки, надеясь, что никто ничего не заметил.

«Между восемью и девятью часами», — сказал Иуда.

Последние два часа Эрик провел, играя в бильярд, — несколько партий со старыми знакомыми, несколько с дружелюбными незнакомцами. А потом вернулся на свой стул у бара, помеченный черным пальто, и заказал второе пиво.

После нескольких глотков он решил позвонить Джилл.

У Эрика не было мобильного телефона. Он ненавидел эти цацки, потому что слышал — в определенный момент у любителей мобильных развивается какой-то особо агрессивный вид рака, естественно, порожденного излучением телефона. Придется вставать и идти к телефону-автомату в подвале, возле туалетов. Но только чуть позже. Эрик хотел сперва подумать. Решить, что ей скажет. Хватит с него постоянных придинок Альмы. Альма всегда на него злилась. Но сказать Джилл и разозлить ее будет совсем уж некстати. Он не станет требовать, чтобы она пришла в «Лису и гончую», подобно агрессивному, властному мужу. Но он хочет ее увидеть, ему недостает ее внимания.

Эрик взял бокал и допил пиво, размышляя о Джилл...

Эрик играл в воздушный хоккей с приветливым пареньком по имени

Чак Вагнер, которому явно нужно было с кем-то поговорить о своей жене. Вот он и болтал. Похоже, миссис Вагнер, прелестная блондинка по имени Кларис, не понимала Чака. А он изо всех сил старался понять ее. Он знал, как для нее важно лить свечи, и пытался вдохновить ее, поддержать, восхищался ее талантом. Ее свечи получали награды. Они были произведениями искусства. Он гордился ими. А Кларис превратила свое маленькое хобби, которым она занималась, пока дети спали или когда они были в школе, в довольно прибыльный онлайн-бизнес. Люди покупали ее свечи на Рождество и в качестве подарков на дни рождения. «Кларис кэндлз» — так назывался ее сайт и бизнес. Она была маленьким ураганом, его Кларис.

Чак же, в свою очередь, увлекался совсем другим — поисками металла. По выходным он собирался с единомышленниками и с помощью металлоискателя исследовал парки, игровые площадки и прилегающие территории. Они охотились не за мелочью, их интересовали старые монеты, украшения, осколки истории. Это хобби сделало Чака нумизматом с довольно впечатляющей коллекцией. Но когда дело касалось его хобби, того, что нравилось ему, Кларис не просто не поддерживала его, она смеялась.

Эрик вспомнил, что раньше говорила ему Мэгги, и посоветовал Чаку наладить общение. Что ему и Кларис поможет только это. Если Чак не расскажет Кларис, что он чувствует, она может просто не понять, как обижает его.

Естественно, Эрик понятия не имел, как решить проблемы Чака. Он говорил только потому, что Чак замолчал и, кажется, ждал чего-то. Кому известно решение подобных проблем? Если вам кто-то скажет, что знает ответы на все вопросы, не сомневайтесь, перед вами говнюк. Это в частности, *и в особенности*, касалось доктора Фила.

И все же Эрик обнаружил, что с видом эксперта рассуждает о семейных отношениях. Словно в этом деле могли быть эксперты, а ведь он даже не задумывался об этом. Продолжая говорить, Эрик посмотрел на дверь, но Джилл не появилась там, высматривая его в толпе, и Эрик растерял слова, запнулся и нахмурился.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Чак.

Эрик неопределенно кивнул. Потом улыбнулся и сказал:

— Я выйду покурить, Чак. Вернусь через пару минут.

— Конечно. Увидимся позже. И спасибо за совет. Он действительно мудрый.

— Рад помочь.

Эрик вернулся к своему стулу и хотел надеть пальто, но остановился и задумался. Снаружи холодно, но пальто лучше оставить на месте, создав иллюзию того, что он скоро вернется. Хотя вернется он не скоро.

«А это разумно? — подумал Эрик. — Оставаясь здесь, ты обеспечиваешь себе алиби».

Но если он поторопится, то быстро вернется. Люди заметят его пальто на стуле и будут считать, что он где-то рядом, так ведь? Этого же достаточно?

Он должен был увидеть Джилл, он с ума сходил, он скучал по ней. Никто в пабе не знал о его отношениях с Джилл, так что они не смогут вести себя *слишком* откровенно в «Лисе и гончей». Но видеть ее, быть рядом, ощущать запах ее парфюма, возможно, даже украдкой поцеловать или обнять ее...

Она нужна ему.

Эрик вытянул руки перед собой и посмотрел на них. Пальцы тряслись.

Нервы все еще на пределе. Увидеть Джилл, просто побыть с ней рядом, и он успокоится...

Он вышел из бара, сел в машину и вырулил с парковки.

Крутая девчонка, как выяснилось, жила в Хоуп-Вэлли, небольшом городке к западу от Ньюбери. Она так же, как и Эрик, любила беллетристику и комиксы. Они провели немало времени в приватном чате, постепенно узнавая друг друга. Тот факт, что это происходило в Интернете, только ускорил процесс. Люди в сети часто говорят то, чего никогда не осмелились бы сказать в личной беседе. В Интернете им проще открыться, проще быть честными, рассказывая о себе. Эрик и Джилл, так ее звали на самом деле, быстро узнали друг друга и друг другу понравились. Ей было тридцать семь, она никогда не была замужем, и у нее не было детей. Она работала в «Барнс и Нобль». У нее был кот по кличке Твейн и тропические рыбки. А также впечатляющая коллекция фильмов-нуар на DVD и кассетах — она отослала Эрику каталог, и он с завистью прочел некоторые названия, — она пересматривала эти фильмы снова и снова. Эрик поступил бы точно так же, будь у него такая коллекция. Естественно, Альма ее не одобрила бы.

— Поверить не могу! За эти годы ты потратил уйму денег на книги, которые считались мусором с тридцатых годов, с тех пор как были изданы! — сказала она однажды.

Эрик тихо ответил:

— С пятидесятых. Большая часть была издана в пятидесятых.

— Какая разница?

Однажды Эрик пытался зачитать ей отрывок из своего любимого романа, «Грифтеры» Джима Томпсона, но Альма взвилась:

— Я не хочу слушать эту дрянь! Она полна ненависти и сексизма. У нее отвратительная обложка. Ты должен *стыдиться* себя!

Эрик пытался объяснить ей, как скучно ему на работе. Он был бухгалтером в супермаркете «Мэйси». И это было чертовски скучно, он только и ждал момента, когда вернется домой и погрузится в чтение захватывающей книги о жуликах, шпионах, соблазнительных фамм фаталь, продажных копах и жутких психах. Книги были для него бегством от реальности.

Но Альма и это использовала, чтобы насмехаться. Ну конечно, говорила она, он хочет сбежать в мир прошлого, где женщины были всего лишь объектом для секса.

Они были женаты четырнадцать лет. Эрику было тридцать шесть, Альме тридцать четыре. Поначалу у них была великолепная семья. Она любила его, она была страстной. И хотела быть матерью, поскольку знала, что мать из нее получится прекрасная. Первые два года они пытались зачать ребенка. На самом деле пытались. Доктор сказал, что причина в Эрике. Он лечился и снова пытался, но безрезультатно. Пришлось смириться и решиться на усыновление. Ждать пришлось бы целую вечность. Но если бы они согласились взять ребенка постарше, все прошло бы очень быстро.

И они решились. Привезли домой четырехлетнего Эндрю. Это был прекрасный мальчик с ангельской внешностью — золотистые волосики, огромные голубые глаза, которые жадно впитывали все, что видели, и изумительно сложная ухмылка, которая быстро превращалась в широкую улыбку. Эрика он завораживал.

В те времена Альма часто дразнила Эрика тем, что он без нее ни на что не способен. Когда он мыл тарелки вместо нее, он расставлял их не туда, куда нужно. Ей приходилось все переделывать. Тогда она тыкала его пальцем в ребра и говорила: «Ну что бы ты без меня делал, а?» И Эрик смеялся, привлекал ее к себе и целовал. Его это не обижало, потому что Альма шутила с любовью и нежностью. В ее словах не было попытки уязвить или унижить.

Когда Эндрю исполнилось шесть, Альма оставила его с Эриком, а сама отправилась на выходные к своей школьной подруге Пэм. Пэм жила в Эуреке, иногда она приезжала к Альме, иногда Альма ездила к ней. И вот настал черед Альмы. Она, конечно же, вновь шутила, что оставляет Эрика

на произвол судьбы. И он смеялся, целуя ее на прощание.

В субботу он решил поджарить гамбургеры и хот-доги. Вскоре, как он и предполагал, собрались соседи. Кто-то принес пиво, кто-то чипсы. И получилась настоящая вечеринка. Дети играли на лужайке. Кто-то притащил магнитофон и включил старые хиты.

Резкий визг тормозов показался таким неуместным посреди болтовни, смеха и хорошей музыки, лепета играющих детей... Визг тормозов казался звуком из иного мира.

Он разрезал атмосферу вечеринки, как скальпель разрезает плоть. Все замолчали, и только музыка продолжала играть.

А потом закричала женщина, сидевшая ближе всех к улице.

Эрик увидел своего приемного сына под передним колесом серебристого «крайслера». И буквально сошел сума, совершенно обезумел. Он кричал водителю, чтобы тот сдал назад, Господи, сдал назад, а когда тот послушался, Эрик склонился над мальчиком, изломанным и размазанным по брусчатке. Эрик кричал, звал на помощь, умолял вызвать «скорую». Кто-то говорил, что «скорую» уже вызвали, но это было бесполезно, Эрик ничего не слышал. Ничего, кроме шума в ушах и звона в голове, словно он попал в эпицентр взрыва. Взрыва, которого не было снаружи. Взрывы были внутри Эрика. Они начались, когда он увидел Эндрю лежащим под колесом. И до сих пор не прекратились. Что-то взрывалось в его груди, животе, голове.

Эндрю был мертв. Его глаза оставались открытыми, лицо было забрызгано кровью. Эрик поднял его на руки, и голова мальчика безжизненно повисла.

Эрик слышал жуткий звук, который длился и длился, и прошло немало времени, прежде чем он понял, что сам издает этот звук, прерываясь только, чтобы вздохнуть.

Альма, вернувшись, ни разу не заговорила с ним об этом. Эрик не знал почему, и его это злило. Он кричал на нее, но ответа не добился. Она молчала, и по ее лицу он видел, как ей больно. Эрик хотел разделить эту боль, пройти сквозь горе вместе с ней. Но она не позволила.

А затем ее прорвало. Сумерки за окном сменились полной темнотой. Эрик шел за Альмой по коридору до спальни, пытался вызвать ее на разговор, и тут внезапно она обернулась с такой ненавистью на лице, что он попятился, как от удара.

— Ты действительно настолько беспомощен?! — воскликнула она. Ее голос становился все выше и выше, она уже кричала. — Я не могу оставить тебя даже на выходные? Два дня, всего два дня! А ты настолько

беспомощен, что не смог сохранить нашего сына *живым*? Ты *беспомощен*!

И Альма ушла в свою спальню, захлопнув дверь и заперев ее на замок.

С тех пор все пошло наперекосяк. Альма уже не стала прежней. Она ненавидела Эрика и не пыталась этого скрыть. Он предложил развестись, но она сказала, что никогда на это не пойдет, они будут вместе до гроба, как поклялись друг другу у алтаря. Альма была ревностной католичкой, в ее семье не было разводов — и Эрик никогда еще не видел настолько несчастной группы людей. Ему, конечно, не нужно было ее разрешения, но он решил оставить все как есть. Время шло, он терпел.

Отец Альмы открыл пончиковую, когда она была еще маленькой девочкой. К тому времени как она окончила школу, магазинчик превратился в торговую сеть от Эуреки до Сакраменто. Чрезвычайно популярную, поскольку отец Альмы добавлял к пончикам двойную глазурь, чего не делали другие кондитеры.

Когда Альма окончила колледж, ее отец продал свои магазины конгломерату за фантастическую сумму денег, поровну разделенных, согласно завещанию, между Альмой и Марианн. Но Эрик женился на Альме еще до того, как появились деньги, и все знали, что дело не в них.

Не в них.

Но все меняется.

Он встретил Джилл.

Они договорились встретиться «У Дэнни» в Хоуп-Вэлли. Это было безопасное людное местечко. Эрик не сомневался, что узнает Джилл, — они обменялись фотографиями по сети. Он знал, что она бледнокожая красавица брюнетка. Ее волосы спадали до пояса, и с первого взгляда на них Эрику захотелось к ним прикоснуться.

Они встретились на улице, перед входом в «Дэнни», у автоматов по продаже газет. Он коснулся ее волос. Она встала на цыпочки и тронула его лицо. А миг спустя они уже целовались, гладили друг друга, сплетались языками, как безумные.

Рядом с тем местом был мотель «Бест вестерн», туда они и отправились, даже не заглянув в ресторан.

Прошло немало времени с тех пор, как у Эрика и Альмы был секс. Да и те последние несколько раз были весьма неудачными. Она лежала, напряженная и неподвижная, как труп, прижимала руки к бокам и морщилась, словно изо всех сил не позволяла себе не то что насладиться, а просто смириться с происходящим.

Родители Альмы умерли, сначала отец от эмболии, затем мать от рака

груди. Все деньги достались Альме и Марианн. Но их жизнь с тех пор не изменилась. Альма отказывалась тратить эти деньги. Она не хотела касаться их. Вот они и не касались.

Долгое время Эрик думал только об этих деньгах. Они снились ему по ночам, он мечтал о них днем, перебирая бумажки на работе. Все эти деньги, уйма денег, которых ему и за всю жизнь не истратить. Немыслимая гора. Недоступная только потому, что Альма отказывается их трогать. И ничто этого не изменит, кроме, конечно же, смерти самой Альмы.

После первой встречи в «Бест вестерне» Эрик и Джилл лежали, тяжело дыша, сплетаясь руками и ногами. Их тела блестели от пота. Простыня и одеяло сбились в изножье кровати. Они целовались, пытались отдышаться, гладили друг друга по волосам. Эрик уткнулся лицом в ее чудесные груди и засмеялся, как мальчишка. Ее кожа была как шелк, у губ был едва уловимый вкус клубники. Джилл раскрыла в нем глубины, которые никто не раскрывал уже давным-давно. Она заставила его снова почувствовать себя собой, тем, кем он был, когда у него еще оставались друзья и они с Альмой дважды в неделю обязательно заглядывали в паб. Джилл вернула его к жизни. Она оживила его.

Когда они наконец успокоились, то просто легли рядом, опираясь на локти и глядя друг на друга с расстояния в несколько дюймов.

— Ты изменила меня, — выдохнул Эрик. — Я много лет не чувствовал себя так хорошо, Джилл.

Она склонила голову набок, всхлипнула и снова посмотрела на него. Он заметил мокрые дорожки на ее щеках. И ахнул.

— Что не так? Прости, если я сделал что-то...

— Ты ничего не сделал, — прошептала Джилл, качая головой. — То есть... ты не сделал ничего *не так*. Ты сделал все так, что... Не знаю. Это просто нечто.

— Как... Что мы будем теперь делать?

— Еще не знаю. Но, думаю, решать придется тебе. Это ведь ты женат.

— Ну да, похоже на то. — Эрик погладил ее бок кончиками пальцев, коснулся груди, провел по ребрам, по изгибу бедра к колену. — Мне придется учиться лгать своей жене.

— Это тебя беспокоит?

— Ты просто не знаешь, как она ко мне относится. Меня это ни капли не беспокоит.

— Но это не может длиться долго.

Брови Эрика поползли вверх.

— Не может?

— Конечно же нет. Тебе придется сказать ей правду. Довольно скоро. Чтобы мы могли все время проводить вместе.

Он лишь молча погладил ее тело еще раз.

— Послушай, Эрик, я не хочу ввязываться в долговременный обман. Понимаешь? Либо ты во всем признаешься жене, либо у нас ничего не будет. Если ты не скажешь ей, Эрик, скажу я.

«А вот это будет интересная сценка», — подумал он.

Ультиматум Джилл его немного обеспокоил. Эрик не был уверен, что сможет признаться в случившемся Альме. К тому же зачем ей признаваться? Эта измена станет барьером между ним и ее деньгами. Но Джилл ждала ответа уже сейчас, и Эрик решил сменить тему.

— Не волнуйся, милая, — прошептал он ей на ухо, проводя пальцами по ее волосам. — Не волнуйся.

Эрику удавалось продолжать эти отношения уже семь месяцев. Альма ничего не подозревала, но Джилл становилась все более нетерпеливой и понемногу начинала злиться.

Именно тогда Эрик начал размышлять над решением своей проблемы. Больше никакого выжидания.

Обогреватель *слишком* раскалил воздух, и Эрик выключил его. Начался дождь, пришлось включить «дворники».

В голове вертелись мысли о событиях, которые привели его к текущему моменту. После появления Джилл Эрик начал воспринимать Альму только как проблему, требующую решения. И долго и напряженно думал о том, как ее решить.

В Ньюбери у Эрика был друг-адвокат, Макс Рэндибл, темная лошадка, защитник, который вел уголовные процессы. У него имелось множество сомнительных связей, и он наверняка поддержал бы Эрика — они знали друг друга со школы. Раз в месяц они вместе обедали. И вот на следующей встрече с Максом, в итальянском ресторане «Анджело», Эрик сказал:

— Я решил написать книгу.

— Смеешься, что ли? — сказал Макс, накручивая на вилку спагетти. У него были мягкие темные волосы с вечным косым пробором. Скуластое лицо с длинным носом, нависавшим над тонкими губами, порой напоминало морду дружелюбной собаки. — Книгу? Ты?

— Да. Ты же знаешь, как я люблю беллетристику. Вот и решил попробовать свои силы.

Макс весело рассмеялся.

— Ну, молодец, мужик, рад за тебя. Это просто потрясающе! А что

Альма об этом думает?

— Она не знает. Наверняка будет смеяться. Слушай, у меня к тебе один вопрос. В моей книге одному парню нужно найти наемного убийцу. Видишь ли, его жену убили, и он полагает, что знает, кто это сделал, и хочет отомстить. Но понимает, что сам с этим не справится, что ему нужно нанять профессионала. Как обычному парню проверить такое дело? Мой герой — строитель, работает по найму. Как наемному рабочему выйти на киллера?

По мере того как Эрик описывал ситуацию, улыбка Макса блекла. Он долго серьезно смотрел на Эрика, слегка склонив голову набок и нахмутив лоб.

— Наемного убийцу, — повторил он наконец сухо, без выражения.

Эрик кивнул. Сюжет он придумал только что. И очень старался запомнить все и не запутаться.

— Ну да, этому парню нужно убить того, кто убил его жену.

Макс медленно кивнул. Затем сунул руку в карман, достал мобильный и открыл его. Из кармана рубашки он выудил одну из визиток и ручку. Выбрал номер в списке контактов, наклонился вперед и что-то проговорил в трубку, сильно понизив голос, затем захлопнул телефон и спрятал обратно в карман. А визитку с нацарапанным номером протянул Эрику.

На обороте значилось имя «Иуда» и телефонный номер.

— Я тебе ничего не давал, — предупредил Макс, наклоняясь к Эрику через стол. Затем сунул в рот вилку с намотанными спагетти, прожевал и добавил: — Если ты скажешь, что получил это от меня, я буду все отрицать. И больше никогда не стану с тобой разговаривать. Ты сказал, тебе нужен... — Он понизил голос до шепота: — Наемный убийца? Так вот это он. Остальное зависит от тебя. Я не хочу ничего знать.

Макс пожевал еще немного и сглотнул. Собрал с тарелки остатки соуса чесночным хлебом и откусил кусочек.

— Слушай, Макс, — начал было Эрик, но тот не позволил ему закончить.

— Я ничего не спрашиваю, потому что *не хочу* знать, ясно? Я забуду об этом маленьком обмене, и мы сделаем вид, что ничего не было. Понял?

— Но, Макс...

— Тебе не нужно ничего объяснять, можешь вообще не говорить.

Эрик хотел продолжить свою ложь, но Макс дал понять, что не станет его слушать.

— Я рад, что могу помочь тебе, Эрик, — произнес он. — Тебе это нужно, я смог это достать, какими бы ни были твои мотивы. Но, как я уже

сказал, давай забудем об этом. О'кей?

— Ну... ладно. Если ты настаиваешь.

— Я настаиваю.

Эрик в тот же день позвонил по указанному номеру и впервые услышал резкий сухой голос убийцы, который считал Иуду чертовски крутым парнем.

Эрик выбрался на фривэй и выжал скорость до максимально разрешенных семидесяти, притормозил у первого поворота к Хоуп-Вэлли и повернул. К Сикамор-армс, жилому комплексу, он добрался в 8:13.

Он припарковался на улице, быстро пересек двор и поднялся на второй этаж. Ему нужна была квартира 209, в нее он и постучал костяшками пальцев. Внутри не раздалось ни звука.

Эрик вынул из кармана ключи, выбрал нужный и вставил в замок. Повернул ключ и толкнул дверь.

— Джилл? — позвал он, запирая за собой дверь. — Джилл, это я!

Ничего — ни ответа, ни движения. В квартире было тихо, даже душ не шипел. Телевизор и радио выключены.

И никого.

Эрик прошел по коридору, повернул налево, в гостиную. К экрану телевизора была прилеплена записка. Нахмурившись, он сдернул ее и прочитал.

«Дорогой Эрик.

Когда ты будешь читать эти строки, я уже, наверное, буду сидеть напротив Альмы и рассказывать ей правду о наших отношениях. Это необходимо, и ты понимаешь это не хуже меня, но первого шага не сделал. Я устала ждать и решила взять ситуацию в свои руки. Решить наконец нашу проблему. Нам не придется больше прятаться. Я делаю это ради нас обоих, Эрик.

Я люблю тебя.

Дж.»

Эрик завопил, и это было выражение невыносимой боли. Уронив записку, он начал лихорадочно искать телефон, которого не было в гостиной. Трубка обнаружилась в кухне, рядом с микроволновкой. Эрик начал лихорадочно набирать свой домашний номер, ошибся, сбросил,

попытался снова и ошибся на той же цифре. Выругался вслух, и с третьей попытки у него получилось.

— Алло?

— Альма! — закричал он.

— Эрик?

— Альма, послушай меня, пожалуйста!..

Она молчала.

— Ты там?

— Как ты мог? — еле слышно прошептала она в ответ. — Как ты...

Как ты мог?

Она повесила трубку.

— Твою мать!

Эрик швырнул телефон обратно на столик. Пластиковая крышка отскочила, батарейки выпали на пол. Эрик бросился их подбирать, собрал трубку снова и набрал свой номер. Занято. Еще раз — и снова занято.

«Она сняла трубку с рычага», — подумал он.

Эрик вышел из кухни в коридор, обратно к двери. Выскочил из квартиры, даже не остановившись, чтобы запереть замок, слетел по ступенькам к парковке.

Паника охватила его, как вселившийся демон. Колени слабели, в груди что-то сжималось, мешая дышать.

На улице Эрик распахнул дверцу машины и буквально рухнул на сиденье. Ключи звенели в дрожащих пальцах. Он все же смог завести мотор, но тут остановился и задумался. Нужно было решить, что делать сначала, вспомнить, куда ехать. Определившись, Эрик отъехал от обочины.

Вернувшись на фривэй, он утопил в пол педаль газа.

«Отличное алиби для сегодняшнего убийства — меня остановят за превышение скорости, и выяснится, что я пьян».

Эрик взглянул на спидометр, понял, что стрелка давно перевалила за отметку восемьдесят миль в час, и слегка сбросил скорость.

Несколько минут спустя он проехал мимо знака «Дорожные работы» и второго, «Готовьтесь остановиться».

— Ох, черт.

Еще один знак: «Райт-лейн перекрыта».

И откуда только взялись эти строители? Он не видел их по дороге сюда. Видимо, в последнее время они решили работать исключительно по ночам.

Машин на шоссе было мало, но у заграждения образовалась пробка из пикапов и фургонов.

Три четверти мили по односторонней дороге, и поток остановился. Эрику оставалось только сидеть и ждать. Он включил радио — передавали что-то веселое родом из восьмидесятых.

Сохранять спокойствие и сознательность было сложно, но Эрику пока удавалось сдерживать в себе ревушую волну страха. Он потерял способность испытывать что-либо, кроме паники.

Минуты медленно сменялись на цифровом дисплее панели: 8:26, 8:27, 8:28, 8:29, 8:30, 8:31...

Иуда войдет в дом, если уже не вошел, и увидит Альму в компании другой женщины. Он наверняка примет ее за Марианн, сестру Альмы, и тоже убьет ее, как и сказал ему Эрик. Он ведь настаивал...

Цифры на часах сменились на 8:32.

«Не советую вам обнаружить это первым, — сказал ему Иуда. — Там будет много крови. И не только крови».

— О господи! — простонал Эрик, чувствуя, что замерзает в машине, попав в ловушку пробки.

Он не мог двинуться ни назад ни вперед. Все его тело превратилось в дрожащее желе.

И тут машины начали двигаться. Сначала медленно, затем постепенно набирая скорость, и вот уже оба потока на шоссе текли как обычно. Эрик держался на верхнем пределе скорости до поворота к Ньюбери. Затем срезал по Денанси, повернул направо и с трудом заставил себя не разгоняться.

— Не спеши, Иуда, — шептал он, — пожалуйста, не спеши!

Две мили по Денанси, поворот на Эмберсон-парк-стрит и с нее мимо парка на улочку, где стоял их с Альмой дом в стиле ранчо.

Гравий подъездной дорожки завопил, когда Эрик ударил по тормозам, чуть не влетев в «тойоту» Джилл. Машина Альмы была в гараже, слева от дома.

Эрик распахнул дверцу и попытался выйти, не сразу сообразив, почему ему это не удастся. Лишь через секунду до него дошло, что он не отстегнул ремень безопасности. Сбросив его, Эрик вывалился на дорожку, оцарапав ладони о гравий и не потрудившись захлопнуть за собой дверцу.

К дому он побежал буквально с низкого старта, разбрасывая гравий. Дверь была не заперта.

— Джилл? Альма?

Гостиная находилась прямо за дверью, и в ней было пусто. Две лампы горели, телевизор тихонько бормотал в углу. Елка у окна подмигивала ему маленькими звездами гирлянд. Эрик заглянул в коридор и увидел полосу

света, падающую из кухни.

Грохоча ботинками подоскам пола, он рванулся туда. Повернул направо, к проему, с которого они сняли дверь, сделал три быстрых шага и поскользнулся, рухнув спиной на кухонный пол. Позвоночник прострелило болью.

Руки попали во что-то мокрое и липкое. Они скользили, и Эрику не сразу удалось подняться. Пришлось перекатиться и встать на четвереньки. Так он и застыл, глядя на красный пол, не в силах пошевелиться.

Цвет пола был не таким, каким *должен был* быть. Они с Альмой красили доски красно-коричневой краской. А теперь пол был красным, мокро-красным. И у этого красного был запах — приторный, резкий медный запах. Из комнаты пахло иначе — экскрементами, которые не смогли удержать расслабившиеся после смерти мышцы.

Руки Эрика затряслись, и он рухнул лицом вперед, забился, вставая на колени, потом на ноги. Взглянул на ладони, на руки, на рукава пальто, на штаны — все было пропитано и измазано кровью. Эрик согнулся пополам, и его вырвало на пол.

Между кухней и гостиной тянулась стойка, заваленная газетами и журналами, там же валялось несколько книг, стояли недопитый бокал и чашка с кофе. На полу под баром, рядом с перевернутым стулом, лежала Альма.

Зазвонил телефон. Эрик изумился тому, что тот снова работает. После третьего звонка включился автоответчик.

— Алло? Эрик? Альма? Это Бэтти Макомбер, ваша соседка. Вы дома?

«*Крыса назойливая*», — подумал Эрик, стиснув зубы. Бэтти Макомбер была самой надоедливой их соседкой. Она обожала разносить сплетни. Альма была слишком вежлива, чтобы ее игнорировать, а сам Эрик всегда старался ее избегать.

— Ну... — Бэтти явно была взволнована. — Я услышала крики и вызвала полицию, они скоро приедут. Я... только надеюсь, что у вас все в порядке.

Холодный взрыв обжег Эрика изнутри. *Полиция.*

Автоответчик пискнул и затих.

Все произошло совсем недавно, — пробормотал Эрик.

Его кожа покрылась мурашками при мысли о том, что Иуда все еще может быть в доме. Эрик замер и прислушался. В доме было тихо он был один. Это было знакомое чувство пустоты, Эрик умел отличать его от ощущения, возникавшего, когда в доме кто-то двигался.

Он был один. Рядом с Альмой. И смотрел на ее труп.

Глаза Альмы были открыты, голова запрокинулась, открывая огромную рану на том месте, где раньше было горло. Уголки рта растягивались в улыбку, похожую на разрез — жуткую ухмылку смерти. На Альме был бледно-голубой спортивный костюм, в котором она обычно занималась по вечерам на тренажере. В нескольких местах костюм был прорезан. И почти потерял изначальный цвет, полностью окрасившись в алый.

Господи, Альма! — чуть слышно выдохнул Эрик.

Остаток фразы был слишком болезненным, чтобы произнести его вслух, и он подумал: *«Что же я наделал?»*

Звук.

Мокрый булькающий хрип.

Эрик оглянулся, пытаясь определить его источник.

Снова бульканье — хриплое, задышающееся.

Он обошел стойку и резко повернул направо. За ней, на полу между двух стульев, сидела Джилл, опираясь спиной на стойку. Ее голова была запрокинута, открывая жуткую рану на шее. Руки безвольно свисали на пол, ноги были разбросаны, черно-розовая юбка задралась. На Джилл был красный свитер. Эрик зажмурился и потер глаза: он просто не мог выносить такое количество разных оттенков красного: красные розы, красный свитер, блестящие, красные, размазанные и разбрызганные потеки крови.

«Там будет много крови, Эрик. И не только крови».

Иуда так и планировал — он уже тогда знал, что устроит кровавую баню. Но зачем? Единственным возможным объяснением было то, что ему это просто нравилось, он развлекался таким образом. Эрик понял, что имел дело с психопатом — опасным психопатом, но при этом *умным*, очень умным психом, который нашел способ получать немалые деньги за то, что ему так нравилось.

Бульк!

Влажный кашель и поток крови вырвались изо рта Джилл, ее голова безвольно упала вперед.

Снова жуткое *«бульк!»* И снова фонтан крови. Кровь текла из множества ран. Иуда явно не разбирал, куда бить.

— Ох, слава богу, ты жива! — Облегчение было таким сильным, что эти слова Эрик буквально простонал. — Господи! Джилл? Джилл!

Он опустился рядом с ней, попытался оттащить от стойки. Она подалась вперед совершенно безвольно. Джилл казалась очень слабой, видимо, потеряла много крови. К счастью, нож Иуды перерезал ей горло, не

задев артерии, иначе она была бы мертва через несколько секунд после ранения.

— Это я, милая, это я, Эрик. Все будет хорошо, слышишь меня? Я отвезу тебя в больницу, и все будет хорошо, слышишь?

Он лихорадочно шептал это, словно боялся, что его услышит кто-то еще, тащил Джилл от стойки и не понимал, почему шепчет, но говорить громче просто не мог.

— Давай же.

Эрик обнял ее правой рукой за плечи. Локоть наткнулся на нечто непонятное. Эрик отдернул руку, опустил ее, и...

...его пальцы сомкнулись на рукояти ножа, торчащего из спины Джилл, которого Эрик сначала не заметил. Он испугался, он...

...не думая о возможных последствиях, забыв обо всем, он...

...вытащил нож из ее спины.

Джилл закричала, кровь фонтаном забила у нее изо рта, заливая красный свитер.

— Пойдем. — Эрик понес ее через гостиную. — Я отвезу тебя в больницу.

Идти было тяжело, он покачивался, как пьяный пингвин.

Мысленно Эрик составлял список необходимого: ключи в кармане пальто, машина не закрыта, больница Святой Элизабет (она же «Королева горы») будет самым быстрым вариантом. Он дошел до середины гостиной, прикидывая наиболее подходящий маршрут и размышляя, стоит ли попытаться срезать по переулкам или лучше двигаться по знакомым улицам. Плюнул — сегодня ему было не до размышлений над тем, куда свернуть, — и решил ехать по фривэй.

— Джилл, только, пожалуйста, не умирай, слышишь? Ты нужна мне, Джилл! Не смей умирать у меня на руках, слышишь! — Эрик не умолкал ни на секунду, а гостиная, казалось, все тянулась и тянулась, он никак не мог дойти до двери.

Его щеки стали мокрыми, для разнообразия, не от крови. Сквозь пелену слез он увидел, как левой рукой поворачивает ручку двери.

Перед глазами плясал калейдоскоп — синее и красное, вспышки света. Эрику пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем он понял, на что смотрит.

На мигалки полицейских машин.

Его взгляд сфокусировался на темном дуле пистолета.

— Положи женщину! — закричал полицейский.

— Но, офицер, она ранена, я... я п-просто нашел ее вот так, ей нужна

срочная медицинская помощь, она потеряла много кро...

— Я сказал, положи женщину! Быстро, урод!

Джилл издала жуткий звук. Хрипящее бульканье глубоко в горле резко оборвалось. Она перестала дышать.

— Джилл? — Эрик уставился на нее. — *Джилл?*

— Слышишь меня? Положи! Ее! На землю! Быстро!

Последний всхлип.

Именно этот момент она выбрала, чтобы умереть. Словно оглянувшись и сказала: «О, черт, *копы?* Разбирайся с ними сам, дорогой!» И испустила последний вздох.

Еще один полицейский присоединился к первому. Он тоже наставил на Эрика пистолет, вопя во все горло:

— Положи ее немедленно, или я вышибу тебе мозги!

Эрик очень хотел повторить, что ей нужна помощь. Но промолчал. Помощь Джилл уже не понадобится.

Он держал на руках труп.

— Положи ее немедленно, и...

— Ты оглох? Хочешь, чтобы я выстрелил? Ты...

— Положи ее на землю!

— Глухой ублюдок, положи ее...

— Иначе я буду стрелять!

Эрик осторожно нагнулся, уложил Джилл на пол, чуть в стороне от дверей.

Вопли на миг прекратились. Затем полиция снова начала орать:

— Оружие! У него оружие!

— Брось нож, ублюдок!

— Бросай! На землю, быстро!

— Я сейчас спущу курок, если ты...

— Брось этот проклятый нож!

Поначалу Эрик просто не понимал, чего от него хотят и по какому поводу весь этот шум. Он не осознавал, что до сих пор держит нож в правой руке и что этот нож — с пластиковой ручкой и широким лезвием, Иуда наверняка взял его в кухне, — испачкан кровью Джилл.

Пальцы Эрика застыли на рукояти, но он смог их разжать. Нож упал на пол.

Два копа тут же оказались рядом, снова крича:

— Руки за спину!

— Прекратить сопротивление!

Один из копов врезал ему по почкам прежде, чем Эрик мог сказать,

что не сопротивляется. Боль взорвалась в месте удара и волнами разошлась по всему животу. Его вырвало.

Руки Эрика заломили за спину, надели на него наручники и вздернули на ноги. Один из полицейских толкал его, второй тянул вперед за локоть.

Заднее сиденье патрульной машины было отделено сеткой, и на лицо Эрика падала паутина теней. Он подался вперед — он говорил с полицейскими.

— Почему ты это сделал? — спросил коп на пассажирском сиденье.

— Я же сказал вам, что я этого *не делал!* — Голос вернулся к нему, и Эрик почти кричал.

— Тогда почему ты весь в крови, а? Качался в ней, что ли?

— Ну... вроде того. Я упал.

— Ты упал. — Коп похлопал напарника по плечу. — Он упал, а?

— А как же, — кивнул второй.

— Альма была уже мертва, а Джилл еще держалась.

У Эрика пересохло в горле, глаза опухли от слез. Его надолго оставили одного на заднем сиденье, пока обыскивали дом, и все это время он плакал.

— А оружие убийства само прыгнуло тебе в руку, — сказал коп, который был за рулем.

— Я... я вытащил нож из ее спины. — На этот раз голос Эрика прозвучал просто жалко.

— Ты *идиот*, — сказал коп с пассажирского сиденья. — Ты что, не знал, что *нельзя* вынимать нож из раны...

— Нет, я *не знал*.

— Парень, тебе лучше найти хорошего адвоката. Потому что он тебе понадобится. Да и то, могу поспорить, на смертельную инъекцию ты уже заработал.

Эрик медленно разогнул спину, откидываясь назад, расслабился. И захихикал, сначала тихо, потом все громче и громче. Он пытался сжать губы и не заржать во весь голос, но не мог. Это была истерика. Эрик хохотал, по его щекам текли слезы.

— Рал, что тебе так весело, — сказал коп с пассажирского сиденья, — потому что, как по мне, ты облажался по всем статьям.

Эрик продолжал хохотать. Он согнулся пополам, схватился за живот и начал раскачиваться.

— Да что тут такого смешного? — спросил коп за рулем.

Эрик, прилагая максимум усилий, чтобы не сорваться, смог все же выдохнуть между двумя приступами смеха:

— Я... я... с тем же успехом... — Он уже стонал. — Я с тем же успехом мог сделать это сам!

До самого полицейского участка он так и не успокоился.

ДЖОН ФАРРИС

Первенец

— Алло? Мириам?

— Нет, это не Мириам, Грегори. Ты наверняка не ожидал снова услышать мой голос, а? Думаю, ты забыл обо мне. Но сегодня тот самый день, когда я обещал тебе позвонить. На вершине мира время летит незаметно, да? Двадцать лет прошло с тех пор. Целых два десятилетия. Ничего не всплывает в памяти, Грег?

— Слушай, я не знаю, кто ты и что...

— Что я пытаюсь тебе сказать? Ах, ну что ж. Я помолчу немного, чтобы до тебя дошло.

— Это приватный номер! Как?.. Только моя жена и... О, нет. О Боооже! Что-то случи...

— Ты слегка задыхаешься. Наверняка только что закончил свой утренний заплыв в бассейне.

— ...лось с Мириам? Ты поэтому звонишь мне с ее номе...

— Дыши спокойней, Грег. Ненужно паниковать. Мириам жива. Сегодня пятница, она, как обычно, на своих спа-процедурах. Завтра большая вечеринка у Дороти Чэндлер. Поздравляю с Премией мира, кстати. Жаль, я не смог на ней присутствовать, таким, как я, билетов не продают.

— Что-то случилось с детьми? Кто ты такой, мать твою? Лучше назовись, потому что...

— Если ты заработаешь гипервентиляцию, ты потеряешь сознание и разобьешь голову о край бассейна. Или на твоём дорогостоящем лице появится шрам. Так что лучше успокойся и слушай. Ни твоя жена, ни твои дети не пострадали и не пострадают. Твоя обожаемая Ливи сейчас отвечает на звонок из студии нового шоу Брукхаймера, которое, я считаю, заменит «Фокс» в середине сезона и будет транслироваться сразу после футбола. Ну а теперь скажу на ушко: Ливи туда возьмут! Разве не замечательные новости? Мы же оба знаем, что у нее талант.

— Джош...

— Джошуа, по моим данным, только что закончил эксперименты по физике в лаборатории Гарварда. Умный мальчик. Весь в отца. Мне вот что интересно, Грег. Как ты мог не узнать мой голос? Обычно голос не так уж легко забыть. Зато, вспомнив голос, ты тут же восстановишь в памяти и

лицо. И, естественно, обстоятельства нашего с тобой знакомства.

— Ладно, приятель. Так чего ты добиваешься? Похоже, тебе многое известно о моей семье. Ты что, шпионишь за нами?

— Ох, горе ты мое! Я же не сумасшедший. И не вымогатель. Ну и что, что Ливи иногда нюхает порошок? Меня это мало заботит. Дело только в ее окружении, и вскоре она перерастет желание экспериментировать. К счастью, ее организм не предрасположен к зависимости. Ну и напоследок я дам тебе подсказку, которая действительно заставит тебя задуматься. Я не занимаюсь похищением людей.

— Все, хватит. Я вешаю трубку.

— Вешаешь? Ты можешь разве что нажать кнопку. Вешать трубку можно было в старые добрые времена. За эти двадцать лет технологии изумительно изменились, правда? Мобильные телефоны... Однако с твоей стороны будет очень глупо прервать этот разговор, Грег. При моей профессии перезванивать не принято.

— Профессии?

— Профессии.

— Какой же?

— Я помогаю людям, которые оказались в отчаянном положении. Ничего не брезжит в памяти? Надеюсь, что зацепило. Несколько глубоких вдохов, Грег. Если ты решишь положить телефон и вытереться, я подожду. Но сегодня милый и теплый денек, ты в любом случае не простудишься. Отличнейший денек, только благодаря таким, наш любезный ЛА-ЛА, весь из себя Анджелес, и можно выносить остаток года. Ты помнишь, какой ливень, совсем не по сезону, был в ту ночь, когда я спас тебе жизнь? Ага, вот оно! У тебя перехватило дыхание. Я слышу все так хорошо, словно стою, рядом. *Изумительные технологии.* А ты действительно начал вспоминать. Гроза. Свет моргает в захудалом баре Мо Бэкона, в грязном закутке Робертсона. И кроме парочки в крайней кабинке, которая уже упиалась в хлам, там были только ты, я и официантка.

— Кимми?

— *Молодец*, Грег. Надо же, ты помнишь Кимми. Она была в таком же положении, что и ты, вот только у Кимми была подработка. Вам обоим было за тридцать, жизнь и кино порядком вас потрепали. Голливуд, знаешь ли, никогда никого не щадил.

— *Кимми.* О Боже!

— Неужели я слышу нотку сожаления? Она пыталась связаться с тобой вскоре после того, как все заработало. Но у тебя не было на нее времени. Да и она сама никогда для тебя ничего особо не значила, не так

ли, Грег? С ней просто можно было спать из сострадания, потому что вы оба знали, что творят разбившиеся мечты с неудачниками и нуждающимися. Ты бы мог ей помочь по пути вверх. Но я звоню не поэтому.

— Это все чепуха, и я...

— Грег, Грег! Ты прожил двадцать самых счастливых и продуктивных лет, на которые и надеяться не смел! Пришло время проявить благодарность и, естественно, расплатиться согласно договоренности. А затем мы сможем обсудить продление твоего контракта.

— Какого контракта? Я никогда ничего с тобой не подписывал. Я работаю с «САА» уже...

— Я не отрицаю, что частично популярности тебе помогло добиться это агентство. Я же знал, что они могут для тебя сделать, когда передал тебя в руки Мика.

— Теперь ты станешь рассказывать, что знаешь Мика Овитца?

— И многих ему подобных, кого не раз вышвыривало на обочину этого хищного города. Что же до актеров... Как там гласит пословица? «Мало хотеть, нужно в этом нуждаться». Портрет Грегори Уэльса, 33 года. Профессия: безработный актер. Местонахождение: бар Мо в Робертсоне. Положение: за гранью отчаяния. Ох, опять начался ченнелинг Рода Серлинга.^[13] Что ж, сделаем «наезд» камерой на прошлое нашего героя. Грег Уэльс, сидящий в баре. Пропивший все до последнего цента, так что ему не на что даже позвонить агенту, который все равно ничем не сможет ему помочь. И нечем оплатить новую рюмку после той, что поставила ему сердобольная Кимми за счет заведения. И не стоит забывать украденную бутылочку секонала в кармане его поношенного пальто. Снотворного вполне хватало для завершения скучной мелодрамы его жизни. Но подождите-ка! Мы приближаемся к поворотной точке сюжета! К моменту, с которого начнется второй акт жизни Грега Уэльса. И этим моментом он обязан... вашему покорному слуге!

— Да ты просто псих. Ченнелинг Рода Серлинга? Секонал? Ладно, ладно, я понял. Надо мной решили подшутить. Кто тебя нанял? Мириам? Хватит уже, это не смешно...

— Вспомни, что я говорил о завершении разговора, Грег! Глубокий вдох. Еще один. Вот, хорошо. Стоит ли мне описывать второй акт, в котором ты столько достиг?

— Нет. Сейчас я предпочел бы одеться, если ты не...

— Но что-то грызет тебя изнутри, верно? Несмотря на власть, которую ты приобрел, и все открывшиеся возможности. Дик Каветт однажды

спросил Боба Митчума о главной страсти ЛА-ЛА. Что это, секс, наркотики, деньги? Желание бессмертия? Нет, сказал Митчум. *Страх*. Страх потерять все это. Всю упаковку великой звезды. Славу, свет софитов, красные ковровые дорожки, личный вертолет и интрижки на стороне.

— Никто не отнимет у меня то, чего я добился.

— Ты просто учти, прежде чем подводить итоги, что это именно я спас тебя, когда ты слопал двадцать таблеток секонала в вонючем сортире у Мо, и это я запустил тебя на голливудскую орбиту.

— Да не смейся. Позволь уточнить: я никогда не принимал секонал. И о чем бы мы с тобой тогда ни говорили, разговор явно не имел особого значения, потому что я даже не знаю твоего имени. А ты ведь так и не представился? У меня, знаешь ли, есть несколько человек, которые решают вопросы с такими, как ты. И этот разговор...

— Затягивается? Да, да, ты прав. Что ж, тогда назначаем встречу ровно в одиннадцать в том же баре у Мо. В память о старых добрых временах. Я по-прежнему проворачиваю там немало сделок, потому что где ж еще встретишь столько потерянных и отчаявшихся душ? День сегодня чудесный, но, кто знает, не пойдет ли к вечеру дождь? Он бы добавил атмосферы старых фильмов-нуар. Кстати, ты ведь уже избавился от той жуткой «барберри», в которой практически жил? Ха, я просто шучу, наверняка у тебя отличный автопарк.

— Хватит с меня твоих шуточек! Хватит. Я не собираюсь встречаться с тобой ни сегодня, ни когда-либо еще! И если ты снова попытаешься со мной связаться, клянусь...

— Я бы предпочел, чтобы Ливи надела белое. Что-нибудь попроще, не слишком броское. Можно с золотой вставкой. А волосы пусть распустит, чтобы спадали на плечи. Так будет лучше всего. Белый цвет — моя страсть, а поскольку твоя дочь еще девственница...

— *Ливи?*

— Оливия Ракель Уэльс. Шестнадцати лет. Первый ребенок Грега и Мириам Уэльс. Обещанная мне в этот самый день двадцать лет назад в обмен на Грега Уэльса Суперзвезду в полной упаковке, что, признай, дорогого стоит.

— Ты больной, жалкий кусок...

— Не надо, Грег. Нам нужно поговорить...

— Пошел ты, коротышка!

Грег Уэльс захлопнул телефон.

Пару секундой не мог пошевелиться, потом размахнулся и забросил

телефон высоко и далеко, в заросли итальянских кипарисов на склоне. Внизу, за стеной, окружавшей его владения, раскинулся квартал Беверли-Хиллз. Четыре акра земли, принадлежавшей Грегу, окружали самый дорогой особняк на планете. И в определенное время года его дом буквально парил в облаках.

Личный Олимп Грегга Уэльса, дважды лауреата премии «Оскар».

Дважды лауреат замер на краю бассейна, его колотило от злости.

Один из стационарных аппаратов заиграл веселую мелодию. Еще один приватный, засекреченный номер. Грег ссутулился, чтобы защититься от внезапного пронизывающего холода.

Номер звонившего не был зашифрован. Но вместо набора цифр определитель выдал текстовое сообщение, которое Грег неохотно прочитал.

«Глаз думает, что тебе стоит понять, как изменится мир, Грег. Вместо начала третьего акта ты просто исчезнешь. Почему бы тебе не попробовать, как это будет? Когда будешь готов все вернуть и решишься быть честным, просто нажми кнопку на трубке. Жду тебя и Ливи сегодня у Мо».

Все еще испытывая ярость, к которой теперь примешивалось что-то вроде страха, Грег уже собирался было забросить трубку и стационарного телефона вслед за мобильным, но его остановил звук детского смеха и плеск воды в мелкой части огромного бассейна, рядом с искусственным водопадом. Эти дети были намного младше детей Грегга.

Пару секунд назад он был один. И не слышал ничего, кроме шума маленького самолета над долиной и голосов с теннисного корта Дэнзела Вашингтона. Грег ошеломленно уставился на бассейн.

Трое детей. Старшая, рыжеволосая девочка, выглядела лет на двенадцать, но была развита не по годам. Грег никогда раньше не видел ни ее, ни двух мальчишек.

Один из них, в желтых надувных нарукавниках, щурясь, поплыл в сторону Грегга. Солнце било Грегу в спину, освещая под выигрышным углом. Для своих пятидесяти трех он выглядел потрясающе и круглый год следил за загаром. Его лицо было известно во всем мире. Но мальчишка смотрел не на него. На него вообще никто не обращал внимания.

Грег услышал другие, более взрослые голоса. Он резко повернул голову в их направлении, заработав укол боли и услышав громкий хруст пораженной артритом шеи. Наверное, пора заканчивать с боевиками. Хотя они и приносят огромную прибыль.

Компанию ему составляли уже не только дети: полдюжины взрослых собрались рядом с длинноногой красоткой, сидящей в шезлонге. Но они не

отдыхали и не загорали — фотосъемка была в самом разгаре. Идеальный, четкий свет без теней. Сосредоточенность и слаженность, как при вскрытии древнего захоронения. Грег знал фотографа: маленького, неуклюжего, похожего на Пустынную крысу. Он недавно снимал самого Грега в Марокко для разворота апрельского номера «Вэнити феир».

Грега захлестнула паника. Перед глазами все поплыло, голова закружилась. Он попытался сосредоточиться на женщине, являвшейся объектом всеобщего внимания. Суда по тому, как передней стелились, это была звезда первого класса. Грег понятия не имел, кто она, в какой сфере работает и что... Еще одно потрясение, на этот раз отсроченное, но от этого не менее сильное. *Какого черта* она делает в его саду? И во что они превратили его сад? Вместо тропических цветов и растений Грег увидел строгие живые изгороди, фигурно подстриженные кусты в форме животных, словно в его саду побывала команда специалистов по... Подстрижке кустарника? Он *ненавидел*...

И тут все мысли вылетели у Грега из головы. Исчезли слова, сознание стало пустым, как во время приступа сценической лихорадки: полной и окончательной немоты.

Солнце заливало Грега лучами, словно софит. Он беспомощно заморгал. Что это за сцена? Внимание. Камера. И... мотор. Все они ждали его. Он чувствовал давление их ожидания.

Словно повинуюсь настойчивому зову, Грег обошел бассейн и приблизился к саду, вход в который теперь обрамляли статуи. Все вокруг чертовски правдоподобно его игнорировали. Дети играли в бассейне. Ледяное самообладание Грега начало таять. Зато он справился с необъяснимым страхом. Ладно. Грег неприятно, с понимающим видом улыбнулся. Это всего лишь продолжение дурацкого розыгрыша и, видимо, при полной поддержке Мириам.

Мир...?

А кто это? Что он только что подумал? Пустота вернулась. Исчезли все слова, слова, слова. Грег почувствовал, что растворяется под летним солнцем, становится эфемерным, исчезает. Утихла боль от артрита. Это было здорово... но сопровождалось диким ужасом, потому что, когда Грег посмотрел на себя, он ничего не увидел. Пальцы, руки, ноги... его легендарный «меч»... У него больше не было тела. И все же, и все же — у него явно повысилось давление от смешанных эмоций: страха, горя злости.

Рыжеволосая женщина готовилась к съемке (Грег отметил явное фамильное сходство с девочкой в бассейне), улыбалась гримерам, которые припудривали заблестевшее местечко на скуле. У нее были отличные

скулы. И неплохие актерские способности. Она тоже была при деле, репетировала Правильное Выражение Лица, рассчитывала ракурс. Ее амплуа явно были зрелые романтические красотки. Он должен был ее знать. Как же ее зовут? В жизни Грега было множество красивых женщин, он мог работать с ней или спать, или и то и другое, но... но...

Женщина с темными глазами слегка повернулась по просьбе фотографа. Посмотрела поверх головы помощника, который скорчился с экспонометром напротив Грега, застыв между двумя разбитыми мраморными статуями. У женщины был пустой, отрешенный взгляд мраморной богини.

У Грега не было тела, точнее, он его не чувствовал, но оставались глаза, и из них катились слезы.

Слезы, о которых эта женщина не знала. Если бы она его видела, Грег понял бы это по мгновенной реакции. Но он для нее не существовал — не только в саду, с ужасом осознал он. Их не было друг для друга уже двадцать лет. А ведь ему так легко было вернуть ей надежду. Простая дань воспоминаниям, благодарность, ответ на ее звонок.

«Он знает, кто я. Мы раньше...»

Кимми.

Грег прошептал ее имя, но сам себя не услышал. Он больше ничего не слышал. Ни голосов, ни ветра в кронах высоких кипарисов. Ни плеска в бассейне, где играли дети.

Но если это Кимми, значит, она заняла его место раскрученной звезды, и значит, именно Кимми тогда заключила сделку с жутковатым карликом. А что же случилось с Грегом Уэльсом?

Чертов секонал!

Фотограф был готов. Кимми вскинула подбородок, улыбнулась, и фотокоманда почтительно покинула газон своего идола.

Грег тоже улыбнулся. И дико пожалел ее.

В тот самый миг все снова изменилось. Фотоснимок сада поблек, словно кадр из плохо сохранившегося фильма тридцатых годов. Медленно вернулось ощущение плоти и крови — вернулось после жуткого пребывания в ничто и нигде, мертвым, на холодном грязном полу в сортире бара. Для него это стало вечностью.

— Кимми, ты прекрасно выглядишь. И мне очень жаль.

Грег взял телефонную трубку. Она была цельной, плотной.

Мощной. Волшебной.

На маленьком экране возник глаз. И подмигнул Грегу. Не то чтобы насмешливо, но Грега передернуло.

«Желаете провести еще десяток лет на первом плане, мистер Уэльс? Заплатите мою цену».

— Конечно. Ты получишь то, что я должен. То, что я обещал со своей стороны.

Грег, как и было сказано, нажал кнопку, и тут же Кимми исчезла, возвратив ему жизнь, с потерей которой он смириться не мог.

Лестер сопровождал Ливи на повторные пробы для шоу Брукхаймера и он же привез ее назад. На семью Уэльсов Лестер работал уже почти десять лет. До этого он был боксером, и иногда от титула чемпиона его отделял лишь один удар, но добиться победы ему так и не удалось. Сейчас ему было около пятидесяти, и он слегка покачивался при ходьбе.

— Я сегодня выхожу в город, — сказал ему Грег. — Не хочу, чтобы за мной увязались папарацци. Можешь взять у брата «хаммер»?

— Без проблем, мистер Уэльс.

— Еще я хочу, чтобы ты встретил меня в месте под названием «Мо» в Южном Робертсоне. Приезжай на своей машине. Припаркуйся в квартале оттуда, но не входи. Будь там к одиннадцати.

Лестер кивнул. Он привык к уловкам суперзвезд и знал, что Грегу порой нужно несколько часов полной секретности и одиночества. На этот раз инстинкты подсказывали ему, что это не интрижка, а проблемы, но вопросов Лестер не задавал.

Ливи сидела за компьютером и делала домашнее задание. Грег увидел, что она в наушниках. Ливи вслух повторяла французские слова. Она отстраненно улыбнулась ему и помахала ладонью: *«Дай мне пять минут».*

Пришлось выйти на балкон. Грег стал рассматривать долину в вечерних сумерках. Луна уже взошла, почти полная и ярко-желтая. *Отлично*, подумал он и вдруг вздрогнул, хотя воздух все еще был довольно теплым. Огни Голливуда расстилались внизу покрывалом живых угольков.

— Что, пап? — спросила Ливи, обнимая его за талию и быстро чмокая в щеку. — Контракт со Скорсезе не сорвался?

— Нет, и я не позволю этому случиться. Работать у Марти — все равно что преломлять хлеб с Иисусом.

— Но ты выглядишь взволнованным.

— Проголодался.

— Я тоже ничего не ела. Перенервничала перед прослушиванием.

— Мамы сегодня не будет, Джош предупредил, что заночует у Колин, так что мы с тобой остались вдвоем. Как насчет того, чтобы сходить в

ресторан?

— Отлично! А куда бы ты хотел пойти, к Иви?

— Мне больше по душе китайский ресторан в Студио-сити. Я не был там уже год.

— Китайский. Мmmm... *да!*

— Как прошло прослушивание?

— На этот раз там было только тридцать человек.

— В основном продюсеры и съемочная группа. Главное — не терять лицо и...

— Знаю, игнорировать остальных. Я справилась. Даже, кажется, *отлично* справилась.

— Я могу позвонить Джерри и спросить, как все прошло.

Ливи схватила его за локоть.

— Нет, не смей! Я потому и взяла девичью фамилию матери, *Ливи Леффорд*. Я сделаю карьеру, потому что я ее достойна, как Брюс Говард... Пап?

— Что?

— У тебя снова этот взгляд. Что-то не так, я же *знаю* тебя.

Грег покачал головой и выдал успокаивающую улыбку.

На личной парковке, куда Лестер поставил «хаммер», который не помешало бы загнать на мойку, Грег предложил ключи Ливи. Она шарахнулась в сторону, словно он протянул ей скальп поверженного врага.

— Папа, мы поедем на *этом*,?

— А почему нет? Ты когда-нибудь водила такой автомобиль?

— Нет, и никогда не буду. — Ливи поморщилась. — Глобальное потепление, папа! А это... Это просто экологический Франкенштейн!

Грег рассмеялся, глядя на луну. Нет, не монстр, сделанный студией «Юниверсал», пришел ему на ум при этих словах. Нечто более достоверное. И куда более страшное.

Он подумал о том, как провести следующие несколько часов и при этом не сойти с ума.

Маленький человечек с лицом румяным и круглым, как повисшая за окнами луна, о чем-то разглагольствовал, когда Грег появился у Мо в две минуты двенадцатого. Коротышка развлекал кучку пропитых завсегдатаев, и без того высокий голос его пустил «петуха», когда Грег открыл дверь. Впрочем, других признаков узнавания он не подал, только уголки маленького рта поджались.

Грег выбрал кабинку и помахал коротышке рукой. Долго ждать ему не

пришлось, тот тут же нарисовался рядом.

— Где она? Где Оливия?

— Мы с ней поужинали в небольшом ресторанчике на бульваре Вентура. А потом... я нанял лимузин и отправил ее домой.

Маленький человечек протиснулся в кабинку, сел напротив Грега и зашипел, как сердитый кот, в свою курчавую бороду. Его глаза заблестели. Грег спокойно, не моргая, следил за небольшим жировиком между синими глазами карлика. Актерский трюк. Грег знал толк в одежде, ему было известно, как сложно найти хорошего портного. Одежда коротышки, несмотря на его необычную фигуру, была подогнана идеально. На двубортном пиджаке были золотые пуговицы, явно сделанные на заказ, вручную, с рельефными драконами, сорочка из тончайшего полотна словно дышала вместе с хозяином, который сжимал и разжимал кулаки на изрезанной старой столешнице.

— Ты так и не назвался. А я бы хотел знать, кто ты.

— Нам больше *не о чем* разговаривать. Я не потерплю подобного отношения! Даже у актеров вроде тебя должны сохраниться остатки порядочности! Что ж, твоей наградой будет полное забвение. Сортир у Мо слишком хорош для тебя.

Карлик поднял левую руку, и древнее кольцо с ярким камнем вдруг засияло розовым. В центре камня открылся злобный темный глаз. Грег с трудом сохранял спокойствие.

— Подожди минутку, коротышка...

Его заливал свет странного глаза, и Грег едва сдерживался, чтобы не прикрыть лицо рукой. Но спустя несколько секунд свет погас, и глаз разочарованно закрылся.

Человечек потряс рукой и взвизгнул, как от укуса ядовитой змеи.

— Я догадывался, что оно кусается, — дружелюбно фыркнул Грег.

Карлик вытаращился сначала на кольцо, затем на Грега.

— Но... Тебя просто не может здесь быть!

— Ну почему же? Я сделал все, как ты меня просил. Я *привел* своего первенца. Она может войти в любую секунду.

— Что?

Карлик уставился на дверь бара, украшенную рождественскими гирляндами. Дверь оставалась закрытой. Коротышка снова злобно сжал пухлые губы в тонкую линию. Его трясло, как в лихорадке.

— Кольцо уже знает, верно? — Грег вынул конверт из кармана плаща и бросил его на стол перед человечком.

— Что это?

— Свидетельство о рождении моего первого ребенка. Дженнифер Эллен Гармон, двадцати пяти лет. Рождена в Раттлене, штат Юта. Фамилия ей досталась от матери, но в свидетельстве я записан как отец.

— Глупости! Ложь! Неуклюжая попытка... — Человечек приподнялся на сиденье и тут же снова затряс рукой с кольцом. — Ай! Ну ладно.

Он недовольно сел обратно, совершенно сбитый с толку. На лбу выступила испарина.

— Но у тебя только двое детей! Я бы знал. Я никогда не ошибаюсь. Я знаю все обо всех моих...

— Клиентах? Жертвах? — Грег достал еще один поблекший конверт. — Тест на ДНК Мой. И Дженни. Медицинское заключение.

Человечек ерзал и пыхтел.

— Все это можно подделать.

— Да. Но для этого нужно время. А эти тесты на определение отцовства сделаны четыре года назад. Дженнифер моя дочь. Тебе достаточно ее увидеть, чтобы в этом убедиться. Она мой первый ребенок, коротышка.

— Хватит меня так называть! Я... *Шаламаназар!*

— Ни за что бы не догадался. Ладно, Шал. Я знаю, что ты всерьез положил глаз на Ливи. Но сделка есть сделка, так ведь?

Шаламаназар принялся мрачно промокать лицо огромным платком.

— Дженни нельзя назвать... хм... «жалкой заменой». Думаю, ты согласишься, как только... О, а вот и она.

Дженнифер Гармон вошла в бар и тут же привлекла внимание всех, кто еще не напился до обморока и не свалился под стол.

Фамильное сходство, как и предупреждал Грег, было поразительным. Но стройное изящное тело, темные непокорные волосы, огромные влажные мечтательные глаза были квинтэссенцией женственности.

Она оглянулась в полутьме бара, приветствовала отца ленивым взмахом руки и тут же просияла, заметив пару автоматов для пинбола.

— Я тут заканчиваю с делами, милая! — крикнул ей Грег. — Поиграй пока, если хочешь.

Дженнифер снова взмахнула рукой, «спасибо, папа», и зашагала к мигающим автоматам, присматриваясь и выбирая, какой ей больше по вкусу.

Шаламаназар длинно, с присвистом, выдохнул. Его лицо медленно заливал румянец, а физиономия сложилась в такую гримасу, что Грег едва сдержался, чтобы не ударить его.

— Дженнифер? Она понимает?..

— Что сегодня отправится с тобой? Да.

— Тогда ладно.

Коротышка покосился на него, но ненадолго. Он все никак не мог отвести глаз от неожиданной награды и все сильнее краснел, заметно подергиваясь от нетерпения.

Грег посмотрел на часы.

— Но не торопи ее. Она обожает пинбол. Пусть немного развлечется.

Шаламаназара это предложение не впечатлило. Он мрачно накрыл рукой древнее кольцо, словно заглушая тихий глубинный рокот камня.

— Я думаю, несколько минут не имеют большого значения.

— Вам далеко идти? — как бы между делом спросил Грег.

— На такси будет быстро...

Шал подозрительно уставился на Грега, когда тот встал. Грег положил на столик связку ключей.

— Небольшой подарок. Возле прачечной, на другой стороне улицы, стоит черный «хаммер».

— Правда? Это... неожиданная щедрость с твоей стороны. Должен признать, я поторопился с выводами, оценивая твой характер.

— Значит, я возобновил абонемент на десять лет высококлассного обслуживания? А затем...

— А затем можешь взять длительный отпуск в компании жены, детей, внуков и третьего «Оскара». Или, если захочешь, займись благотворительностью. Успех гарантирован.

— Вау.

— Да будет по слову моему. Доброй ночи.

— Доброй ночи и тебе, Шал. Кстати, не окажешь мне небольшую услугу? Дженни выглядит опытной, но на самом деле она так и осталась... э... стеснительным ребенком.

— Я понял. Можешь не продолжать.

Взгляд Шаламаназара тут же потеплел, прикипев к Дженни, которая азартно раскачивала автомат, доводя количество очков до невероятных цифр. Автомат был довольно тяжелым, видимо, в хрупкой фигурке таилось больше силы и выносливости, чем можно было заподозрить.

Направляясь к выходу, Грег поцеловал Дженни в затылок. Она отстраненно улыбнулась, полностью поглощенная игрой.

Лестер сидел в «шеви Колорадо», припаркованном двумя кварталами южнее бара. Грег устроился на пассажирском сиденье.

— С мисс Дженни все хорошо?

— Да.

— И что теперь?

— Довольно скоро увидим.

Прошло пять минут.

— Как-то не радуется перспектива на это смотреть, — мрачно выдохнул Лестер, барабанил разбитыми пальцами по рулю.

Шаламаназар вышел из «Мо» следом за Дженнифер Гармон, которая была выше его почти на метр. Заметив «хаммер», коротышка стал торопливо подталкивать ее через улицу. Машин больше не было, время приближалось к полуночи.

— Это тот самый парень? — спросил Лестер. — Похож на Санта Клауса.

— Дженнифер всегда хотела встретить Санту.

Лестер прокашлялся и покосился на него.

— Почему вы просто не позволили мне разобраться с ним?

— Потому что имеется некий протокол и ему надо следовать. К тому же у него есть кольцо, с которым я не рискну связываться.

Лестер с сомнением взглянул на Грегга, когда Шаламаназар помог Дженнифер взобраться в огромную машину. «Хаммер» выглядел так, словно его создатели люто ненавидели всех остальных участников дорожного движения. Коротышка обошел авто и вскарабкался на водительское сиденье.

— Думаю, он ограничен во времени, — сказал Грег. — Он стартовал. Следи за ним, только не выдавай нас.

— Могли бы и не уточнять.

Шаламаназар жил в Ранчо-парк, к югу от Пико и недалеко от киностудии «Фокс». Улочка была маленькой и ухоженной, с домами в один и два этажа. Шалу принадлежал коричневый коттедж с плоской крышей, обнесенный полутораметровым бетонным забором с фигурной кованой решеткой. Узкий подъезд к дому закрывался автоматическими воротами. «Хаммер» застрял бы в крытом подъезде, как пуля в барабане, поэтому Шал оставил машину на единственном свободном пятнышке в метре от дорожки. И провел Дженни в дом. Насколько мог видеть Грег, Дженни шла с карликом по своей воле. Вот только ее голова была опущена. У Грегга от волнения застыли ладони. Он сжал кулаки.

— Босс?

— Полнолуние, судя по календарю, наступит через семь с половиной минут.

— О боже. У меня волосы дыбом.

— Нашел кому рассказывать.

Лестер периодически покашливал, и только этот звук нарушал тишину. Прошло десять минут.

— Ладно! Подъезжай к «хаммеру». Отправляемся за Дженни.

— Надеюсь, мы не опоздали.

Ворота были закрыты, но перелезть через стену оказалось просто. Несмотря на поздний час, несколько собачников выгуливали чуть дальше своих питомцев, но на Грегa и Лестера никто не смотрел. Грег решил, что любители подглядывать за соседями его не волнуют. Сейчас его беспокоила только дочь.

Крытый переход привел их к двери в кухню с обратной стороны дома. Стекло двери было закрыто занавесками, и Грегу не удалось заглянуть внутрь. Он сделал шаг назад и кивнул Лестеру.

Лестер выбил дверь.

Над раковиной горела лампочка. И больше ничего, ни малейших признаков сигнализации. Грег сомневался, что волшебник, или колдун, или кем там был этот коротышка, стал бы заморачиваться такими вещами.

Кухонька была маленькой, с застекленными шкафами, в которых в идеальном порядке было разложено все, от ложек до плошек. А еще там было жарко до удушья. Дом вздрогнул от гулкого рокота, раздавшегося снизу. Рядом с кладовой Грег заметил слегка приоткрытую дверь в подвал, в проеме мерцали красные отблески.

— Он что, летом не может обойтись без отопления? — Лестер вынул платок, чтобы вытереть пот со лба. Другой рукой он сжимал пистолет, который носил на поясе.

— Вряд ли это отопление, Лестер. Но спускаться и проверять мы не будем.

— О Боже! — простонал тот. — Мисс Дженни уже нет?

— Не говори так. Пойдем.

Грег вышел из кухни и крикнул:

— Дженни!

Ответа не последовало. Они обыскали дом, на что потребовалось всего несколько минут. Нашли чучела черных кошек, которые скалились и выгибали спины, и в большой спальне — огромное овальное зеркало, искажающее отражение и светящееся мутным светом. Грегa оно напугало до чертиков.

Задыхаясь от жары, они встретились в коридоре и беспомощно переглянулись.

Из кухни донесся звон битого стекла.

Грег добежал туда первым. Дверца холодильника была открыта.

Дженни, хмурясь, смотрела на осколки бутылки с апельсиновым соком. Потом покосилась на Грегa и уставилась на свои окровавленные руки.

— Там, внизу, так жарко, — пожаловалась она. — Мне захотелось пить. Но бутылка выскользнула из пальцев. Нужно было сначала помыть руки.

Она начала методично вытирать их о блузку, которая вся была пропитана кровью. Из глаз девушки катились слезы.

— Не волнуйся, милая, — сказал Грег.

— П-прости, п-папочка.

— Все хорошо. Давай я помогу тебе привести себя в порядок.

— Я опять была плохой девочкой, папа. — Она оглянулась на дверь подвала.

Лестер обошел ее и намочил в раковине несколько полотенец.

— Папа?

— Да, солнышко?

— Это был не настоящий Санта Клаус.

— Наверное, он меня обманул, Джен.

Грег взял мокрые полотенца у Лестера и начал вытирать дочери ладони, предплечья, испачканное лицо. За двадцать пять лет он успел привыкнуть к подобным процедурам.

— Я принес тебе сменную одежду. Ты переоденешься, а потом можно будет выпить шоколадный шейк и что-нибудь съесть в «Бургер кинге». Как тебе такая идея?

— Да! — Дженнифер тут же улыбнулась. И вздрогнула, когда розовые клыки царапнули нижнюю губу. Она неуверенно посмотрела на отца. — А потом мне придется вернуться в То Место, да?

— Но тебе же там нравится, Джен. В Том Месте ты чувствуешь себя в безопасности.

Она пожала плечами.

— Да, наверное. Но...

— Что, милая?

— Автомат с пинболом сломался, и никто не пришел его починить.

— Знаешь, что я сделаю? Прямо утром, как только проснусь?

— Ч-что?

— Я пришлю тебе туда *шесть* автоматов, и ты сможешь играть так долго и так часто, как сама того пожелаешь.

Он стер брызги крови Шаламаназара с ее лба. Линия волос уже поднималась, открывая все больше чистой розовой кожи. Еще минут двадцать, и Дженнифер снова станет собой. Молодой и чертовски привлекательной.

Лестер неторопливо притворил дверь в подвал и прижался к ней спиной, скрестив руки на груди. Дом продолжал дрожать, как при землетрясении. Дженнифер не смотрела ни на Лестера, ни на дверь. Скорее всего, у нее, как обычно, не останется никаких воспоминаний о сегодняшней ночи, разве что головная боль и сломанные ногти напомнят о случившемся. Да и то без подробностей.

Это было благословением, сопровождавшим ее проклятие.

Шерсть уже исчезла, и Джен обняла Грегa за шею, чтобы игриво поцеловать его в щеку.

— Ты самый лучший на свете папа!

— У меня бывают моменты просветления, — сказал Грег. — А теперь переоденься и почисти зубы, чтобы изо рта исчез этот противный привкус.

Он обнял ее за плечи, выводя из кухни, и посмотрел на Лестера. Тот вздохнул и открыл кладовую, привычно ища швабру и тряпку.

ГАРРИ ШЕННОН

Хозяин теней

Каждый человек — хозяин теней, которые похожи на него и с равным правом в любой момент могут потребовать свое место в личности.

Серен Кьеркегор

— Может быть немножко больно.

Если доктор Ньюманн и знал, что эта фраза — типичный штамп, то умело не подавал виду.

Хирург походил на гнома — низенький, квадратный, с неровными желтыми зубами, напоминавшими клавиши разбитого пианино. Пациент на столе был испуган и растерян, он не помнил ничего, кроме своего имени. Ньюманн отвернулся от стола, держа перед собой руки в белых перчатках. Однако беспомощный человек на столе почувствовал приближение зонда с пугающе длинной иглой, и кто-то из персонала выругался.

— Подождите. — Куинн с отвращением отметил, что его голос дрожит. — Не надо пока. Что вы собираетесь со мной делать?

Ньюманн сжал губы в тонкую линию и склонил голову набок.

— Мистер Куинн, мы ведь уже много раз говорили об этом.

— Я не помню.

— Это мы знаем.

— Вам удобно?

Высокая голосистая медсестра, которую Куинн при обычных обстоятельствах считал бы привлекательной и стройной, в данный момент стояла в углу, наполовину скрытая тенью, и больше всего напоминала хищного богомола. У нее был мелодичный, хорошо поставленный голос. Она поинтересовалась, не нужны ли Куинну лекарства. Ему нравился теплый поток успокоительного, это было лучше, чем чувствовать себя бокалом мартини с трубочкой в голове. Куинн знал, что облажается, что еще одна доза повлечет за собой полную отключку. И что тогда будет?

Куинн понял, что слишком медлит с ответом.

— Нет, мне удобно. Я хочу оставаться в сознании.

— Помните, мы можем сделать это и так, и так, — твердо сказал

доктор Ньюманн. — Нам нужно разобраться с вашим расстройством раз и навсегда. — Он поправил очки с толстыми стеклами, отложил иглу в сторону на блестящий серебристый поднос. — Если вы будете в сознании, наше исследование будет более результативным, но необходимости в этом нет. Наркоз не повлияет на эффективность процедуры.

— Вы уверены? — *Убеди его, что ты здоров.*

— Что, простите?

— Вы уверены в том, что это необходимо, и в том, что у меня галлюцинации?

Медсестра Элизабет выскользнула, как паук, из темного угла, и погладила пациента по руке над иглой капельницы.

— Не нервничайте, сэр.

Доктор Ньюманн продолжил:

— Благодаря галоперидолу вы стали намного спокойнее, верно? Мистер Куинн, вам прописаны мощные нейролептики. У вас серьезное расстройство психики. И вы должны позволить нам помочь вам, прежде чем станет слишком поздно.

— А что, если я не сумасшедший? — *Ты здоров. Не позволяй им этого делать.*

— Что?

— Что, если вам нужен не я? Вы же могли ошибиться. Вы читали историю моей болезни, не так ли? Боже, вы ведь не станете оперировать не того, кого надо? Я слышал о таком: однажды человеку ампутировали совершенно здоровую ногу.

— Позвольте привести пример. — Добрый доктор наклонился к нему, и Куинн смог увидеть свое отражение в стеклах больших овальных очков. — Вы говорите нам, что видели какой-то вид неизвестных науке паразитов. И уверяете, что эти паразиты провоцируют агрессивное поведение людей.

— Да. Нет. Я не помню.

— Что ж, мой дорогой мистер Куинн, могу вас уверить в одном: сказанное вами не было бредом, такое и правда бывает.

Поток адреналина превратил время в тягучий холодный сироп. Тот, кто считал себя Куинном, прищурил глаз и приподнял бровь. Перед его мысленным взором возникли видения. Во рту пересохло.

— Паразиты, которые провоцируют насилие?

— Астроцитوما, редкая, но крайне опасная опухоль мозга, возникающая в лобных долях, мистер Куинн. Как я уже говорил, она может стать причиной эмоционального возбуждения, головокружений, привести к

визуальным и слуховым галлюцинациям. Я считаю, что у вас именно такая опухоль. Тот же рак можно вполне рассматривать как описанного вами паразита. Теперь нам нужно всего лишь удалить вашу астроцитому с минимальным ущербом для мозга.

— Это не превратит меня в растение?

Ответа не последовало. Дышать стало труднее. Куинн сухо, сонно сглотнул.

— Поверить не могу, что дошло до такого. Кто-то совершенно незнакомый собирается проделать дыру в моем черепе и копать в моем же мозгу каким-то дерьмом, похожим на электрическую зубную щетку и камертон. И говорит, что это будет больно. Боже, за что мне это?

— Тише, тише. — Медсестра влажной тряпочкой вытерла испарину с его лба.

Доктор Ньюманн профессионально скупыми движениями запускать многочисленные приборы. Он дважды попытался включить монитор, нажимая кнопку обтянутым перчаткой пальцем, затем ударил кулаком по коробке, и монитор заработал. Размытое изображение доказывало, что как минимум, один из приборов оснащен миниатюрной камерой. Ньюманн не поворачивался к пациенту, что-то проверяя на столе.

RRRRrrrrRRR. Куинн услышал мерзкий тенор хирургической электропилы и задержался, всхлипывая.

— Мне кажется... Меня стошнит.

— Тише, тише.

Сестра Элизабет снова вытерла его лоб. *Так ее зовут. Элизабет*. Куинн подумал: *«Эта сука похожа на диснеевского робота»*.

Страх внезапно стал осязаемым, сильнее действия лекарств, и Куинну снова захотелось получить отсрочку. Нужно говорить. *Тянуть время*.

— Вы читали мое дело, док? Я имею в виду, историю болезни?

Хирург, все еще не оборачиваясь, ссутулился, и пила завизжала снова — *RRRRrrrrRRR*, — на этот раз более агрессивно.

— Мы все читали.

— Что читали? — Куинн потерял нить беседы.

Хирург и сестра обменялись понимающими взглядами.

— Читали ваше дело.

— Подождите! — Куинна несло. К тому же он действительно вспомнил. — У меня начались головные боли, да? В центре головы, там, где вроде бы находится третий глаз. Ха. Поначалу анализы ничего не показывали. Меня опутывали проводами и кололи иглками, провели все анализы, которые только могли придумать. Это само по себе уже вредно. Я

имею в виду, они же лезли мне в голову.

— Тише, тише. — Женские пальцы коснулись его виска.

— Хватит это повторять! — Куинн знал, что его голос стал выше на пару октав, но это был крик души, который невозможно было остановить, как и лихорадочный лепет. — Все началось внезапно. Я говорил с одним из специалистов, с крупным седым мужчиной по имени Эдисон. Он посмотрел в окно, и тут я заметил, как что-то выползает из его правого уха. Это было похоже на земляного червяка, черного и блестящего, только с усиками. Оно секунду потрепыхалось и заползло обратно.

— Вот так, — довольно заключил доктор Ньюманн, укладывая пилу на серебристый поднос. Рядом с пугающе длинной иглой. — Но это, конечно же, нелогично и абсурдно. Верно?

— Возможно, но...

— Вам нельзя волноваться, — мягко сказал хирург. — Постарайтесь сохранять спокойствие. Так ваш мозг легче перенесет вмешательство.

— Док, вам не нужно этого делать. Я могу поправиться и без операции.

И снова в голосе Куинна слышались отчаяние и дрожь. И снова ему стало стыдно. Потому что он ни в чем не был уверен, даже в том, что он не сумасшедший. *«Но если я понимаю, что мог сойти с ума, значит, я не сошел с ума. Я где-то читал об этом».*

— Тише, тише.

Куинн застонал.

— Сестра, пожалуйста, просто дайте мне воды.

— Нельзя, — мягко, как обычно, прошептала она. — Вы можете поперхнуться и захлебнуться собственной рвотой. Потерпите, это ненадолго.

— Подождите. Подождите. — Он *должен был* закончить рассказ. — Я действительно помню. Тогда я никому ничего не сказал, чтобы меня не посчитали сумасшедшим. Но в те же выходные я смотрел трансляцию баскетбольного матча и переключил канал на местные новости в перерыве, и...

Доктор Ньюманн взял шприц с иглой и нажал на поршень. Из иглы вырвалась струйка прозрачной жидкости. Стекла очков теперь отражали кого-то или что-то, стоящее за головой Куинна, в темноте у стены, рядом с операционной сестрой. Миг спустя это нечто исчезло. *Что это было?*

— В общем, в новостях сказали, что на четвертое июля этот доктор Эдисон совершенно слетел с катушек.

Сестра проявила интерес.

— Правда?

Куинн сделал паузу, чтобы отдышаться, стараясь не смотреть на жуткую иглу и мечтая остановить время.

— Он отравил всю свою семью. Подмешал что-то в пунш на вечеринке, что-то с кураре, «обездвиживающее», как сказали в новостях. То, что часто используют во время операций, кажется. А потом он кромсал их скальпелем, парализованных, но не потерявших чувствительности.

— Как мерзко. Но ведь его поймали? — спросил доктор Ньюманн так спокойно, словно уже знал ответ либо не придавал ему значения.

Длинная игла все подбиралась к дрожащему Куинну, к его незащитной вене.

— Нет, он каким-то образом сбежал. — *Нет, не надо!*

— Трагично.

Чей это голос, мужчины или женщины? Куинн не был уверен, что ему не послышалось. Возможно, голос прозвучал в его голове.

— Изумительно.

А это кто сказал? Почему в операционной посторонние?

— Итак, итак. — Ньюманн надел повязку и нагнулся к Куинну со шприцом. — Давайте начнем.

— Подождите! — Куинн понял еще кое-что, и это его испугало. — Разве вы только что не трогали пальцами грязный монитор?

Доктор пожал плечами. Снова осмотрел иглу, проверил, не осталось ли пузырьков. И, довольный, нагнулся еще ниже, накрывая Куинна бархатной тенью. Отыскав вену, он наконец ответил:

— Монитор у нас иногда барахлит.

— Но это значит, что ваши перчатки больше не стерильны, так ведь?

— Не волнуйтесь, — прошептал доктор с мягким австралийским акцентом.

Сестра положила руку на голое плечо Куинна. Рядом раздался низкий мужской стон, словно садист зашелся в сексуальном экстазе.

— Слушайте, ну подождите, вы же собрались лезть этими руками ко мне в мозг! Стойте. А это что такое? Что это за лекарство вы собрались мне колоть?

Игла вошла в вену, и все тело Куинна словно скользнуло в глубокую теплую трясины. Он забыл, о чем беспокоился всего секунду назад, хотя и помнил, что сильно нервничал. Даже когда включилась пила, Куинн оставался таким же спокойным и отстраненным. Еще несколько уколов, и он перестал чувствовать свой лоб.

PPPrrrrPPPrrrr. Его аккуратно скальпировали. Куинн ощущал только

слабое натяжение. А затем с тихим «чпок» крышку его черепа сняли... Куинн хрюкнул, лениво взглянул на монитор и заметил пульсирующие красные и синие ткани. И кончик длинного алюминиевого зонда.

— А сейчас мне нужно, чтобы вы четко описали происходящее, — сказал добрый доктор. — Когда я коснусь вот этого...

...жажда измучила его до полного отчаяния. Жар солнца раскалил камни, и они рассыпались тысячами осколков сияющего зеркала. Под низкорослыми тамариндами еще осталось немного тени. Куинн пополз туда, облизывая сухие губы, надеясь найти источник. Солнце уже второй час стояло в зените. Ему нужно отдохнуть. Было слишком жарко, чтобы двигаться дальше. Куинн добрался до тени. Сапоги из козьей кожи не оставляли следов на плоских камнях. Он заполз под ветви деревьев, прикрылся сухой травой и закрыл глаза. Хотелось отдохнуть, но в ушах до сих пор стояли жалобные обреченные вопли погонщика мулов, которого апачи привязали к колесу телеги и медленно поджаривали. Куинн не понимал, зачем им это. Одно дело убийство, иногда без него не обойтись, но получать удовольствие от человеческих мучений...

В русле сухого ручья зашуршала галька. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Куинн схватился за карабин. Ему едва хватило сил переломить ствол и зарядить его. С другой стороны холма все кричал и кричал парнишка-мексиканец. Дрожащими руками Куинн поднес дуло ко рту. Проглотил сухой ком в горле и решил, что живым в руки дикарей не дастся. Он ждал. Слушал...

— Мистер Куинн? — Доктор Ньюманн казался раздраженным. — Для эффективности этого подхода вы не должны отвлекаться от процесса. Что вы увидели, когда я дотронулся до того места?

— Яркий свет, — простонал Куинн и поперхнулся. — Я был не здесь. — Он очень хотел пить. — Там было жарко, как в пустыне. Я слышал свои шаги по земле и чьи-то крики вдали.

— Ах! — Врач явно был доволен. — Значит, мы получили свет и звук. И точно знаем, кто кричал, так ведь?

Инструмент коснулся другого участка мозга. Изображение на экране вздрогнуло.

— А что происходит сейчас?

...Старик смотрит на свои руки, покрытые морщинами и пигментными пятнами, на потрепанную клюку под ладонью. Его коричневые тапки шаркают по плетеному ковру в пересечении света и тени. С каждым шагом он тяжело охает. Какая-то смутная, но все еще яростная его часть помнит, каково это — быть молодым. Он ненавидит

развалину, в которую превратилось его тело. И хочет дойти до окна, выглянуть из окна, чтобы избавиться от ловушки, которой стала его кровать. От испражнений в постель. От комнаты, где собраны такие же старики, беспомощные, как дети. Он хочет выпить свежей воды. Там, снаружи, свет, и пение птиц, и такие яркие цвета, и свежий ветер...

— Ветер. — Куинн удивился тому, как громко звучит его голос.

И подумал: «Где я был только что? Неужели во сне?»

Глаза доктора Ньюманна искрились над белой маской, трепещущей от быстрого неглубокого дыхания. Он был возбужден, но явно озадачен.

— Вы слышали ветер? Странно.

Куинн смотрел на монитор, пытаясь понять, что видит, и уже хотел возразить, когда зонд начал опускаться для новой пробы — боли снова не было, на этот раз лишь водоворот цвета и звука...

...солнечный, но не жаркий день — он смотрит на полосу газонной травы и слышит жужжание и шипение поливалки. Куинн роняет лопату и смаргивает пот. Он с удовольствием наблюдает за тем, как девушка с бронзовой от загара кожей, длинными каштановыми волосами и миндалевидными глазами танцует под прохладным дождем. На ней мужская белая футболка, мокрая ткань липнет к телу, очерчивая напряженные соски и темный треугольник волос внизу. Она широко улыбается ему, подмигивает и машет рукой. Он смотрит вниз, на свои огрубевшие руки: они снова сильны и увиты молодыми мускулами. Девушка пошла к нему, покачивая бедрами, он потянулся к ней, но мир потемнел и пальцы коснулись пустоты, такой горькой пустоты...

— Нет, только не это, только не пустота! — Куинн кричал. Внезапная потеря казалась невыносимой. «Я действительно был там, это немое воображение». — Пожалуйста, нет! — «Верните меня обратно».

Он готов был умолять, но только всхлипнул и закашлялся.

— Я очень хочу пить.

Сестра поцокала языком и вытерла его лоб. Наверное, она думала, что это утешит Куинна. То, что произошло, казалось сбоем программы. Время замкнулось в кольцо. Мир трещал, как смятая фольга. Доктор Ньюманн поправил маску. Почесал щеку и покачал головой.

— Что вы ощутили, мистер Куинн?

— Прошу вас, не возвращайте меня, — ахнул Куинн. «Пожалуйста, не возвращайте меня! Я не хочу в эту комнату. Оставьте меня с ней!»

— В... пустоту?

— Нет. — Куинн не знал, как им объяснить. Он заплакал. — Пустота.

Ньюманн захихикал.

— Понятно. Что ж, в месте, которое вы называете пустотой, вам наверняка очень, очень плохо. — Он закатил глаза, словно играя роль перед невидимой аудиторией. — Мы подбираемся все ближе, да?

Врач записал что-то в блокнот.

Ближе к чему? Кто еще здесь?

— Кто вы такие? — закричал Куинн. — Что вы со мной делаете?

Внезапно на него накатила ужас, потому что ответ вдруг стал кристально ясен, и Куинн испугался, что его сердце не выдержит. Он начал бороться за свой разум, за свою жизнь. Забился и задергался.

Медики пытались успокоить его, но Куинн все сильнее дергался в потрепанных ремнях. Свежий поток ледяного адреналина помог сохранить сознание. Теперь тот, кого называли Куинном, знал, что он вовсе не болен, что ему здесь не место, а вся эта операция подстроена. Его накачали наркотиками и пытали. Боль прояснила сознание.

Он знал секреты, которые должен был сохранить.

Картина мира изменилась, и Куинн смог воспринять ее целиком. Сначала смесь вони: хлорка и моча, настоящий запах этого помещения. Операционная вовсе не была стерильной; ее обустроили в пыльном подвале гаража или сарая, все оборудование облупилось и было покрыто ржавчиной. На бетонном полу были потеки того, что могло быть только засохшей кровью. Он сам не раз истекал кровью на этом полу.

— Хватит прелюдий, — сказал Ньюманну кто-то, кого Куинн не мог видеть. — Пусть наш маленький предатель заговорит.

Куинн сжался. Вот еще один фрагмент этого пазла. Ему был знаком этот голос, хотя сразу определить, кому он принадлежит, Куинн не мог. Невероятным усилием воли он сосредоточился и наконец увидел высокого мужчину в форме с погонами тайной полиции. Полковник.

«Боже, мое прикрытие не сработало, я в плену. Но блок в мозгу сработал, и им пришлось ломать меня вот так».

Доктор Ньюманн поспешил к нему. *Это реальность?* Врач, похоже, всерьез боялся скрытых в полумраке офицеров, видимо, представлял, что они сделают с ним в случае неудачи. Возможно, ему приказали пойти в обход внушенных воспоминаний, добраться до места, где человек может хранить секреты, невзирая на любую физическую боль. Если так, то хирург вынужден либо вскрыть человеческий разум на этой каталке и достать из него секреты, либо заменить Куинна в пыточной камере.

Куинн копил слюну и, когда врач нагнулся, плюнул ему в лицо.

— Пошел ты!

Доктор Ньюманн отвернулся и напряг плечи.

— Крепкий орешек. — Он набрал еще анестетика. — Нужно его успокоить.

— Нет. Хватит лекарств. — Снова голос полковника. — Мы хотим, чтобы он мучился.

Кто-то затянул ремень, удерживавший голову Куинна. Боли он не почувствовал, но что-то в черепе хрустнуло, и перед глазами все поплыло. Куинн больше не боялся смерти — его пугал долгий, мучительный путь к ней.

Он услышал чирканье спички, и через несколько секунд до него донесся запах дыма дорогой сигары. Все вокруг стало четким, ясным. Что-то в подходе Ньюманна явно сработало, но не так, как они предполагали. Куинн запаниковал и поднялся со дна глубокого темного колодца на поверхность. Он вспомнил, что на самом деле его зовут Нил Кэссиди, вспомнил имена и адреса других членов своей группы, в том числе и любимой, Мартины. *Нет!*

Он полностью воспринимал окружающее. Понимал, что находится в пыточной камере, и это его пугало. Еще пара минут, и его защита будет взломана. А без блока в сознании он может выложить им все, что они хотят.

Он попытался проглотить язык, но медсестра раздвинула палкой его челюсти.

— Еще раз. — Нетерпеливый голос полковника, прикосновение электрического зонда...

Повсюду замерзшая вода, Кэссиди стоит на вершине кристально белого холма, окруженного соснами, сгибающимися под весом свежего искрящегося снега. Он еще мальчик, он выдыхает клубы пара и смеется от незамутненной радости, потому что пар так похож на дыхание дракона и так красиво рассеивается в чистом утреннем воздухе. Он смотрит вниз, на свои маленькие руки в синих шерстяных варежках. У него санки. Отталкиваясь ногами, он выезжает на склон, делает глубокий вдох и посылает санки вниз. Санки несутся со свистом пушечного ядра, он кричит от радости. И вдруг пугается того, что санки могут влететь в дерево и он сильно ударится, а то и умрет. Радость сменяется страхом. Уши замерзли и болят, воздух протестующе визжит, а может, и не воздух, может, это чей-то голос, возможно, даже его голос...

— Дадим джентльмену отдохнуть, — почти вежливо говорит полковник. — Не вижу смысла в излишней грубости.

Но Кэссиди/Куинн не может перестать кричать. Он издает совершенно дикие звуки, словно обменялся душой с тем мексиканским парнишкой, которого сожгли на колесе под жарким солнцем Техаса. Так могла бы

кричать душа гордого мужчины, запертая в гниющем теле незнакомца, так мог бы кричать любящий мужчина, навеки потерявший свою жену. Так выл ветер в ушах мальчишки, несущегося навстречу смерти. Вопли отдавались эхом от бетонных стен. Он кричит за все эти жизни, за все двести пятьдесят лет и вот наконец замолкает. Остается лишь сорванное Дыхание Кэссиди/Куинна.

— Хватит. — *Кто это сказал?*

Он предаст друзей, в этом можно не сомневаться; будет тараторить и выть, пока не выболтает все, что ему известно, лишь бы избежать Ньюманна и его зонда, игл и наркотиков. Это нужно остановить.

«Я ведь и правда был там, — лихорадочно размышлял пленник. — Меня не было здесь, я был там, на заснеженном склоне». Он сглотнул слюну и выдавил:

— Я буду говорить.

Полковник подался вперед, скрипнув стулом.

— Конечно, будешь, Кэссиди. Почему бы и нет? Твои друзья уже многое нам наболтали.

— Ложь.

— Назови мне их имена.

— Прошу вас. Я не могу.

— Не можешь? — Стул снова завизжал. — Видимо, мотивации было недостаточно. Ньюманн, повторите-ка ему последний сеанс.

Пленник внезапно принял решение.

— Ладно, ладно, — прохрипел он. — Но пожалуйста, только не пустоту. Только не ее. Второй раз я просто не выдержу.

Доктор Ньюманн помедлил секунду, осмысливая услышанное. Сверился с пометками в блокноте, нашел место, обозначенное как «пустота», и вопросительно посмотрел на полковника. Тот кивнул, и Ньюманн сместил зонд к участку мозга, отвечавшему за «пустоту».

Прошептав «прости», он опустил зонд...

...девушка с бронзовой от загара кожей, длинными каштановыми волосами и миндалевидными глазами танцует под прохладным дождем поливалки. Это Мартина, на ней мужская белая футболка. Мокрая ткань липнет к телу, очерчивая напряженные соски и темный треугольник волос внизу...

— Что происходит?

— Не знаю, сэр.

...Мартина широко улыбается ему, подмигивает и машет рукой. Кэссиди смотрит вниз, видит мозоли на руках: на сильных молодых руках с

рельефными мышцами...

— Отвечайте, черт бы вас побрал, что с ним не так?

...Она приближается, покачивая бедрами, и он шагает ей навстречу.

Пространство и время сходятся воедино...

— Вы его потеряли?

— Я не знаю, что случилось.

— Посмотрите на него. Это же овощ, у него слюна капает.

— Какая-то форма кататонии?

...Солнце целует голую кожу, покрытую потом и кремом от загара, тело наслаждается физической работой...

— Идиот! В таком состоянии он бесполезен!

— Доктор, — зовет медсестра, — пациент не дышит.

— Что?

— Пульса нет.

— Реанимируйте!

— Мы пытаемся. Разряд. Разряд!

— Доктор?

...солнечный, но не сухой день — Кэссиди видит полосу темной газонной травы, блестящей от брызг поливалки, которая с шипением вращается на заднем дворе. И снова она улыбается ему...

Мартина.

Свободен. Я свободен...

Стоп.

Пациент открыл налитые кровью глаза. Хирург походил на гнома — низенький, квадратный, с неровными желтыми зубами, напоминавшими клавиши разбитого пианино. Куинн был напуган и не помнил ничего, совсем ничего, кроме своего имени.

Хирург ободряюще похлопал его по руке.

— Может быть немножко больно.

Л. А. БЭНКС

Чего не отнимет дьявол

Воюющий ветер трепал полы их мантий. Голоса сплелись в какофонии акцентов. «Да будет так!» Суровые решительные лица казались мертвенно бледными в свете луны. Двенадцать человек стояли на поляне плечом к плечу. Один из них держал книгу, переданную безутешной семьей жертвы.

Женщина устроила им сцену. Она кричала, когда ее уводили:

— Если не верите, вызовите это! Скажите правду и посрамите дьявола! Вы знаете, что случилось с моим ребенком!

Из любопытства они выслушали ее страстную мольбу. Злость и негодование заставили выполнить ее просьбу. Кровь ее дочери пропитала землю на месте убийства. Это был факт. Но они были образованными и рассудительными людьми. А в том, что они делали, не было ничего рассудительного. Зато было много странного.

Они вызывали нечто, чего не отнимет дьявол и не приемлют ангелы. Существо не принадлежало ни свету, ни тьме, оно было наследством ранних дней титанов, вестником справедливости, который мог творить как величайшее добро, так и огромные разрушения одновременно, в зависимости от каприза призвавшего. Сама по себе эта сущность была нейтральной. Призванная, она несла с собой смерть. По крайней мере, так говорилось в книге.

Они обсуждали все это за бренди и сигарами, и у каждого была своя теория. Книгу оценили на «Сотбис», и оказалось, что это «настоящая Маккой»... одна только историческая ценность которой тянула на несколько миллионов. Книгу вручили им при свидетелях. Они могли просто продать ее и разделить прибыль; право собственности также было передано им. Но прежде чем обменять книгу на многомиллионные радости, один из хорошо образованных членов их маленького братства решил прочитать текст. А второй хотел убедиться в аутентичности странных выражений и рискнуть проверить заклинания в действии.

Изначально это была причуда, всего лишь интересный повод для беседы посреди мировой скуки.

Двенадцать раздраженных судей стояли на лесной поляне, очищая сознание, очищаясь от предрассудков, подготавливая путь для абсолютной справедливости. К тому времени они узнали, что законность не всегда

этична, а этичность не обязательно законна.

Но каждый из них устал смотреть на то, как виновные уходят от ответственности. Каждый готов был доверить право исполнить приговор древней и странной сущности. Каждый сожалел, что им не удалось вынести приговор серийному убийце, отнимавшему жизнь у молодых женщин одним из самых жутких способов... сожалел, что не смог утешить убитых горем матерей, что не смог отправить мерзавца на электрический стул.

К сожалению, в высших слоях общества свои правила, и тень обоснованного сомнения все же возникла. Рыдающие семьи, сомневающиеся присяжные — у всех были дела, за которые их преследовало чувство вины и будет преследовать до могилы. Растлители малолетних, серийные убийцы, домашнее насилие, завершившееся смертью... Воротилы наркобизнеса, уничтожавшие жен и детей тех, кто осмелился им противостоять. Недобросовестность полицейских при сборе доказательств, запуганные свидетели, продажные адвокаты, отсутствие тестов ДНК. Эти пожилые мужчины устали. Лишились остатка иллюзий. И сегодняшнее действо было просто попыткой разогнать рутину. Ритуал не мог сработать, истинная ценность книги была в ее древности, и никаких магических сил в ней не оказалось. По крайней мере, так они думали.

Призыв остался без ответа, и книга была закрыта с великим разочарованием — никто из них ни за что не признался бы остальным, что втайне надеялся: текст был подлинным. А потом они вернулись к повседневным делам, их ждала работа в зале суда. Все пошло как обычно. Ни правосудия, ни мира. Книгу без лишней помпы продали музею и разделили деньги. Ритуал оказался бессмысленным.

Сан-Франциско...

Ему пришлось проехать через всю страну, чтобы сбежать от враждебно настроенного общества, но теперь суд и обвинения остались в прошлом. Нужно было залечь на дно и выждать, когда обстановка немного успокоится. ФБР будет наблюдать за ним, местные копы тоже добавят проблем. Ну кому какое дело до обдолбанных шлюх? Их всех необходимо очистить, они все нуждаются в метке смерти. Каждая тварь была бесстыдна в своей чувственности.

Подмигнув своему отражению в зеркале за полками бара, он расправил широкие плечи и провел пальцами по каштановым волосам. «Выгляжу, как звезда Голливуда», — хмыкнул он про себя. Его кумиром был Тед Банди, знаменитый серийный убийца. И прежде чем все

закончится, он собирался побить рекорд своего кумира. Ему всего тридцать один, времени предостаточно. А шлюхи всегда сами вешались ему на шею, облегчая задачу.

И каждая вынуждала его сжать распутную шейку и душить до упокоения. Но убивал он не раньше, чем они начинали умолять, не раньше, чем выбивал из них признание во всех грехах. Он любил смотреть, как шлюха корчится на полу и перечисляет ему все те животные грязные штучки, которые она вытворяла за деньги. И его тошнило от того, что семьи этих тварей потом осмеливались плакать в зале суда. Он поднял стакан и неторопливо втянул очередную порцию «Джека Дэниэлса». Он наблюдал.

Почему эти нытики не оплакивали того, что их дочери сотворили со своей невинностью? Почему пьяные мамыши, тупые злобные отцы и озабоченные кузены, тетушки и дядюшки и пальцем не пошевелили, чтобы их родственница-проститутка вела достойную жизнь? Почему они считали, что имеют право требовать правосудия в виде пожизненного заключения или смертельной инъекции, ведь это они изначально были виноваты? Он только заканчивал их труд — делал ходячий труп трупом лежащим. Почему же их не судят за то, что они своим поведением разрушили жизнь родственницы-шлюшки?

А вот и еще одна вошла в бар. Блондинка, как и все остальные. Одета, как настоящая шлюха. Груды выпирают из тесного кружевного лифчика, соски просвечивают даже сквозь алую блузку. Короткая узкая черная кожаная юбка, колготки-сетка и красные туфли на высоченных шпильках. Она нагнулась к уху потенциального клиента, и алый от помады рот сложился в правильную «О». Ему нравилось видеть такую форму, выдавливая из твари последние капли жизни.

Ногти на руках были выкрашены таким же алым цветом. Ему нравилось хранить ногти у себя, особенно акриловые. Брови у шлюхи были слегка изогнутыми и тоже светлыми. Она может оказаться натуральной блондинкой, и тогда соски у нее будут розовые. А не так, как у тех крашенных сучек, о которых он в последний момент выяснял, что на самом деле они брюнетки.

У него встал, когда она нагнулась, чтобы поднять упавшую сумочку. Из-за всех этих судов и переездов, из-за необходимости не попадать в поле зрения полиции у него слишком давно никого не было. Ни одной остывшей узкой задницы. Жернова правосудия двигались медленно, на слушания ушел почти год. Целый год его не выпускали под залог, даже порно негде было достать. В камерах, конечно, многое происходило, но им хватило

мозгов не подкатываться со своими проблемами к нему. Его же интересовало другое. Целый год ему пришлось дробить, вспоминая бледные безжизненные тела. И вот теперь эта шлюшка смотрит ему в глаза.

Он кивнул. Джентльмен, как всегда, — лучший способ внушить им фальшивое ощущение безопасности. Она подошла и села рядом. От этой шлюхи на удивление хорошо пахло.

— Купить тебе выпить? — спросил он, слегка скосив глаза.

— Да, было бы неплохо, — протянула она. — Но я бы лучше покурила. Здешний запрет на курение в барах — просто фигня.

Он махнул бармену, размышляя, с чем имеет дело: с обычной заготовкой для привлечения клиентов или она действительно нездешняя.

— А я думал, что калифорнийцы поведены на здоровом образе жизни.

Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ, хищно оскалившись.

— Понятия не имею. Я *совершенно* не местная.

— Ах... Я так и подумал. Что тебе заказать?

— «Джонни Уокер», черный. — Шлюха уставилась на него с вызовом.

Он спокойно кивнул бармену, и тот отошел. Сучка откровенно напрашивалась.

— Так откуда ты?

— Из Вегаса, — сказала она, начиная копать в сумочке.

Ему открылся прекрасный вид на ее декольте.

— И сколько ты планируешь здесь оставаться?

— Это зависит от многого, — спокойно сказала она, беря наполненный барменом стакан и поднося его к губам.

Он наблюдал за ее влажным ртом, за тем, как размазывается помада.

— А ты здешний? — Шлюха захлопала длинными накрашенными ресницами, явно завлекая его.

— Это зависит от многого, — с полуулыбкой ответил он.

Сучке нравилось играть. С ней можно будет неплохо поразвлечься. Вытащив из кармана пачку наличных, он отложил на стойку стодолларовую купюру, дав понять, что с ним выгодно иметь дело.

— Такты знаешь, где я смогу покурить? — Она отвела взгляд от стопки купюр и заглянула ему в глаза. — Или еще что-нибудь?

— Это тоже зависит от многого. — Он убрал деньги в карман и сделал вид, что занят выпивкой.

Она наклонилась ближе.

— Я не могу здесь открыто работать, меня просто выбросят, понял? Я новенькая, и у меня пока нет своего места. Работать на улице без «начальника» нельзя, иначе меня найдут в канаве.

— Хочешь покурить после выпивки?

— Конечно. — Она залпом опрокинула стакан и встала.

— Насколько?

Шлюха улыбнулась.

— И это тоже зависит от многого.

Обычно он был спокойнее, терпеливее. Но перерыв был слишком долгим. К тому же она оказалась жадной и в лифте не прекращала его касаться. Обычно он так не делал. Ему нравились придорожные мотели, где можно было подогнать машину прямо к двери. Сейчас он остановился в месте с почасовой оплатой. Его покалывала клаустрофобия, и он не захватил всех своих инструментов. Но, возможно, это было и к лучшему — сменить почерк на новом месте.

К тому же у него стоял так, что перед глазами все плыло. А ее ладонь добавляла жара. Она слегка расстегнула блузку, открывая полукружья розовых сосков. Позволила ему целовать их в лифте, гладить руками. Не возражала, когда его руки заскользили по ее колготкам-сеточкам под юбку. Исследуя пальцами влажные трусики-танга, он размышлял о том, что же ее так возбудило: он сам, пачка денег, или это была просто смазка, которую проститутки используют, чтобы обмануть клиента, показав, как он их заводит.

В коридоре так воняло мочой, что у него заслезились глаза. Скоро шлюха будет холодной, и он наконец сможет ее трахнуть, очень скоро. Он, наверное, не будет растягивать удовольствие и задушит ее сразу.

Он с улыбкой открыл дверь в номер и пропустил ее вперед.

— Мне нужна доза, папочка, — сказала она, расстегивая блузку.

Лифчик-бра едва сдерживал ее грудь. Она быстро сбросила его.

У этой шлюхи было великолепное тело. Он давно не встречал таких красавиц.

— Я заплачу достаточно, как и обещал... Ты позаботишься обо мне, а я о тебе.

Она подошла к нему, потерлась всем телом, расстегивая на нем брюки. И упала на колени, как только добралась до сути.

Это было сложнее всего: сдерживать свою природу, когда жертва начинает сосать. Было хорошо, но чтобы было *правильно*, она должна быть мертвой.

— Вставай, — приказал он сквозь зубы. — Ложись на кровать.

Шлюхам это нравилось — нравилось, когда он командовал.

Этой *очень* понравилось. Она широко улыбнулась и встала. У нее было

великолепное тело, он даже представить не мог, что она наркоманка. Ни уколов на руках, ни темных кругов под глазами. Прекрасная, и именно поэтому использование такого тела для проституции было преступлением, заслуживающим наказания. Именно поэтому он будет пытаться сильнее, чем остальных, как только сунет угол подушки ей в рот. И действовать придется быстро — надо кончить поскорее, хотя что-то не получается.

— Ляг на спину и раздвинь ноги.

Она улыбнулась еще шире и сделала, что он просил, наблюдая, как он двигает рукой. Этой сучке, похоже, нравилась его боль. Надо прекратить и просто убить ее.

— Ты труп, — спокойно сказала она.

— Что ты мелешь?! — Он закричал, не в силах остановить руку и отвести глаз от ее груди и светлого треугольника волос в паху.

— Я сказала, что ты труп, — прошептала она, перекатываясь на бок и подпирая щеку ладонью.

Он был зол. Он пытался остановиться, но не мог. Рука двигалась все быстрее, причиняя уже серьезную боль.

— Почему ты убил всех этих женщин? — спросила она с грустной улыбкой. — Они были проститутками и наркоманками, но это были чьи-то дочери. И не тебе было решать, как им жить, Боб. Это не твое дело.

Его пульс ускорился втрое. Он посмотрел вниз и открыл рот, чтобы закричать, но не смог издать ни звука. Он уже стер всю кожу со своего члена, кровь текла на пол, рука сжимала голые вены и плоть. А потом пришла боль, настолько сильная, что он рухнул на колени.

— Помнишь ожоги от сигарет? — проворковала она.

Невидимая сила поволокла его к кровати, лицом к ней. Она вся была покрыта ожогами, и стоило ему это увидеть, как он ощутил, что такие же ожоги появляются на его теле. Он все так же не мог издать ни звука, только всхлипывал от боли. В ее руке ниоткуда возник портсигар, она вынула сигарету. Кончик сигареты начал тлеть от одного ее взгляда.

Лежащая на кровати спокойно поднесла фильтр к губам, и он заметил, что алые ногти на тонких пальцах начали удлиняться. Сделав глубокую затяжку, она сложила губы правильной «О» и выпустила колечко дыма. Все чувствительные места его тела пылали и обугливались, в нос ударил отвратительный запах горелого мяса — но ему по-прежнему не позволено было кричать.

Хватая воздух в агонии, все еще сжимая окровавленный остаток члена, он не мог даже взвизгнуть, когда она села. Чистый ужас не позволял ему отвести глаза. Да, он помнил, что делал с каждой из жертв. Но кто эта сука?

Что она такое? Почему обладает такой силой?

— Помнишь порезы? Помнишь, как срезал им соски и ногти, как полосовал их прекрасные лица?

Он закрыл глаза и покачал головой. По щекам покатались слезы. Он хотел умолять, но слов не осталось, когда он ощутил холодное лезвие, срезающее его сосок. Однако, открыв глаза, он увидел, что тварь стоит в противоположной стороне комнаты, а его левый сосок валяется перед ним на полу.

— Боб, — пробормотала она, обнажая в улыбке желтые клыки, и превратилась в самого жуткого зеленого монстра, которого он только мог представить.

Прежде идеальное тело стало неуклюжей тушей с когтями, крыльями и заостренным хвостом. На коже виднелись все раны, которые он когда-либо наносил своим жертвам. Его всхлипы явно радовали эту тварь.

— Ты мучил их несколько часов, заставлял плакать и умолять. Ты заставил рыдать их семьи. Интересно, сколько жертв назвали в суде и как долго умирала каждая из них? Помнишь, ты спросил, сколько я планирую оставаться в этом городе... а я сказала, что это зависит от многого?

Субботний гольф по утрам был традицией двенадцати друзей. Иногда приезжали не все. Шесть из двенадцати собрались сегодня на зеленом поле. Мобильные телефоны были выключены. Полная концентрация и чистая игра. Это было их убежище... неподалеку от того места, где они предприняли мальчишескую попытку на поляне и не преуспели.

Но игру прервало появление карта для гольфа, в котором восседал их добрый друг из бюро. Что-то в позе Джона заставило их оторваться от игры и присмотреться. В его карих глазах застыло странное беспокойство. Едва дождавшись остановки, он прыгнул и почти подбежал к ним, переводя взгляд с одного на другого. Темный костюм Джона был измят, словно он не снимал его уже сутки. Судьи переглянулись: их коллега обычно сохранял профессиональное спокойствие и всегда выглядел на все сто, сейчас же его седые волосы были растрепаны, под глазами залегли тени.

— Джон, ты в порядке? — спросил Уолтер.

Он был старшим в их компании, и если что-то шло не так, всегда узнавал об этом первым. Сейчас он не сводил глаз с Джона Макдэвитта.

— Джентльмены, — мрачно и серьезно начал Джон, — нам придется столкнуться с настоящим безумием. Кажется, кто-то начал копаться во всех наших закрытых делах. Особенно... в сомнительных. — Он попытался пригладить волосы пальцами. — Не знаю, как вам это объяснить, но те, кто

был виновен, а затем отпущен из-за недостатка улик или по решению присяжных... Все они оказываются в морге.

— Что? — пробормотал Джим, глядя на Билла.

Брэд нервно зашагал по кругу.

— Господи Иисусе... Ты, должно быть, шутишь.

— Я был бы рад, окажись это розыгрышем. — Джон оглядел друзей. — Но у нас, господа, появилась общая проблема.

— Подожди, я же знаю, что мы здесь ни при чем, — сказал Том, глядя на начальника ФБР. — Но я требую присутствия моего адвоката.

— Я, естественно, не обвиняю вас. — Джон Макдэвитт смутился. — Ты же не считаешь нас дураками, Том? Мы не верим, что двенадцать судей решили вдруг закончить дела, которые не смогли довести до конца. Давайте без шуток. Мы ломаем головы над тем, как защитить двенадцать судей от сумасшедшего, который убивает подсудимых. Я приехал лично предупредить вас, потому что он начал с виновных, но с тем же успехом может переключиться на вас... обвинить за неверный приговор, к примеру. — Он указал подбородком на мнующихся вдалеке агентов. — Мы подключили психологов и профайлеров, они уже исследуют эти дела со всех сторон.

Эд обеспокоенно огляделся.

— Ты сказал, что все они оказываются в морге. «Все» — это сколько?

— За одну ночь у нас набралось пятьдесят дел. В том-то и проблема. — Джон потер лицо ладонями. — Психов, наверное, целая сеть, потому что они работают по вашим федеральным делам и убийствам, соответственно, по всей стране... Виновных калечат теми же способами, которыми по материалам дел были искалечены их жертвы.

— То есть все наши прошлые дела попали в другие руки, — сказал Брэд, и в его глазах промелькнул ужас. — Учитывая, что у них все наши дела, плюс дела Скотта, Джо, Кейта, Арнольда, Пэта и Майкла... Нас двенадцать, соответственно как минимум по три дела у каждого, мы это знаем наверняка, были закрыты при явной, но недоказанной вине подсудимого. Законодательная база порой мешает справедливости.

— Потому-то мы и подключились. Мы не можем позволить народным мстителям хвататься за громкие дела и добиваться справедливости варварскими, средневековыми способами, если им вдруг не понравился приговор. Следующими жертвами наверняка станут адвокаты, защищавшие преступников, несмотря на явную их вину, и я не сомневаюсь, что дело опять не обойдется без пыток.

Шестеро судей обменялись понимающими взглядами.

— Питки? — прошептал побледневший Билл.

— Помните дело о педофиле, который насилывал маленьких мальчиков? Он умер от внутреннего кровоизлияния и разрыва внутренних органов. И лучше не вспоминать, что с ним проделали. То же с серийным убийцей Робертом Дуганом. Сукина сына нашли в Сан-Франциско, с его члена была сорвана кожа, а на теле обнаружили раны, которые он наносил своим жертвам — вплоть до многочисленных сигаретных ожогов. И теперь мы пытаемся выяснить, как они умудрились погибнуть в разных городах по всей стране в одну ночь, в один и тот же час, без свидетелей, даже без криков. Никто ничего не слышал.

— А другие судьи знают? — Голос Уолтера Кингсдейла дрожал.

— Утром мы последовательно сообщили всем, ваша честь. И будем держать в курсе событий, усилив вашу охрану. О том, как продвигается дело, вы узнаете первыми.

Они смотрели, как их друг и информатор забирается обратно в карт, и с нетерпением ждали, когда он отъедет подальше.

— Нужно вернуть книгу, — сухо сказал Уолтер.

— Мне хватило услышанного. Я верю. Эти совпадения слишком... Не знаю. — Том сглотнул и понизил голос до испуганного шепота: — Там говорилось, что, если сущность вернет себе свою книгу, никто не сможет ее остановить.

Шестеро судей кивнули.

* * *

— То есть как вы продали книгу частному коллекционеру и не можете назвать нам его имя?! — ревел Уолтер Кингсдейл.

Он нависал над столом, и вся его высокая массивная фигура дышала праведным гневом. Судья запустил пальцы в копну седых волос.

Одиннадцать расстроенных судей глядели на него, устроившись в обшитом ореховым деревом кабинете. На полированных столиках стояли бренди, бурбон и скотч. Хрустальные бокалы, так и не донесенные до ртов, зависли в воздухе. Комната трещала, словно от высокого напряжения, когда Кингсдейл с отвращением бухнул трубку на рычаг.

— Уолтер. — Эд говорил тихо и взволнованно. — Нам нужно выяснить, как загнать это существо обратно.

Встревоженные взгляды переметнулись на него.

— А то я сам не догадался. — Уолтер подошел к окну. — Если все, что

мы читали в книге, правда, тварь будет двигаться по пищевой цепочке вверх, сожрет всех, кто сумел избежать правосудия, и всех причастных, а затем вернется к тому, кто ее вызвал. И если он не пройдет испытание на чистоту намерений и поступков, тварь сожрет и его.

— Именно поэтому дьявол не стал отнимать у людей эту тварь, — дрожащим голосом сказал Том. — Люцифер ни за что не призовет ее, несмотря на то, что с ее помощью можно сотворить с человечеством... И ангелы не примут ее, хоть она и несет справедливость. Слишком уж жутким способом она это делает. Потому ее и называли ничьей тварью. Ни ад, ни рай ее просто не примут. — Он вытер пот со лба и принял антацид, запив его очередной порцией виски.

— Да это долбаный идиотизм! — завопил Джим, вскакивая на ноги. Его когда-то рыжая, а теперь поседевшая шевелюра сделала бы честь любому сумасшедшему профессору. Пыхтя от усилий, грузный судья зашагал по комнате. — Предположим, что эта мумба-юмба действительно существует. Что тогда? Она убьет всех адвокатов, которые защищали подсудимого, наверняка зная, что он виновен? Вы это хотите сказать? Она пройдет по всем нашим серьезным делам, а потом явится за нами?

— Я хочу выбраться из этого, — тихо сказал Билл, нервно моргая и поправляя очки с толстыми стеклами. Он раскачивался в кресле, тонкие птичьи черты заострились. — Любой ценой.

— Я читал эту книгу, — произнес Том, дрожащими руками наливая очередную порцию спиртного. — Я прочел ее от корки до корки, еще когда вы в нее не верили. Там сказано, что она затягивает. Всех причастных, будь то адвокаты или не сумевшие поймать преступника полицейские. Отправить сущность назад после того, как она прольет первую кровь, сможет только призвавший, и если он не хочет платить за страдания, которые пожелал преступникам, ему придется заключить сделку с Люцифером, продав свою душу. Это единственный способ. Кто-то один должен продать душу дьяволу, чтобы тварь была отправлена обратно. — Том посмотрел на Уолтера Кингсдейла. — Иначе она будет продолжать свое дело, пока все, кто так или иначе связан с вызвавшими ее ради справедливости, не будут мертвы. Потом она придет к призвавшим. И если мы не пройдем проверку на...

— Все это полнейшая чепуха и бабушкины сказки, Томас. Я верну книгу! — рыкнул Уолтер, нервы которого тоже были на пределе. — Мы прочитаем все, что там написано, и закроем долбаный темный портал, который по пьяни открыли. Я отказываюсь нести ответственность за смерть грабителей и серийных убийц, наркоторговцев и проклятых

педофилов. Они получили по заслугам. Пусть горят в аду. Разве не так мы все решили в ту ночь? Разве мы не жалели тогда, что связаны условностями закона и не можем вернуться в старые добрые времена, когда преступник без лишних сантиментов оказывался в петле? Разве мы не говорили, что на Диком Западе закон был более справедливым, чем сейчас, и люди не платили налоги на пожизненное содержание убийц и прочей мрази? Мы чисты!

— Но что насчет того, что мы читали вначале? Уолтер... помнишь слова на древнем языке? — тихо спросил Том. В его глазах была паника. — Что, если это был какой-то договор с сата...

— Даже не думай! — обрубил Уолтер. — Мы все были пьяны. Это нереально. Мы даже не знаем... Что мы тут делаем?

Одиннадцать судей посмотрели на него, а затем отвернулись, опустили глаза. Некоторые из них весь вечер молчали. Никто не знал, что делать, никто не хотел брать на себя ответственность. Все это зашло слишком далеко.

— Что ж, мы пока не знаем, что будет, зато знаем, что ублюдки, из-за которых мы вызвали эту тварь, действительно виновны, — сказал наконец Брэд, проглотив свою выпивку. Он выпятил аристократический подбородок и пригладил ладонью поседевшие волосы. Его бледно-голубые глаза были бесстрастны. — С чего бы так называемой сущности являться за нами? Ты чересчур впечатлителен. Все это лишь предположения, как верно заметил Уолтер. Тварь убивает преступников? Отлично. До тех пор пока мы не замешаны в преступлениях, мне плевать.

— Ты просто не понимаешь! Текст был предельно точен! — Том вскочил на ноги, его трясло. — Я сижу на судейской скамье уже более тридцати лет. Скольким я вынес приговор... даже зная, что они невиновны, но по совокупности доказательств...

Судьи обменялись испуганными взглядами.

— Подумайте об этом. — Том тяжело дышал. В его голубых глазах стояли слезы. — Эта тварь исправляет *любую* несправедливость в жизни призвавшего. *Любую*. Для нее весь мир делится только на черное и белое. А посылать в тюрьму невиновного *несправедливо*, как ни крути. Вдобавок... а что, если ваши действия довели кого-то до самоубийства? Я ведь могу даже не знать, которые из моих поступков можно принять за несправедливость. Но я знаю, что я не идеален. И лишь надеюсь, что Бог меня простит.

— Нас нельзя осудить за ошибки молодости, совершенные в начале карьеры, — прервал его Эд. Капли пота у него на лбу уже давно превратились в ручей. Остатки волос слиплись в жалкие прядки. — Мы все

умрем. — Он оглянулся, встал и подошел к окну. — Был парнишка, совсем еще ребенок, лет восемнадцати или двадцати... Но в тот день на меня столько всего навалилось, а мое положение было шатким... В глубине души я знал, что доказательства против него сфабрикованы местной полицией... но... — Он закрыл глаза и глотнул из своего стакана. — Он повесился в камере, проведя в тюрьме всего неделю. После группового изнасилования. Его мать была набожной и сказала мне тогда, что Господь все видит.

— Ладно, джентльмены. Давайте прекратим ныть и возьмем себя в руки, — скомандовал Уолтер. — Мы напились, мы играли с этой дурацкой книгой, вызывали гномика, но я категорически отказываюсь верить в то, что мы смогли призвать настоящую потустороннюю сущность. Скорее всего, мы имеем дело с группой мстителей, с террористической ячейкой, и я знаю, что Макдэвитт сумеет с этим разобраться.

— Том, какое заклинание может отправить ее обратно? — Джима трясло так, что стакан он удерживал двумя руками.

Том сглотнул.

— Я не помню его целиком... просто знаю, что нужно вызвать сатану и заключить с ним сделку. Тогда эта сущность вернется в книгу... как безумный джинн в свою бутылку.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ...

Цепочка странных убийств, похоже, приобретает новые особенности. По стране прокатилась волна смертей среди адвокатов. Связь все та же — первые жертвы ранее выступали их клиентами...

Уолтер Кингсдейл выключил телевизор, радуясь тому, что жена решила временно пожить у своего брата, поскольку дом наводнили федеральные агенты. Он снова пытался прояснить ситуацию с музеем, говорил с куратором, и на этот раз его тон был мрачным и подавленным. Он должен был заполучить книгу. Слишком многих подонков он отправил за решетку благодаря незаконно полученным или недостаточным доказательствам, просто желая очистить улицы от недоносков, которые ему не нравились. Они называли его вешателем, а у него за годы практики появились особые способы расправляться с выходцами из определенных слоев общества. Тех, что плодились как крысы, каковыми он их и считал.

До сих пор его совершенно не волновало, что стало с ними впоследствии, с какими ужасами им пришлось столкнуться в тюрьме, —

они ведь были незаконнорожденными, ублюдками матерей, живущих на пособие, и наркоманов-отцов, и с его точки зрения, их нужно было изолировать прежде, чем они совершат какое-нибудь серьезное преступление. Он считал, что, действуя на опережение, оказывает обществу услугу, делает своеобразную прививку от заразы. И теперь сущность заставит его расплатиться за то, о чем он даже не знал.

— Пожалуйста, — пробормотал Уолтер, когда они с куратором закончили формальности. — Эта книга является частью очень щекотливого дела. Нам нужно, чтобы ее новый владелец согласился встретиться со мной и обсудил вопросы, касающиеся текущего дела. Его личность, как и вложенные средства, будет тщательно защищена от огласки, поскольку мы знаем, что напрямую он не замешан.

— Учтите, только в виде исключения, судья Кингсдейл, поскольку новый владелец книги является спонсором нашего отдела древностей... Учитывая обстоятельства, я попрошу его с вами связаться. Но я не могу ничего гарантировать.

Уолтер Кингсдейл закрыл глаза и кивнул.

— Спасибо.

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ, МЕСТНЫЕ НОВОСТИ

Судья Эдгар Дж. Хант найден мертвым в своей летней резиденции в Алабаме. По предварительной версии, судья покончил с собой, став жертвой преступления на сексуальной почве. Мистер Хант, которому недавно исполнилось семьдесят три, был похищен и подвергся групповому изнасилованию, после чего прикрепил простыню к люстре в своей спальне, надел петлю на шею и шагнул вниз. ФБР...

Уолтер Кингсдейл щелкнул пультом, выключая огромный плоский экран на стене своего кабинета, перегнулся через угол стола, и его вырвало на турецкий ковер. Цепляясь за столешницу, он вытер испарину со лба и встал, помогая себе трясущимися руками.

— Правосудие порой бывает жестоким, — раздался из дальнего угла комнаты глубокий баритон. — Чудовищным.

Судья вздрогнул, оборачиваясь к теням у камина, где стояли два высоких стула с кожаными спинками.

— Кто вы и как сюда попали? — Уолтер ахнул и вытер губы крахмальным рукавом рубашки.

Смутная фигура отделилась от стула и спокойно зашагала к столу судьи. В приглушенном свете ламп угольно-черные глаза незнакомца казались хищными и веселыми. Элегантный костюм явно был сшит на заказ и идеально облегал фигуру. Такой костюм мог бы носить один из молодых, но крайне успешных адвокатов округа. Но вот глаза и поведение незнакомца больше подошли бы наемному убийце.

— Я не видел вас раньше в суде. Как вы смогли пробраться ко мне через посты охраны? — Судья, смущенный и раздраженный тем, что его телесные жидкости оказались на ковре, обошел лужу и направился к бару. — Мне не нужен новый адвокат, а все входы и выходы охраняются агентами ФБР.

— Я знаю. Я видел их, — сказал неизвестный. — Я новичок в суде, но отнюдь не в системе правосудия... И вы правы. Мне очень повезло, что я нашел вас.

Уолтер Кингсдейл налил себе скотча.

— Я не в настроении. Если вам что-то нужно, вы можете встретиться со мной...

— Я хотел бы заключить с вами сделку, добрый сэр.

Уолтер отхлебнул из стакана.

— Я только что потерял одного из лучших друзей. Если вам нужна политическая ус...

— Я новый владелец книги. — Темный незнакомец улыбнулся и склонил голову набок. — Не желаете ли выпить со мной?

Его глаза медленно изменились, радужная оболочка стала янтарной, зрачки сошлись в вертикальные щели. Уолтер схватился за грудь, онемев от ужаса. Крик кляпом забил его горло. Сердце металось, сжималось, пыталось оборвать ткани, удерживающие его в грудной клетке, легкие обожгло последним вздохом. В ушах звенело от взлетевшего кровавого давления, комната стала расплываться перед глазами. Судья покачнулся, но устоял, схватившись за стойку бара. Существо перед ним улыбнулось.

— Я хочу получить возможность договориться, — хрипло выдохнул Уолтер.

Сущность разгладила лацканы своего дорогого пиджака и кивнула.

— Да будет так.

Поведение судьи изменилось, став странно спокойным. Сущность склонила голову. Это интриговало.

Судья неторопливо отпил из стакана, вытер пот со лба.

— Что предпочитаете?

Чужак улыбнулся.

— Мне нравится ваш стиль. Бурбон без льда.

Уолтер наполнил и подал ему бокал, наблюдая, как странное существо пробует бурбон. Алкоголь обжег горло судьи, в глазах на миг потемнело. Затем снова прояснилось.

— Чего вы хотите?

Незнакомец посмотрел на него.

— Того же, что и вы. Справедливости.

Уолтер молча ждал продолжения.

— Я не могу использовать книгу без посвященного призывающего. — Незнакомец, как ни в чем не бывало, потягивал бурбон. — Я много лет искал того, кто сможет призвать силу и наплатить мои потребности.

— Не понимаю, — прохрипел Уолтер. — Почему просто не отдать книгу сатане?

Существо поперхнулось и подалось вперед, злобно глядя на судью.

— У него нет души, — прошептало оно в ответ. — Мне будет нечем питаться. Одного этого уже достаточно. Забудьте о том, что сущность можно отдать сатане. Если дело коснется его, сущность будет обречена вечно питаться остатками его следа и не сможет покарать ни одного греха, совершенного людьми. Слишком тяжелая ноша, слишком плохая карма. Нет, нет, нет, нет. Вот почему книгу, как они говорят, не отнимет дьявол и ангелы не приемлют.

Существо с издевкой улыбнулось и пожало плечами.

— Ангелы боятся книги, потому что, хотя их намеренья и чисты, а в прошлом нет греха, они считают, что правосудие должно оставаться привилегией того, кого я никогда не называю... Они не хотят нести ответственность, особенно за такой великолепный инструмент. — Оно глядело на Уолтера, не моргая. — А вы, мой друг, использовали этот инструмент очень, очень эффективно. Я получил немало удовольствия. Жаль только, что вы...

Внезапно незнакомец сузил глаза, присматриваясь.

— Чисты? Полностью чисты, без единого значительного греха?

Некоторое время они просто смотрели друг на друга. И снова Уолтер ощутил странную легкость и отстраненность, словно смотрел на себя из отдаленного участка сознания.

— Кто вы? — прокаркал он.

У него подгибались колени, пришлось вцепиться в угол стола так, что побелели костяшки пальцев.

— Как я уже сказал, новый владелец книги. Я отдал за нее немалую сумму вашему музею. Вы беспокоились, хотели со мной связаться. Как же я

мог игнорировать такую... отчаянную мольбу? — Из внутреннего кармана пиджака он достал большую книгу, которая никак не могла там поместиться. — Почаще призывайте силу.

— Мы должны отослать сущность обратно, — сказал Уолтер умоляющим тоном.

Книга скользнула к нему по столу, от нее исходила такая сила, что его пальцы задрожали.

— Не вижу причин так поступать. Книга служит правосудию в изначальном его понимании, выпалывает сорняки и безжалостно убирает грязь из нашего общества. — Существо подалось вперед. — Вот еще одна причина, по которой ангелы не хотят принимать эту книгу. Ее сущность была создана задолго до появления самой концепции спасения. Она ближе Ветхому Завету во всей его чистоте. Вот почему она мне так нравится. Но не буду утомлять вас своей философией. Я могу продолжать это *вечно*.

— Сэр, если бы вы назвали мне свое имя, я выписал бы вам чек за беспокойство... А если бы мы могли взять книгу на вечер, мы бы вернули ее вам в целостности и сохранности.

— О, я буду настаивать на ее возвращении, — сказал незнакомец. — Я лишь временный ее хранитель. Я ищу человека, которому она *действительно* понадобится и который использует ее силу во всей полноте. Люди сами решают, готовы ли они смириться с последствиями. Вот что мне особо нравится в этой книге.

Уолтер Кингсдейл, не отводя взгляда, достал из ящика стола чековую книжку, выдернул ручку из держателя на столе.

— Ваше имя, сэр? — быстро спросил он.

Незнакомец улыбнулся.

— Запишите «Сын Пустоты»... Я могу обналичить этот чек со счета сатаны под любым из своих псевдонимов.

Судья попятился, вытаращив глаза, а существо рассмеялось.

— В графе «Средство оплаты» запишите вашу душу, сэр. Разве я забыл об этом упомянуть?

Уолтер быстро расписался и бросил чек незнакомцу, а сам вцепился в книгу. И замер, наблюдая, как гаснет победная улыбка на красивом лице незнакомца. Человеческая кожа оттянулась, обнажая клыки, и сменила цвет на жутковато-зеленый. Змеиные глаза сущности засияли, крылья и хвост разорвали идеально скроенный костюм.

— Ты обманул меня! — проскрипела она, швырнув чек обратно на стол. И ткнула в него когтем, прорывая бумагу на месте подписи и припиливая чек к дереву. — *Люцифер*, верни мне мое, это нечестная

сделка!

— Как всегда. — Тело судьи спокойно раскрыло книгу, пролистало, ища нужную страницу. — Уолтер умер от инфаркта прямо у тебя на глазах. Пустая оболочка не несла в себе греха, а я лишь манипулировал ею. Средство оплаты тоже выбрано удачно — я могу покрыть указанную в чеке сумму, и мы оба с тобой знаем, что я не позволю тебе избавить планету от всех несовершенных людей. *Это* с моими целями совершенно не согласуется. Сделка же, по всем сверхъестественным законам, состоялась.

Он наклонился к сущности и усмехнулся.

— Гадкий маленький демон. Тебя так сложно найти и так трудно удержать.

Сатана захихикал и зацокал языком, поманив сущность пальцем. Та задержалась и завизжала, превращаясь в облако серного дыма.

Он смотрел, как вонючее облако втягивается обратно в книгу и захлопывает за собой обложку. Затем с отвращением вытер руки о пиджак Уолтера и вышел из позаимствованного тела, позволив ему рухнуть на пол у стола. Оглянулся и подцепил книгу длинными когтями.

— Дерьмовости у тебя не отнять.

СТИВ НАЙЛЗ

У-образный разрез

Хендрикс истекал кровью у перекрестка канализационных тоннелей. Бок у него выкусили, как спелую дыню. Кишки расплескались по бетонному полу, и выглядело это так, словно кто-то сблевал лапшой быстрого приготовления.

Ясно было, что долго он не протянет.

Эта *тварь* добралась до него.

И я остался один, в канализации, против самой придурочной твари за всю мою практику, а в наличии у меня только глок с единственной полной обоймой и дробовик с двумя пулями.

Но я, как всегда, забегаю вперед. Наверное, стоит начать сначала...

Я знал, что Генри Сик дерьмо, но поймать его на горячем не удавалось, и, честно говоря, лично мне он ничего плохого раньше не делал. Я просто чувствовал, что он сволочь. И провонял мертвецами. Нет, он, ясное дело, был владельцем похоронного бюро, но запах немного не тот. От этого парня несло безумием.

Генри был гробовщиком в десятом поколении и продолжал семейное дело. Он был человеком, но мне нравилось думать, что его гены испорчены формальдегидом, потому что он жил своей работой и обожал ее. Настолько, что пугал даже гулей, а нежить, поверьте мне на слово, не так уж легко напугать.

Он был высоким, метра два, если не выше, и тонким, как обглоданная кость. Отличался редкими сальными волосами, которые зализывал назад, бледным лицом и тонкими бесцветными губами. Когда эти губы растягивались в улыбке, что бывало нечасто, открывался чудный вид на мясистые десны и полный набор вставных зубов.

Прошлый год стал для меня одним из самых тяжелых. Я потерял двух близких друзей. Сначала копа. Ее звали Брюгер. Время от времени она помогала мне, а я помогал ей в ответ. Я подпустил ее слишком близко, и один из моих врагов, доктор Полинайс, выбрал ее в качестве мишени. Он пытал ее и взорвал ее тело при помощи бомбы с дистанционным управлением.

Бомба сработала, когда я вышиб его гнилые мозги.

А затем я потерял свою девушку, Сабрину. Она много для меня значила. Хрен с ним, скажу: я любил ее, но ей хватило здравого смысла бросить меня после того, что случилось с Брюгер. К сожалению, вскоре Сабрина вернулась и стала жертвой вампира-европейца, который всем трендел, что он и есть настоящий Носферату. Я его грохнул, но он успел заразить Сабрину.

В нашу последнюю встречу она улетела от меня, сверкая моржовыми клыками.

Я уже говорил, что Брюгер была копом? Кажется, да. А о том, что она была замужем за членом городского совета? Он, ясное дело, был от меня не в восторге, о чем не поленился доходчиво сообщить.

Муж Брюгер не только чуть не вышиб из меня дух, он использовал все свои связи, чтобы отрезать меня от полиции Лос-Анджелеса и поставить вне закона. Вычудил обвинение в торговле наркотиками и отправил копов с обыском на мою квартиру. Они нашли небольшую аптечку с нелегальными обезболивающими и уйму всяких вещей, которыми я снимал стресс.

Если вы следите за моей мыслью, вам уже ясно, что у меня на счету два погибших друга, один сильный враг и ордер на мой арест. Вдобавок ко всему, я бездомный. Я в бегах уже месяц. К счастью (или к несчастью), гули Лос-Анджелеса нашли мне приют.

Ах да, забыл представиться. Я Кэл Макдональд, частный детектив, в данное время ведущий дела в полуподвале заброшенного аэропорта Барбанка.

Звонок Генри Сика раздался, когда я валялся на диване и жалел себя. Бутылка «Джим Бима», две бутылки «Листерина», немного «Робитуссина», упаковка экседрина РМ. Все стырено в магазине, потому что денег у меня не было даже на средство от кашля, не говоря уже о «колесах».

Чувствовал я себя дерьмово. У меня был матрац, огороженный коробками с тем, что удалось стащить из офиса до прихода копов.

Мой личный маленький дерьмовый оплот соплежуйства.

Я уже неделю торчал там, пил, курил, глотал то, что удавалось прибрать к рукам в городе. Я попросил Молока достать мне чего-нибудь сильнодействующего. Он мне отказал. Засранец. Я знал, что у него есть наличка. И если бы мои руки не вели себя, как расплавленная резина, я бы ему показал!

Хотя кого я обманываю? Этот чертов гуль был единственным, кого я мог бы назвать близким другом и партнером. Мы с ним прошли огонь и воду, и он не раз спасал мою задницу.

Молок и протянул мне телефон.

Я прижал его к морде и издал звук, который мог бы сойти за приветствие.

Это был Генри Сик, гробовых дел мастер.

— Я говорю с Кэлом Макдональдом?

— Мла. — Язык во рту распух, как рыбка-иглобрюх.

— Я Генри Сик.

Даже в таком состоянии я слышал, как дрожит его голос.

— В чем проблемы?

Я посмотрел на Молока. Гуль покачал головой и отвернулся. Я знал его достаточно хорошо, чтобы понять: он кое-что замышляет. Стоя спиной ко мне, он вынул что-то из кармана. И это что-то дребезжало так, что старому наркоману вроде меня звук показался музыкой. Это тарактели таблетки в бутылочке.

Я попросил гробовщика подождать, выдав что-то типа «Абазжити скундочку».

Молок неохотно разжал ладонь. Пять черных таблеток, спиды. Как раз то, что нужно, чтобы собрать меня обратно из дерьма в конфетку.

Я проглотил таблетки, потом запил водой. Может, у меня разыгралось воображение, но, клянусь, я чувствовал, как амфетамин курсирует в моей крови.

С минуту я просто наслаждался, потом вернулся к телефону.

Генри Сик хотел, чтобы я приехал и проверил его покойницкую. Он пытался позвонить в полицию, но они его послали, что неудивительно. Если дело хоть немного отличается от обыденности, копы беспомощны. Вот почему люди обращаются ко мне.

Я попытался выпросить у Сика детали, но он настаивал на том, чтобы я все проверил лично. К счастью, его конура была недалеко от Барбанка, на Виктория-бульвар, примерно в трех-четыре мили от места, где я обитал в компании нежити.

К тому времени как я повесил трубку, спиды уже начали действовать. Ничего не болело, голова чесалась, а подмышки решили сыграть в протекающий кран.

Короче, я готов был действовать.

Я сказал Сику, что буду в течение часа. Мне нужно было сначала кое-куда заехать.

— Пожалуйста, поторопитесь, мистер Макдональд.

— Приеду, как только смогу.

Молок стоял и таращился на меня. С тех пор как случилось все это дерьмо, мертвяк обращался со мной, как нянька с дитятей, а не как деловой

партнер, и это успело меня здорово достать.

— Это работа? — спросил он.

Я кивнул.

— Да, Генри Сик жалуется на то, что в его мертвецкой происходит что-то непонятное.

Гуль вздрогнул. Как я уже говорил, нежить боялась Сика.

Но он быстро взял себя в руки.

— И куда ты собираешься заехать сначала?

Вот черт. Я не против того, чтобы обо мне заботились. Черт, мне уже четвертый десяток, и приятно было знать, что кому-то, пусть даже мертвецу, не насрать на мое существование. Но гуль уже начинал испытывать мое терпение.

Я вылез из своего убежища и встал перед ним, не качаясь. Гуль был выше меня почти на голову, но я его не боялся.

К тому же я был уверен, что он ни за что не причинит мне вреда, а поверьте, гулей, которых ничто не сдерживает, злить не рискну даже я. Они способны разобрать человека, как морской пехотинец родную винтовку, только в два раза быстрее.

Чувствовал я себя хорошо. Спида наконец добрались до глаз и зубов, так что глазки у меня были круглые, а зубки щелкали.

Я ткнул пальцем в серое лицо гуля.

— Мне чертовски надоело, что ты играешь тут со мной в сиделку, Мо. Давай договоримся: у нас по-прежнему партнерские отношения и я могу сам о себе позаботиться.

Гуль посмотрел на мой палец, затем медленно перевел взгляд на мое лицо.

— Мне показалось, ты говорил, что мы не партнеры.

Издевался, зараза.

— Я просто хочу сказать, что предпочитаю общаться с партнером, а не с нянькой. Я сам могу о себе позаботиться. Я уже долго себя загонял. И знаю, что делаю.

— Из чего становится ясно, что ты отправляешься за наркотиками.

— Ага... и поэтому мне нужна наличка.

Гуль повернул голову. С мимикой у него всегда было туго, так что догадаться, о чем он думает, было сложновато.

А потом он снова повернулся ко мне и протянул пачку двадцаток.

— Ничего тяжелого, — сказал он.

Я взял деньги и покачал головой. Я знал, что это значит. Никаких игл. Ничего такого, что превратит меня в зомби. Или убьет. Да мне такое и не

нужно. Я прекрасно обойдусь куревом и таблетками.

— Спасибо, Молок.

Гуль только кивнул.

Я попробовал сунуть деньги в карман штанов и промахнулся. Штанов на мне не оказалось. Ниже пояса на мне вообще ничего не было.

— Мать твою!

Я посмотрел на гуля, и ему чертовски повезло, что он не улыбнулся и не рассмеялся. То есть по его лицу все равно ничего не было бы видно, но если бы он надо мной рассмеялся, я бы выпустил ему кишки. К сожалению, мой глок был в кобуре, кобура была на ремне, а ремень — на пропавших брюках.

Я схватил их, натянул, убедился, что оружие готово и заряжено. Сик не сказал ничего конкретного, зато голос у него дрожал, так что я прихватил дня страховки еще и дробовик, прикрыв его пиджаком.

И уже на выходе заметил, что Мо за мной не торопится.

— Ты идешь?

— А я тебе там нужен?

Я улыбнулся.

— Генри Сик — страшный зверь, да?

Гуль опустил голову.

— Мне сложно находиться рядом с кем-то, кто пахнет свежей смертью.

— Да тебе-то что с того? — удивился я. — Ты уже мертв.

Гуль почти растворился в тени серого бетонного подвала, и его глаза показались мне двумя черными провалами.

— Я нежить. — Он помолчал и вздохнул. — Мне не нравится находиться рядом с тем, чем я едва не стал, не говоря уже о таких людях, как Генри Сик, которые вскрывают мертвых.

Я не слишком-то понимал, о чем он толкует. Мы с ним были командой и довольно часто имели дело с мертвецами. Наверное, его пугала именно покойницкая и сам гробовщик. Гули, как я уже говорил, боялись Сика. Ну и черт с ними.

Одевшись и нацепив оружие, я почувствовал себя прекрасно, несмотря на то, что душ я принимал не меньше недели назад. Каждый дюйм моего тела звенел.

Наверху, в старом ангаре, я держал свою машину. Старушка «нова 73» в последний раз заводилась примерно тогда же, когда я ходил в душ, но два оборота ключа заставили ее прокашляться и с грохотом ожить.

Для начала я заехал к дилеру, которого знал в Барбанке, запасся

таблетками для «хи-хи» и пакетом травы, а потом уже отправился к похоронному бюро Сика — посмотреть, в чем проблема.

Доехал я, как и обещал, примерно через час. У меня был полный карман таблеток, обезболивающих и стимуляторов, и пакет травки. Позже придется поколдовать, определяя оптимальное сочетание. А пока мне вполне хватало спидов.

Я припарковал «нову» у черного хода, стальной двойной двери, через которую Сиг гонял свой катафалк. Судя по всему, недавно ему завезли свежих клиентов, потому что вонь формальдегида не смог развеять даже декабрьский ветер.

Я обошел вокруг здания и приблизился к парадному входу, стилизованному под фасад уютного старого дома. Наверное, чтобы не отпугнуть клиентов.

Я позвонил и подождал. Еще позвонил и еще подождал. А потом увидел табличку, приглашавшую войти и подождать в холле. Да-да, очень неприятный момент. Примерно так я себя чувствовал, стоя без штанов перед заботливым гулем.

Внутри глаза слезились от сочетания формальдегида и лисола, а декор был под стать парадному входу. Так выглядела гостиная моей бабушки, вот только любой, у кого есть глаза, мог увидеть в соседней комнате выставку гробов и других погребальных принадлежностей.

На стене в фойе был еще один звонок, а в углу над ним висела камера наблюдения. Я позвонил раз десять, для надежности. И через несколько секунд услышал шаги внизу, в подвале, где, судя по всему, происходило непосредственное потрошение. Вначале послышался звук открывшейся, а затем захлопнувшейся двери, и тяжелые шаги начали подниматься в мою сторону.

Я удивился, когда целая секция стены отъехала и показались сначала тайная дверь, а потом ползущий из нее Генри Сик. Он был еще тоньше и еще страшнее, чем я помнил. По сравнению с ним Мо был милый, как плюшевый медвежонок.

— Мистер Макдональд! — с удивительным энтузиазмом воскликнул он. — Я так рад, что вы откликнулись на мой звонок!

Через секунду я понял, что перепутал энтузиазм с отчаянием. Сик рад был меня видеть, потому что его что-то до чертиков напугало. И пытался это скрыть, но если и есть эмоция, которую я всегда распознаю, то это страх.

— Чем могу помочь, мистер Сик? — пробормотал я. — По телефону

вы сказали, что это важно.

Сик подошел ко мне и протянул руку. Я проверил, нет ли на ней крови или другой органической жидкости, и только потом пожал.

— Это очень важно... — Он запнулся, тщательно подбирая слова. — И чрезвычайно странно. Вы были первым, о ком я подумал, столкнувшись с этим.

— Хе, спасибо.

Мое тело звенело, а голова чесалась. Я хотел побыстрее покончить с делом, о чем и сказал Сику.

— Конечно. Прошу, спускайтесь за мной.

Этого я и боялся.

Сик толкнул стенную панель, и она снова открылась. Мне очень хотелось поговорить о такой двери, вот только Сик был не самым приятным собеседником, а я не хотел его обнадеживать. Меньше всего мне нужно, чтобы он считал себя моим другом. Вот Мо был нормальным. А от этого черта несло жутью.

Я пошел за Сиком вниз. В конце лестницы оказался большой бетонный подвал, очень похожий на тот, где я прятался, вот только здесь стояли два эмалированных стола, несколько шкафов с черт-знает-чем и шестью шкафами, в которых обычно хранятся покойники. Как правило, таких шкафов не бывает в покойницкой, это привилегия городских моргов.

— Это что за сундуки, Сик? — спросил я. — Прячешь там тела в дождливые деньки?

Он рассмеялся, и меня передернуло от вида его мелких поганных зубов.

— Нет, нет. Я занимаюсь также бездомными — неопознанными, — поэтому вынужден иногда ждать тридцать дней, прежде чем их можно будет похоронить или кремировать по закону. Пришлось заказать холодильники для хранения.

— Чего только не найдешь в Икее, — сказал я.

И тут же об этом пожалел. Сик заржал так, что я действительно испугался, что его зубы вылетят изо рта и попадут в меня.

Я оглядел комнату. Один стол был пуст, но помыть бы его не мешало. В стоках засохла кровь. На полу между двумя столами была дренажная труба, уходившая в широкий люк, куда все и смывалось.

В стоке тоже была кровь и что-то вроде ошметков плоти.

Я не любил Сика за множество вещей, и одной из них было то, что он неряха.

На другом столе лежал труп, подготовленный к бальзамированию. Это была старуха лет восьмидесяти. Рядом с обнаженным трупом стоял таз с

водой и лежала губка — Сик, наверное, обмывал ее, когда я позвонил.

А еще я заметил кровь возле люка, которая явно появилась не со столов. Ее было немного, такие розоватые мазки, но они тянулись в сторону люка от шкафов-морозилок.

Меня уже тошнило от этого места. Запах тел и химикатов в сочетании с амфетаминами выдавал адскую реакцию. Если мы отсюда не уберемся, я точно сблую.

— Так зачем ты вызвал меня сюда?

Сик собрался с силами и закивал, как перепуганный голубь.

— Да... ну... — Он помахал костистыми пальцами в сторону шкафов. — Наверное, лучше тебе это увидеть.

Он медленно подошел к стене и развернулся в мою сторону. Нервничал он по типу тех парней, что раз в жизни совершат ошибку, а затем чувствуют свою вину за все на свете. Знал я таких типов. Они способны на любую гадость, дай им только подходящий шанс.

Я шагнул к Сику и остановился на полпути, когда он потянул один из ящичков.

— У меня пропало несколько тел. Я сообщил о них в полицию, но когда нашел это, решил сразу же позвонить вам.

Ручка повернулась и щелкнула. Сик открыл квадратную дверцу. Внутри я увидел только темноту и две желтые пятки.

Сик вытащил поддон с телом, и я смог разглядеть картину целиком.

— Вот что я нашел сегодня утром. — Он отступил на шаг, приглашая меня приблизиться.

Тело принадлежало чернокожему мужчине. Выглядел он лет на семьдесят. У него были тонкие седые волосы и такая же седая борода. Мужчина был худ, как щепка, но с огромным вздутым животом.

Проблема заключалась в том, что левая сторона этого вздутого живота начисто отсутствовала. От левого соска и ниже, до паха, плоть вырвали жестоко и неаккуратно, словно орудия тупой вилкой. Недоставало примерно двадцати дюймов кожи. Не было также органов, находившихся под этой кожей.

Я видел вены и артерии, и даже верхнюю часть его кишечника. Все это было похоже на разорванные провода. Их не резали и не жевали, их, судя по всему, схватили и тянули, пока плоть не разорвалась.

Я посмотрел на Сика. Он попятился и вжался в стену между двумя застекленными шкафами. Ждал моей реакции.

— Сколько тел пропало, прежде чем началось вот это? — спросил я.

Он слегка замялся.

— Два или три.

Я приподнял бровь.

— То есть ты не в курсе, сколько тел у тебя пропало?

У Сика явно пересохло во рту. Губы шлепали, как сухая бумага.

— Нет, извините... Их было три. Простите. Я просто слегка взволнован...

— Оно и понятно. — Я уставился на него тяжелым взглядом. — Все три не опознаны?

— Да. Все неизвестны.

Я наклонился, рассматривая рану вблизи. Разрывы явно были сделаны не ножом и не хирургическим инструментом. Я раньше сталкивался с любителями человечины, но это было не похоже на следы зубов человека или животного.

В голове застыло изображение вилки. Кожу рвало что-то с зубцами, которые вонзались, а затем оттягивали. Вполне возможно, это когти или даже человеческие ногти, но мой мозг усиленно сопротивлялся этим вариантам.

Сик все так же торчал в своем спасительном закоулке между шкафами. Он внимательно за мной наблюдал. Я шкурой чувствовал, как он сверлит меня глазами.

— Такой труп только один?

Сик медленно покачал головой.

И начал нести околесицу, но я уже разозлился.

— Где остальные?

Я посмотрел на гробовщика, и он уныло ткнул подбородком в сторону других отделений морозильника.

Я повернул ручку соседней дверцы. Она щелкнула и открылась так же, как предыдущая. И снова меня встретили желтые пятки, но на подносе на этот раз оказался белый мужчина. Его тело было взрезанным и пустым.

— Ты обоих нашел сегодня?

Сик кивнул и добавил:

— На верхних полках таких еще двое.

— Боже.

Я открыл верхние полки и убедился, что тела разные, а вот проблема одна: отсутствие внутренних органов и кожи на животе.

Я захлопнул дверцы. Увиденного было достаточно.

— Что сказали копы о пропавших телах?

Генри Сик все так же вжимался в стену.

— Детектив приехал, — проблеял он, — составил рапорт и уехал.

— Он оставил визитку?

Сик начал копаться в кошельке и выудил оттуда карточку. Но не подал ее мне, просто зачитал имя:

— Натан Хендрикс.

Я рассмеялся. Хендрикса я знал. Это был классический «плохой полицейский», всегда готовый получить «на лапу», пьяница, и, по слухам, в последнее время он связался еще и с наркотиками. Не будь Хендрикс таким засранцем, он мог бы стать моим лучшим другом.

Но главное то, что Хендрикс меня не выдаст, зная о моих неладах с лос-анджелесской полицией. Я не был уверен, что это дело в моей компетенции, так что вполне мог перекинуть его копу. Несколько растерзанных трупов — это, конечно, странно, но не все странности по моему профилю.

Я связался с полицейским участком и попросил дежурного соединить меня с Хендриксом. Дежурный спросил, как меня представить. Я назвался Аль Капоне, но этот мешок с ушами даже не дернулся, только попросил подождать, пока он переведет звонок.

Сик не двигался с места. За ним на стене висел громадный плакат, из тех, с помощью которых студентам объясняют расположение внутренних органов.

Он заметил, что я смотрю в его сторону, и попытался наладить визуальный контакт, но отвлекся на что-то за моей спиной. Я обернулся и понял, что он смотрит на монитор с камеры наблюдения.

На экране было трое: чернокожая женщина и такие же чернокожие девушка и парень.

Я покосился на Генри. Он занервничал еще сильнее, на лбу под линией волос проступили капли пота.

Не нужно было быть детективом, чтобы догадаться: пришла семья первого из изувеченных трупов. Реакция Генри это подтверждала.

— О Боже! — Он наконец отлип от стенки. — Мне лучше подняться.

Я помахал ему телефоном.

— Я подожду здесь.

Сик медлил. Ему явно не хотелось оставлять меня наедине с его игрушками, но я не двигался с места, семья ждала, так что пришлось ему вздохнуть и оставить меня опираться на стол со старушкой.

А в участке наконец сняли трубку.

— Детектив Хендрикс.

— Хендрикс, — сказал я. — Это Кэл Макдональд.

Долгая пауза. Еще бы секунда, и я бы бросил трубку, но он отозвался,

на сей раз шепотом:

— Ты в последнее время жутко популярен. Тебя ищут все копы города.

— Да фигня, — закашлялся я. — Этот советник подделал доказательства. Я с ним позже разберусь. А сейчас у меня дело, в котором всплыло твое имя.

Это привлекло его внимание.

— Да ну? Это какое же?

— Я сейчас в мертвецкой Генри Сика.

Хендрикс разочарованно замычал.

— Это по поводу пропавшего трупа? Я велел этому старому козлу притормозить, пока не составлю рапорт.

— По поводу скольких тел он тебе вопил?

— Тел? Он говорил только об одном. — Хендрикс перестал шептать. — А были еще?

Я взглянул на монитор и увидел, как Сик пытается успокоить семейство в гостиной. Они наверняка требовали показать им тело родственника. Мне почему-то жутко хотелось исполнить их требование.

— Слушай, — сказал я в трубку. — Мне он признался, что пропало два ИЛИ три.

Хендрикс рассмеялся.

— Чего он добивается? Как думаешь, он спит с теми, кого обслуживает?

Я вытаращился на телефон.

— Так, во-первых, ну тебя к черту. Во-вторых, как некрофилия может заставить трупы испариться?

— Ну, не знаю.

Больной на голову урод. Я уже жалел, что позвонил Хендриксу, но по ходу разговора мне все больше казалось, что это дело пусть и странное, но не сверхъестественное.

Стоило мне так подумать, и я зацепился взглядом за сток между столами. Помимо крови в нем скопилась уйма разнообразного мусора, и только один край был чистым. Я ткнул в решетку носком ботинка, и она шевельнулась.

Сток не только не был закрыт, он выглядел так, словно решетку недавно отодвигали.

— Еще что-нибудь, Макдональд?

Я забыл, что до сих пор на связи.

— Да, извини, Хендрикс, — сказал я. — Слушай, давай-ка ты приедешь сюда? Тебе стоит увидеть то, что творится в мертвецкой Сика.

Тут, скорее всего, дело все же для тебя, а не для меня.

— Что? Никаких призраков и ведьм?

Я показал телефону международный жест.

— Так ты поможешь или нет?

Хендрикс не медлил ни секунды.

— Что мне с этого будет? — Вот он и показал свою истинную натуру.

У меня осталось несколько сотен от суммы, которую гуль отстегнул на наркотики. И неплохо было бы малость прикормить полицию. Тем более что гуль мог достать из того же источника еще немало бумажек.

— У меня есть сотня.

Коп практически не колебался.

— Договорились. Буду там минут через пятнадцать.

Как только Генри Сик закончил щебетать с семьей покойного и вернулся в подвал, я указал ему на сток в полу.

— Куда ведет слив?

Либо я застал его врасплох, либо он был плохим актером. Сик замялся, забубнил, а потом начал тараторить:

— В канализацию. Но этот слив только для воды, которой я окатываю пол из шланга. Кровь отправляется в септический контейнер, высыхает и утилизируется очень тщательно и совершенно законно.

Я поднял руку.

— Ладно. Боже, я просто хотел узнать, куда оно все льется. Похоже, что решетку недавно открывали.

Вот тут Сик и облажался. Он слишком старался вести себя так, словно все путем, был слишком вежлив и открыт, так что сомнений просто не осталось: говнюк что-то скрывал от меня.

— Хм, — сказал он. — Я сам в последнее время ее не трогал.

Я врезал каблуком по одной стороне решетки, и она приподнялась с другого конца. Штука была тяжелой, но при этом была не закреплена.

Гробовщик прошел мимо меня и снова прижался к анатомическому плакату между шкафами. Поначалу я думал, что он испуган. Но выбор этого странного места и его любовь к потайным дверям как бы намекали...

Я вытащил пистолет и направил дуло на Генри Сика.

— Что ты прячешь?

Сик тут же вспотел, как свинья. Он поднял руки, но не над головой, а так, чтобы я видел его ладони.

— Н-ничего. Прошу вас, мистер Макдональд, я могу все объяснить.

Плевать я хотел на его объяснения. Мне нужны были ответы, а

получить их я мог только самостоятельно.

— Отойди от стены.

Я повел дулом. Он послушался и освободил проход между шкафами.

Не сводя с него глаз, я подошел к стене и толкнул плакат свободной рукой. Он поддался, открывая потайную дверь.

Я уставился на Сика.

Он ответил мне своей крысиной улыбкой.

Такое случалось и раньше, и всякий раз меня это бесило. Я ненавижу, когда меня пытаются использовать, заставляя разгребать за другими дерьмо. Где налажал Сик, я пока не понимал, но если дело началось с пропавших и выпотрошенных трупов, приятного будет мало.

Я дал ему еще один шанс выйти сухим из воды.

— Что там? — спросил я, указывая на приоткрытую дверь.

— Т-там... просто мой рабочий кабинет.

Я покачал головой, шагнул вперед и врезал ему пистолетом по морде. Сик взвизгнул, осел на пол, грохоча костями, и начал всхлипывать. Я как раз собирался двинуть ему ботинком в голову, когда услышал за спиной щелчок затвора.

Это был Хендрикс. Триста фунтов живого копа. Волосы у него были сальными и редкими, косо зачесанными на огромную плешь. На лице, густо покрытом оспинами, выделялись две толстые мохнатые брови, которым едва хватало места на низком лбу. Добавьте к облику мятый костюм цвета гнилой горчицы — и получите Хендрикса.

— Убери пушку, Хендрикс, — сказал я. — Туту меня клиент внезапно превратился в подозреваемого.

Хендрикс продолжал в меня целиться, шагая по комнате.

— Мои деньги все еще у тебя?

— Да.

Он убрал пушку. Милый парень с манерами скорпиона.

Я сказал ему приковать Сика наручниками к пустому столу и не коситься на бабушку, а затем проверить тела в холодильниках.

Хендрикс, то ли потому, что был тертым копом, то ли по природному пофигизму, видом потрошенных трупов не впечатлился. Он вообще не среагировал на них, даже не моргнул.

Зато потом, осмотрев последнее тело, Хендрикс развернулся и пнул Сика по почкам.

Я к тому времени уже открыл потайную дверь и таращился на короткий, не длиннее метра, бетонный коридор. Я шагнул внутрь, Хендрикс наступал мне на пятки.

Коридор заканчивался небольшой комнатой, совершенно темной, так что разглядеть ничего не удалось. Я пошарил по стенам в поисках выключателя, но ничего не нащупал. А потом по липу скользнул шнурок. Я схватился и потянул.

— Боже! — охнул Хендрикс, когда под потолком зажглась тусклая лампочка.

Потайная комната действительно оказалась рабочим кабинетом. Вот только работа в этом кабинете не имела ничего общего с обычными похоронными услугами.

В центре стоял операционный стол, изначальный цвет которого давно скрылся под слоями засохшей крови. И не только крови. Там был мусор, ошметки и обрезки присохшей до окаменевшего состояния плоти. Я посмотрел на пол: стока или слива, как в главной комнате, здесь не было.

Рядом стоял столик поменьше, на котором лежал полный набор хирургических инструментов, от маленького скальпеля до пилы. Все они, как и столик, были точно так же заляпаны кровью и остатками тканей.

Но впечатляло не это, впечатляли предметы на полках, заполонивших всю комнату от пола до потолка.

Там была Рука Славы, свечка, сделанная из руки мертвеца. Легендарный атрибут магии и мистицизма, который, предположительно, позволял владельцу проникнуть куда угодно незамеченным и украсть все, что он пожелает.

Рядом с ней расположилась статуя Анубиса, египетского бога мертвых, и небольшая фигурка Бафомета, общий символ сатанистов от Средневековья до Алистера Кроули.

Остаток полок занимали книги, древние тома вперемешку с современными дешевыми брошюрами, все об оккультизме.

А там, где не было книг, располагались банки. В банках лежало и плавало самое разнообразное дерьмо, которое у обычных людей ассоциируется с волшебством, черной магией и оккультизмом. Было несколько банок с человеческими ногтями. Я заметил в одной глазные яблоки, судя по всему, человеческие, а в следующей банке человеческий же скальп. На банке со скальпом пристроилась баночка поменьше, с какой-то дрянью вроде ногтей внутри.

Слева тянулись полки с химикатами и порошками. Аккуратненькие, ну прямо как ряды баночек со специями в кухне. Там были и обычные в оккультизме соль, корень танниса, кникус благословенный, мандрагора и полынь. И более редкие вещи вроде тетродотоксина, порошка, который превращал живых людей в зомби, и флакона с экстрактом дурмана, который

использовался для погружения в транс.

Я уже видел такую фигню раньше. Похоже, Генри Сик не просто обряжал покойников перед похоронами.

За моей спиной Хендрикс выдал более бурную реакцию.

— Господи, какого хрена этот придурок тут вытворял?!

Я посмотрел через его плечо назад. Сик, прикованный к столу, сидел и прислушивался к каждому нашему слову.

— Я думаю, Сик играл с телами. А когда игры закончились плохо, позвонил вам, ребята, чтобы прикрыть свою задницу, а потом мне, чтобы я тут прибрался.

Хендрикс явно ничего не понимал и очень хотел сблевать.

Я наклонился так, чтобы гробовщик меня увидел.

— Здорово прозвучало, а, Сик?

Гробовщик повесил голову и всхлипнул.

Я вышел из комнаты, увидев все, что мне было нужно. Хендрикс опять следовал за мной, но на сей раз он шел гораздо быстрее. Старый тертый коп был порядком напуган, но держался.

— Так какое дерьмо ты должен был прибрать, Макдональд? — рывкнул он. — И где мои деньги?

Я отдал ему половину обещанной суммы. И сказал, что вторую половину он получит, когда мы закончим работу.

— Закончим? — заныл коп. — Я отвезу Дока Больноголового в участок, и все дела. Что тут заканчивать?

Я оттолкнул Сика в сторону и потянулся к решетке слива на полу. Веса она фунтов тридцать. Подняв и отбросив люк, я посмотрел на копа.

— Нужно спуститься и найти то, что он создал. И... разобраться с этим.

Хендрикс покосился на люк, как ребенок, только что уронивший мороженое.

Я знал, что он чувствует. Так бывало не раз и со мной, стоило мне влезть в проклятую канализацию. Я даже подумал о том, чтобы позвонить гулям, пусть они ищут. Но руки я уже испачкал, так какого хрена?

Я спустился первым. Дыры как раз хватило, чтобы пролезть. А вот толстяку Хендриксу пришлось изрядно повозиться. Чтобы протиснуть в люк его пузо, мне пришлось дергать копа снизу за ноги.

На связке ключей у меня был фонарик. И пока Хендрикс ныл, ругался и жаловался на то, что испортил кровью костюм, я успел осмотреться.

На стенах была кровь, немного, но достаточно, чтобы определить путь.

Мы оказались в узком проходе и двигаться могли только поодиночке. Я пошел первым. Хендрикс плелся следом, ругаясь на каждом шагу.

Примерно в сотне ярдов нас ждал перекресток тоннелей. Можно было пойти прямо, направо или налево. Крови или других следов тут уже не было. Я решил, что нам лучше разделиться. Хендриксу идея не понравилась, пришлось отдать ему вторую половину денег, после чего он согласился идти направо, в то время как я пошел вперед.

Как только мы разделились, я проглотил несколько таблеток и закурил. Шагая по колено в дерьме, можно позволить себе маленькие радости.

Было темно, воняло мочой и рвотой, а также гнилым мясом — для разнообразия.

Я подсвечивал себе дорогу фонариком и сигаретой и через сотню ярдов начал сомневаться, что выбрал верный путь.

То, что Сик развлекался с мертвецами, еще не значило, что у него все получилось. Пока что я знал только то, что он возился с порошками для зомби и загадил комнату так, что я чуть не сблевал.

Размышляя, я заметил впереди что-то странное. В темноте оно казалось кучей мусора или еще какой-то дряни, принесенной канализационными стоками. Но чем ближе я подходил, тем яснее было, что это не просто мусор.

Я вытащил пистолет и бросил окурок в воду, освобождая руку для фонарика. И двинулся дальше.

Куча оказалась двумя голыми мужскими телами, черным и белым. Их бросили друг на друга, лицами вверх, и сомнений в том, что это пропавшие трупы бездомных, не оставалось. Таки не дождались ребята законного погребения.

Их черепа были проломлены слева чем-то вроде бейсбольной биты.

Или кулака.

Оба тела щеголяли Y-образными разрезами, которые делают во время вскрытия. Разрезы шли от груди к паху. Обычно их потом зашивают толстыми нитками, но кто-то разорвал швы, и внутренностей у ребят не осталось. Все внутренние органы исчезли.

Вокруг тел валялось что-то вроде упаковочного материала, древесной стружки или соломы. Частично набивка была разбросана, но кое-где еще торчала из разорванных тел.

Выглядело это так, словно кто-то полез за органами и очень расстроился, когда их не обнаружил.

Все сходилось. Три пропавших тела. Два из них лежат передо мной, одно исчезло. Плюс увлечение Сика магией вуду. Ясно, что третий труп

гуляет где-то поблизости и ищет себе органы, вырезанные заботливым колдуном.

Примерно тогда я и услышал вопль Хендрикса, а затем выстрел, который в тоннелях прозвенел не хуже взрыва.

Я оглох на секунду и не смог определить источник звука, так что просто помчался обратно к перекрестку, у которого мы разделились. И вскоре услышал вой Хендрикса.

Я бежал по тоннелю, на ходу вытаскивая дробовик. Хрен с ним, с фонариком. Мне нужно оружие.

Далеко бежать не пришлось.

Хендрикс истекал кровью у перекрестка канализационных тоннелей. Бок у него выкусили, как спелую дыню. Кишки расплескались по бетонному полу, и выглядело это так, словно кто-то сблевал лапшой быстрого приготовления.

Ясно было, что долго он не протянет.

Хендрикс посмотрел на меня, по его двойному подбородку стекала кровь.

— Я нашел его.

Мне удалось даже улыбнуться. Он хотел погибнуть, как герой, и хотя бы в этом я мог ему помочь.

Хендрикс закашлялся, его тело затряслось, и в открытую рану вылезла очередная порция внутренностей.

— Хочешь, чтобы я кого-нибудь позвал? — спросил я.

— К... какой, на хрен, в этом смысл? — Он снова закашлялся. — К тому же... я же подхалтуривал. Меня все равно уволят.

Я оглянулся по сторонам и снова посмотрел на Хендрикса. Его глаза закрывались.

— Куда он ушел?

— Жуткий урод... оч... чень... быстрый. Он пошел к Сику.

Я хотел рвануть обратно, как только услышал это, но просто не мог оставить Хендрикса умирать в одиночестве. Поэтому я раскурил косяк и сунул ему в зубы. Хендрикс затаился, сигарета выпала из его губ в лужу, и его глаза закрылись навсегда.

Я оставил его лежать, а сам побежал обратно к люку, через который мы спускались. Тоннели были узкими, я на каждом шагу задевал стены, ободрал плечи и стукнулся головой, но все же добрался до нужной дыры.

А поднявшись, понял, что опоздал. Генри Сик был прикован к столу. Его череп был проломлен также, как у двух трупов в тоннеле. Я видел осколки костей и кровь, сочащуюся на разбитый мозг. Но выпотрошен он

не был, хотя одежду на животе порвали. Наверное, мое появление спугнуло зомби.

Я быстро огляделся, сжимая в каждой руке по стволу. Кроме меня, старой леди на столе и Генри Сика на полу, в мертвецкой никого не было.

Но потайная дверь за анатомическим плакатом была закрыта, а я точно помнил, что мы с Хендриксом оставили ее распахнутой.

Я взял дробовик и пистолет и подошел к двери. И начал поднимать ногу, чтобы запустить отпирающий механизм. Это было очень глупо с моей стороны, потому что дверь открывалась наружу. Распахнувшись, она сбила меня с ног. Я выронил оружие и грохнулся затылком о второй разделочный стол.

И лежал на спине, таращась на третий из пропавших ничейных трупов. У него был такой же Y-образный разрез, грубо сшитый толстыми нитками. Но брюшная полость не была пустой. Брюхо выпирало под давлением засунутых туда чужих органов. Торс зомби был вздувшимся и бесформенным.

Черный шов и кожа были туго натянуты и выглядели так, словно в любую минуту готовы порваться.

В руке мертвец сжимал какой-то инструмент с тремя окровавленными зубцами — что-то вроде садовой мотыги или граблей. Возможно, какая-то хирургическая дрянь, но мне было плевать, как она называется, потому что мертвый хрен пошел с ней в мою сторону и мне резко стало не до терминологии.

Мертвец прыгнул. Я перекатился, заставив его врезаться мордой в каталку с трупом старой леди.

Вскочив на ноги, я быстро столкнул оба стола, посылая их между собой и мертвецом. К сожалению, оружие осталось с его стороны. Пришлось схватить с подноса Сика самый большой скальпель.

В пустых глазах мертвеца не было ничего осмысленного. Они подернулись серой пленкой, с губ текла пена. Что бы ни сделал Генри Сик, чтобы вернуть его к жизни, ничего хорошего не вышло. Передо мной был безмозглый убийца. И помимо страсти к собиранию органов, его вряд ли что-то интересовало.

Двигался я быстро.

Я перескочил в проем между шкафами для трупов. Мертвец шагал ко мне, вскинув над головой свою вилку.

Я резанул его по груди, там, где сходились два шва, перетекая на живот. Острое лезвие вспорол нитку, как горячий нож испаривает воск. Что-то лопнуло и треснуло.

Мертвец замер, глядя, как расходится шов на брюхе и органы вываливаются на пол, словно дохлые жабы. Там было несколько сердец, почки, легкие, печенки, селезенки и всякая прочая фигня — все смятое и перепутанное на манер соломенной набивки.

Труп впервые издал хоть какой-то звук. С жалобным всхлипом он опустился на колени и начал заталкивать органы обратно. Швы разошлись, и органы выпадали после каждой попытки.

Честно говоря, было в этом зрелище что-то печальное. Мне стало жаль несчастного уродца. В том, что случилось, виноват был Генри Сик, но злиться на него бесполезно, потому что он уже мертв. Труп, по крайней мере, отомстил. Как по мне, хоть какая-то справедливость.

Мертвец собирал, засовывал и ронял органы, а я рассматривал потайную комнату, пытаюсь понять, чего же добивался Сик.

Хотел побороть смерть и заработал синдром Франкенштейна? Или постоянная работа с трупами толкнула его на попытку обрести бессмертие?

Черт, да может, ему просто стало одиноко и он решил слепить себе друзей.

Я обошел столы и поднял глок, закатившийся под столик со старой леди. Сунул пистолет в кобуру и побрел искать дробовик.

Он валялся совсем рядом с мертвецом, который возился в луже крови со своей коллекцией органов.

Мертвец не среагировал, когда я вытащил из-под него дробовик. И даже когда я прижал дуло к его затылку.

Он просто собирал и заталкивал в себя органы, они выпадали, он снова их собирал и снова заталкивал.

Выстрел прервал заикленный ритуал, расплескав мозги мертвеца и ошметки его черепа по всей комнате.

Мертвец рухнул на свое собрание внутренностей, пару раз конвульсивно дернулся и затих.

И я остался в тишине, один посреди мертвецкой, в компании трупов, которые были не пойми чем и неизвестно чем еще могли стать.

Я нашел тряпку и тщательно протер все поверхности, которых касался, а затем попятился по лестнице наверх и повторил те же действия в приемной.

Приехав сюда, я умудрился не заметить вывеску: «Мы позаботимся о ваших близких, будьте покойны».

Не знаю почему, но я вытаращился на этот текст и ржал, как безумный, даже дойдя до машины. Возможно, от абсурдности всего происшедшего. А может, потому что я опять завершил одно из многочисленных дел, за

которые мне не заплатят. Черт, да я сам потратил на него пару сотен. И в итоге остался внакладе.

А может, меня смешило то, что на хвосте у меня висели копы, и я прекрасно представлял, что с ними будет, когда они увидят сцену в подвале и спустятся потом в канализацию.

Если бы я не знал, что там произошло, у меня бы тоже голова пошла кругом от такого идиотизма.

Так или иначе, во всей этой отвратительной фигне было немало забавного.

ДЖОИ О'БРАЙЕН

Маловероятное спасение Джаред Пирса

Джаред не знал, что он рассчитывал увидеть, но уж точно не то, что увидел на самом деле. У существа на заднем сиденье была странная коричневая кожа, похожая на обгоревший кожзаменитель. В затянутой в перчатку руке оно сжимало пистолет с огромным дулом. Джаред понимал, что, если попробует не подчиниться приказу, мистер Хрустящая Корочка выстрелит без промедления. Рассмотреть его в густой тени не удавалось. Джаред взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида и резко выдохнул. Узкий полумесяц лезвия охватывал его шею сразу под адамовым яблоком. Лезвие жестко крепилось к подголовнику, и стоило Джареду чихнуть, оно наверняка оставило бы его без головы.

Счастливого, мать его, Рождества.

Собрание анонимных алкоголиков было лучшей частью этого вечера. Учитывая праздничный соблазн, решение спрятаться там в рождественский вечер было довольно мудрым. К тому же после встречи оставалось время на то, чтобы добраться до дома. Но Джаред дошел только до стоянки. Последним, что он помнил, был укол чего-то горячего в шею, когда он опустил за руль своей «пинто». Голова закружилась, мир перед глазами померк, а когда Джаред пришел в себя, его тыква превратилась в карету. Вишневая отделка салона и такого же цвета капот подсказали, что он уже не в своей машине. Вместо крошечной «пинто» он оказался за рулем «бьюика», стоящего не на парковке, а в каком-то сарае. Голова гудела. Джаред попытался собраться с мыслями. Что с ним произошло?

— Тиопентааал натрррия, — пропело существо с заднего сиденья. Голос был хриплым и свистящим, как шелест гравия и вой ветра в дымоходе. — Небольшая доза, только чтобы расслабить... — Когда он говорил, испещренная шрамами кожа перекачивалась волнами. — Заводиии машшшину.

Джаред инстинктивно потянулся к алкотестеру, который всегда держал под рукой. Сила привычки. После той аварии он никогда не заводил «пинто», предварительно не подув в трубочку. Поначалу это было унижительно. Потом начало успокаивать — ритуал напоминал ему, что он справился с проблемой. И вот — простой поворот ключа, и мотор замурлыкал. Так легко. Джаред не доверял такой легкости.

Внезапно включилось стерео, и Нэт Кинг Коул взревел ему в ухо: «Вести ангельской внемли!»

Джаред вздрогнул от неожиданности, и лезвие обожгло ему шею. Рука инстинктивно взлетела к ране, но остановилась, когда Джаред ощутил поток горячей крови. Он ахнул и застыл.

— Осторожшшно.

Существо помахало ему с заднего сиденья, указывая на огромный кассетник.

— Мой отец ссоставил ее на кажшщдое Рожшщдество, каж-шщдый Новый год. И в ту ночь, когда нашшша машина врезалась в яблоню. Яблок было много, они падали вездссде. Тридцать пять лет назад. Мннне было девять лет. Машина загореласссь. Отец умер сссразу, а я выжшшил.

«К сожалению», — подумал Джаред.

Существо наклонилось вперед и положило что-то между сиденьями. Джаред скосил глаза, стараясь не двигаться.

Бутылка текилы. Он сглотнул. С трудом.

— Ты будешшшь праздновать, как он. Мы поедем. Будем ехать и пить, пока не врежшшшемся. Вссссе должшшно быть, как раньшшше. Если кончится бензин, я тебя отпущу. Но есссли мы врежшшшемся...

Джаред не мог отвести глаз от бутылки.

— Если мы врежемся, ты тоже не выживешь.

Существо на заднем сиденье фыркнуло.

— Всссе авариии прошшли для меня бессследно. Я просссто вссставал и уходил.

Джаред вздрогнул.

— Ты делал такое и раньше?

— Пресса назссывает меня Сссчастличик...

Щелк. Мистер Счастливчик взвел курок.

— Пей.

Джаред помедлил, но взял бутылку.

— Один водитель однажшщды перевернул ее, — сказал мистер Счастливчик. — Хотел вылить, но я его застрелил.

Джаред собрал волю в кулак, поднося бутылку ко рту. Он должен был послать к черту долгие годы воздержания. Когда он напился в последний раз, погибло четыре человека. В бутылке плавал червяк — еще одно напоминание о могиле.

Текила обожгла Джареду губы. Что-то внутри его закричало. И тут червяк дернулся. Джаред закашлялся, заливая текилой рубашку.

— Червяк, он...

— Я сссам его сссделал. Чуть меньшнше мескаля, и гусеница живет. — На слове «гусеница» он сделал ударение, исправляя Джареда. — Внутри гусеницы — чудная бабочка. А в червях одно говно. Пааапочка любил текилу. И любил жрать гусениц. — Мистер Счастливчик прижал дуло к виску Джареда, толкая его голову на лезвие. Джаред напрягся, сопротивляясь.

— У нассс одно правило, только одно: не останавливаться. Пересссстанешь пить, перестанешь гнать, и я тебя засsstrелю.

Джаред вывел «бьюик» на грунтовку, едва не ободрав его бока о стены сарая. Водить «пинто» было гораздо легче. А «бьюик» напоминал ему старый «линкольн», тот, который и стал причиной трагедии. Джаред всю жизнь любил большие машины, но с тех пор предпочитал водить нечто менее опасное.

— Куда едем? — спросил он.

— Ты ведешшь, — просипел Счастливчик, не убирая пистолета.

Джаред лихорадочно размышлял, поворачивая с грунтовки на пустынное загородное шоссе. Больше всего ему хотелось проснуться от этого кошмара. Он выбрал небольшую загородную дорожку, чтобы появилась возможность подумать, собраться с мыслями, и ехал не торопясь. Поначалу Джаред боялся, что мистер Счастливчик начнет возражать против черепашьей скорости, но тот молчал. До тех пор пока Джаред не нарушал правила, беспокоиться можно было только о железном ошейнике.

Но и этого было достаточно.

— Сссначала я заменил ремень безопасссности на лезвие. Номер два боялссся шипов, которые торчали из водительссской двери. Третий знал о гранате в подушшшке безопасности. — Счастливчикулыбался, словно его щекотали. — Тебе известно, что некоторые считают, будто отрезанные головы сссоображают еще пятнадцать секунд? Это не доказано, хотя многие пытались это выяснить. Но не узссснаешь, не проверишь. Надеюсь, тебе повезет...

Хихиканье с заднего сиденья.

— Каждая секунда — это дар, веееерно? — Хихиканье перешло в смех, потом в кашель.

Джаред искренне пожелал Счастливчику задохнуться, но пока что он сам сидел с проклятой удавкой на шее.

Старый добрый Кинг Коул пел о рождественской елке: «Хе-хе-хе, хо-хо-хо, посмотрите, как я счастлив, как мне сильно повезло». Джареду очень хотелось разбить кассетник.

Но вместо этого он снова глотнул из бутылки. Вкус был адский. Это

был вкус того самого ада, в котором он будет видеть четыре детских личика, обвинявших его в своей смерти. Джаред слышал их голоса. Нужно было позволить себя застрелить. Джаред изо всех сил игнорировал голоса. Он был *жив*. Осталось только понять, как сохранить это чудное состояние. Если он остановится, то либо пуля сделает ему лоботомию, либо он сыграет в Марию Антуанетту благодаря проклятому ошейнику. Джаред скосил глаза, рассматривая салон. Использовать в качестве оружия можно было разве что бутылку с текилой. Но использовать ее, не обернувшись, он не может, а при попытке развернуться он снесет себе голову. На чистую силу рассчитывать не приходилось, а значит, нужно действовать хитростью. Оставалось только надеяться, что он привлечет к себе внимание, а мистер Счастливчик не захочет сразу расстаться с добычей.

БИИП!

Сердитый «жук» плелся в хвосте едва ползущего «бьюика». Водитель мигал фарами и сигналил. А когда пошел на обгон, сердце Джареда затрепетало. Он закричал, развернувшись к окну, насколько позволял ошейник.

— Помогите! Меня похитили!

— Окна затонированы, — пробулькал Счастливчик. — Они тебя не увидят...

И он был прав. Водитель «жука» показал им средний палец и заорал что-то неразборчивое.

— Нет... Нет!

Джаред потянулся к дверце, чтобы опустить стекло. Ручка не повернулась. Сзади захихикали. Счастливчик явно наслаждался своей предусмотрительностью. Джаред включил дальний свет, но удаляющаяся машина не среагировала. Он увеличил скорость, но «жук» уже исчез в темноте.

Джаред позволил машине сбавить скорость до менее угрожающей.

— Ты не пьешь, — сказал дьявол у него за плечом.

Джаред приложился к бутылке. Без промедления. Подбросил углей в топку своей судьбы. Ненависть не позволит ему сдаться. Джаред принял решение: ни за что на свете мистер Счастливчик не выберется из этой машины живым. Перебрав несколько маловероятных сценариев, один абсурднее другого, он вдруг понял, что нужно делать.

Офицер Харрис.

Харрис парковал свою машину за проржавевшим рекламным щитом «Кэй Панкейкс» у выезда на двухполосную 115 Интер-стейт и поджидал там неосторожных гонщиков. В целом штате не нашлось бы более

предсказуемого места для засады. Джаред часто проезжал мимо него, направляясь в Такому. Местные вполне резонно подозревали, что полицейский просто любит тишину и покой. Другого объяснения тому, что он уже несколько лет отказывался менять место засады, найти не удавалось. Харрис не был хорошим копом, но пистолет и рация были при нем, а привлечь к себе внимание Джаред сумеет. Это был его шанс, единственный шанс.

Джаред аккуратно развернул машину.

— Куда м-мы едем, папочка?

Голос Счастливого зазвучал иначе. Он словно старался говорить как ребенок, но Джаред представил Элмо^[14] со скальпелем в гортани. Карикатура, возникшая в мозгу, была убедительной, но чертовски жуткой.

— Домой. — Джаред решил ему подыграть, чтобы Счастливчику не захотелось вдруг снести ему голову.

— Тебе нужно пересссстать пить, папочка, — ворковал Счастливчик. — Маааама ссказала, у тебя проблемеемы с этим. У тебя мноооого проблем поссле войны.

Джаред сопоставил факты. Значит, папаша Счастливого, до того как покрасить приборную доску в цвета американского флага и влететь в старую яблоню, успел послужить на благо родины и в итоге начал искать спасения в бутылке.

— У меня нет проблем, сынок, — сказал Джаред.

Слова давались ему легко, хотя «сынок» вырвался только под действием алкоголя. Он уже говорил такое раньше, и не раз. Слишком много раз до того случая. После Джаред взял себя в руки и многое в себе исправил, но сделанного не воротишь. Четверо погибших, старшему всего семнадцать. Дети.

Джаред отключился при столкновении. Он тогда возвращался с игры, но был слишком пьян, чтобы помнить, кто с кем играл. Возвращаться решил по Такома-вэлли. Не потому, что ему нравился вид. Просто это был кратчайший путь домой. Поначалу все шло хорошо, он даже не заметил, что его вынесло на встречную. А дети возвращались с вечеринки на мамином «крайслере». Мать собиралась устроить дочери взбучку за то, что та взяла машину без разрешения. Но вскоре этот факт перестанет ее заботить.

«Линкольн» Джареда ударил в «крайслер» сбоку, когда тот выруливал на свою полосу. Машина с детьми проломила ограждение и рухнула вниз, в каньон под утесом. Джареда стошнило, когда он подошел к краю и увидел обломки, разлетевшиеся по камням. Он заплакал, нашел осколок лобового

стекла и перерезал себе горло.

Но каким-то образом выжил.

Судья счел попытку суицида доказательством искреннего раскаянья и приговорил Джареда всего лишь к двум годам заключения. Это было его первое нарушение, до этого Джаред был примерным гражданином. Восемь месяцев тюрьмы, по два за каждого ребенка. Родственники погибших были в ярости, но ничего не могли сделать. Со временем все они переехали, надеясь начать новую жизнь подальше от места трагедии.

Досрочного освобождения Джареду не предлагали, да он и не воспользовался бы предложением. Жить в тени того, что он совершил, было нелегко. Стоило ему лишь подумать о выпивке, и одного взгляда в зеркало было достаточно. Шрам, протянувшийся от уха до уха, был постоянным напоминанием о трагедии, случившейся той жуткой ночью.

Каждый вторник он приезжал на Такома-вэлл. Прошло много лет, но участок ограждения, выбитый тогда «крайслером», выделялся новизной на фоне изъеденного погодой остатка. Раз в неделю Джаред привозил своим жертвам новый букет. Но этого было мало. Это место преследовало его. Снилось ему каждую ночь. Во сне Джаред стоял на краю обрыва, с которого рухнул «крайслер». Каждую ночь одно и то же.

Сначала начинал чесаться шрам. Все сильнее и сильнее. Джаред скребся, как блохастая собака, и вдруг понимал, что под кожей у него что-то движется. Его шея разбухала, голова запрокидывалась. Шрам раскрывался, и оттуда выглядывало лицо. Из его шрама выбирался другой Джаред, голый и окровавленный новорожденный Джаред, неподвластный земному тяготению. Он выскальзывал из старого тела, как змея, сбрасывающая старую кожу, и парил в небе. Груз прошлого сменялся невероятной легкостью, невесомостью, безграничной свободой.

Он летел. Парил над долиной. Вид, который раньше вызывал только боль, теперь казался чудесным, завораживающим. И тогда Джаред просыпался. Сон исчезал, и оставалась только реальность, потолок спальни, алкотестер, которому приходилось ежедневно отсасывать, если он хотел попасть на работу, и воспоминания о детях, которых он убил.

Шрам уже не казался Джареду мрачным напоминанием из прошлого, он был приглашением, линией, которую проводят хирурги перед операцией, чтобы «резать здесь». И сейчас Джаред чувствовал, что гильотина была лучшим, что могла придумать его судьба. Возможно, все так, как и должно быть. У мироздания оказалось замечательное представление о справедливости.

А может быть и нет. На горизонте уже маячил рекламный щит «Кэй

панкейкс».

Две желтые линии на капоте «бьюика» извивались перед глазами, как гусеница из бутылки. Полупустой бутылки. Заблудившись в воспоминаниях, Джаред не сознавал, сколько пьет. *Это как езда на велосипеде.* Эта мысль обожгла Джареда. Спидометр показывал сорок пять миль в час. Этого мало. Харрис и не почешется, если машину не разогнать как минимум до семидесяти пяти. Джаред моргал, пока дорога из расплывчатых пятен не собралась опять в полосу асфальта. Раньше в таких ситуациях ему помогала пара пощечин, но с гильотиной на шее старая техника отрезвления явно была не при делах.

— Ты прааавда убивал людей, папочка?

Ублюдок выполнил домашнее задание, подумал Джаред, выжимая газ. Сколько он следил за ним? Затылок Джареда вжало в подголовник, «бьюик» набирал скорость.

— Мама сказаааала, они были плохие, — продолжил Счастливчик.

Джаред, пребывая в пьяном ступоре, не сразу сообразил, что тот говорит не о нем, а о своем отце. Солдате. Или, возможно, подумал Джаред, эти образы сливаются у него воедино. У них ведь много общего. Возможно, много общего и с теми несчастными ублюдками, которые оказывались за рулем одного из его раскрашенных под заказ «бьюиков».

Стрелка спидометра перевалила за пятьдесят пять, и каждая неровность на дороге стала весьма ощутимой. Джаред напрягся, потому что каждый рывок угрожал бросить его на смертоносное ожерелье. Поморщившись, он выпрямил спину. Уже виднелся потек нарисованного масла на щите «Панкейкс». Яичница и квадратный пласт сыра, бекон, блестящий от жира. Джаред ощутил, как поздний обед поднимается к горлу.

Шестьдесят две мили, шестьдесят три, шестьдесят четыре...

— Пааапочка, мы едем слишшшком быыыыстро!

Счастливчик улыбался отчасти ему, отчасти своим воспоминаниям, наслаждаясь дикой гонкой. Нэт Кинг Коул пел о надежде, об утешении усталых душ. Джаред счел это добрым предзнаменованием.

«Бьюик» пролетел мимо щита.

Джаред уставился в зеркало заднего вида. Ничего. Посмотрел на спидометр. Восемьдесят две мили в час. Он выдохнул, глядя, как исчезает из виду рекламный щит и остается только темнота.

И вдруг свет.

Переливы красного и синего в облаке пыли, из которого материализовалась полицейская машина, завывая сиреной и выбираясь на

шоссе.

Джаред позволил себе самодовольную улыбку, когда Счастливчик, убрав пистолет, привстал на заднем сиденье и обернулся. Полицейский догонял. Счастливчик развернулся, но он был радостным, а не испуганным.

— Только одно прррправило, — сияя улыбкой, пропел он.

Джаред надеялся на другую реакцию.

— Глаза открой, придурок, мы не выберемся!

Тишина в ответ.

— Остановимся мы или разобьемся, выживу я или умру, выйдешь ты или выползешь из машины, тебе конец!

Нет ответа.

— Они могут *помочь* тебе!

Вонь плесени ударила Джареду в нос, когда мистер Счастливчик придвинулся ближе и выдохнул ему в щеку:

— Ты все поооортишь, паааааапа!

Вблизи этот псих был в два раза страшнее, чем скрытый в тени, и Джаред инстинктивно отвернулся. Сияющее лезвие вокруг шеи не позволило ему отстраниться. К тому времени как Джаред сообразил, что может ударить врага бутылкой текилы, Счастливчик уже откинулся назад и завопил:

— Одно правило, одно правило, одно правило, одно правило!..

И поднял пистолет.

— Эй, эй! — запротестовал Джаред и отхлебнул из бутылки.

На этот раз текила ударила в голову, висок пронзило болью. Джаред прикусил язык, и боль помогла ему сосредоточиться. Он снова посмотрел на полицейскую машину. Харрис махал ему жезлом в окно. Хотел бы Джаред иметь такую штуку! Только подлиннее, чтобы мистер Счастливчик передумал насчет одного правила.

— Сейчас мы остановимся, и ты отдашь ему пистолет. — Джаред с трудом перевел дыхание. — Ты же не хочешь пострадать, сынок.

— Я должен был умереть. Я хочу умереть.

— Но не также, — продолжал увещевать его Джаред. — Ты хочешь умереть во время аварии. Со мной. И делать это снова и снова, пока все не получится так, как надо. Ну так этого не будет. Потому что я сейчас останавлиюсь. А если ты выстрелишь, копы превратят эту тачку и нас обоих в швейцарский сыр. И ты умрешь, как обычный преступник.

— Нет, папа, не говориииии тааааааак!!!

— Брось пушку, маленький говнюк, и папа о тебе позаботится.

Джаред едва успел газануть, когда заметил маневр Харриса. Тот

собирался ударить «бьюик» в заднее крыло. Полицейский почти потерял управление, но выровнялся. Проклятый Харрис, сидя на заднице, не растерял своих умений. Джаред стиснул зубы. Он не подозревал в старике таких амбиций. Тот собирался столкнуть «бьюик» с дороги. Достаточно одного удара, чтобы шею Джареда бросило на лезвие. Голову ему, возможно, и не отрежет, но рана будет смертельной. Харрис дал фору мистеру Счастливику, и Счастливчик это знал. В зеркале заднего вида его отражение дразнило Джареда, хватаясь за шею. Джаред поймал его взгляд отчаянно, но уверенно. *Да ни за что на свете...*

Он газанул, прикидывая свои шансы. Даже оторвавшись от Харриса и сохранив голову на плечах, он вернется к изначальной ловушке. Харрис вооружен, это единственный шанс против пистолета Счастливика. Выручила бы остановка, но как это сделать? Даже если Счастливчик не станет стрелять, Харрис врежется в капот, и с Джаредом будет покончено. Нужно застать обоих врасплох. Остановка должна быть внезапной, неожиданной, резкой, но так он сам оставит себя без головы. Джаред подумал, нельзя ли просунуть горлышко бутылки между лезвием и шеей. Но отказался от этой мысли, взглянув на бутылку. Тело было слишком широким, а горлышко недостаточно толстым. Заработает себе полную рожу битого стекла и все равно останется без головы.

Был и более мрачный вариант — просунуть перед железкой руку. Лезвие пройдет сквозь мышцы, как сквозь желе. Но кости — другое дело. Они вполне способны сохранить голову Джареда и станут преградой получше бутылки. Лучше быть одноруким, чем мертвым, подумал Джаред. По словам мистера Счастливика, у него будет пятнадцать секунд, чтобы понять свою ошибку.

Да пошло оно все!

Так, а что же дальше? Счастливика бросит вперед. Он будет дезориентирован. И у Джареда появится несколько миллисекунд, чтобы оглушить его бутылкой текилы. Или вырвать пистолет. Харрису нужно будет остановиться, выйти, вытащить...

— Пааапочка! — Счастливчик показывал пальцем вперед и смеялся.

Дорога раздваивалась.

Дорожные работы. В прошлый вторник их тут еще не было.

Времени на размышления тоже не было, и Джаред вывернул руль. «Бьюик» занесло, но он вписался в полосу. Визжащие шины оставили за собой черный след. Джаред напряг мышцы шеи, вены вздулись от дикого усилия. Одной рукой он держался за ручку кабины, второй упирался в руль. Его тело повело вправо, край лезвия вошел в шею. Затем «бьюик»

выровнялся, и Джареда бросило в противоположную сторону, на другое полукружье лезвия. Порезы были несерьезными. Кровь щекотала шею, но открывашка не сработала.

Сзади раздался пронзительный визг, грохот сминаемой стали и звон разбитого стекла. Джаред взглянул в зеркало и увидел, как патрульная машина кувыркается, влетев в разделитель. Он мог лишь с ужасом наблюдать, как груда железа, бывшая машиной, переворачивается в последний раз и замирает. Джаред застыл. Его нога соскользнула с педали газа, и мистер Счастливчик тут же ткнул в него пистолетом. Джаред нахмурился и свернул на извилистую дорогу к Такома-вэлл.

— С ним все будет в порядке. — Счастливчик сиял от удовольствия.

Джареду очень хотелось верить, что ремень безопасности и аварийная подушка сделали свое дело, но он не мог в этом убедиться. Попытки не думать о Харрисе тоже были бесполезными.

— Это здесь случилось, папочка? Ты здесь убил тех людей?

Джаред не ответил. Он не хотел об этом думать. Не хотел думать, точка. Горечь жгла ему внутренности, и Джаред присосался к бутылке. Счастливчик еще что-то тараторил, но Джаред его больше не слушал. Он сосредоточился на шоссе и на бутылке. Прошло столько лет, и вот на этой же дороге, снова пьяный и снова ночью он стал причиной еще одной аварии. Нужно было позволить Харрису сбросить «бьюик» с дороги, думал Джаред. Счастливчик тогда получил бы пулю или сгнил бы в тюрьме.

— Скажи мне только одно, — произнес он. — Почему ты выбираешь таких, как я? Тех, кто хочет завязать? Ты подстерег меня после встречи анонимных алкоголиков, какого же черта ты не подождал у бара кого-нибудь с залитыми зенками и ключами от машины в руках?

— Пааапа тоже считал, что броооосил! — огрызнулся Счастливчик. — И не раз... А все должно быть, как тогдаааа! — грустно закончил он, явно убеждая сам себя.

Джаред не дал ему продолжить.

— Я не твой папа.

Счастливчик вскинулся, но не возразил.

— К тому же, — добавил Джаред, — никто не может вернуться в прошлое.

Это было скорее признание, чем утверждение. Джаред улыбнулся и глотнул текилы. Изнутри поднималось тепло, и он впервые позволил себе насладиться этим ощущением.

И провел «бьюик» чередой крутых поворотов. Счастливчик взвизгнул и нервно засмеялся, пытаясь не показать, что, несмотря на браваду,

внезапный рывок Джареда его напугал.

— Эээто весссело.

«Ага, — подумал Джаред. — *То ли еще будет*».

Он наконец понял, что двигало жалким созданием на заднем сиденье «бьюика». Счастливчик любил и ненавидел своего отца. Хотел умереть вместе с ним и в то же время хотел убивать отца снова и снова за то, что тот с ним сделал. Противоречие, которое имело смысл лишь для тех, чьи шрамы не только на коже. Джаред запрокинул бутылку. Дорога расплылась. Извивающаяся гусеница попала ему в рот с последними каплями алкоголя. Бутылка выпала из руки на следующем повороте, машина резко нырнула вниз.

Энтузиазм Счастливчика сменился неуверенностью.

— Что ты дееелаешь, папочка?

«Бьюик» врезался в ограждение. В ту самую секцию, что была чуть ярче выбеленных погодой соседних перегонов.

Джаред почувствовал, как спина отрывается от сиденья. Тело прошило ударом молнии, нервные окончания ожили все разом и на миг взвыли от жуткой боли. Что-то теплое потекло по его щекам, и он удивился приятному ощущению. Он словно взлетел над телом, над приборной панелью, прошел пустой прямоугольник на месте бывшего ветрового стекла. Все было так, будто он сидел в кинотеатре, и вдруг его катапультировало прямо в экран.

Он парил в звездном небе стеклянных осколков — ветровое стекло рассыпалось от удара. Частички стекла жалили его подбородок и лоб, но Джаред не чувствовал боли.

А затем стекло исчезло, осталась только ночь.

Долина раскинулась под ним дивной фреской.

Джаред ощутил невесомость.

Свободу.

Он летел.

Летел.

Ощущения были невероятными. Мир начал крениться, оборачиваться вокруг своей оси. Ландшафт развернулся на триста шестьдесят градусов, и Джаред увидел...

«Бьюик».

Да-да, Тот Самый «Бьюик», подумал Джаред, упиваясь блаженной эйфорией. Автомобиль застрял в ограждении, секция обняла его, выгнувшись луком. Разбитый радиатор исходил паром, колеса беспомощно вертелись над краем обрыва. Джаред сузил глаза, заметив себя на

водительском месте. Точнее, часть себя. Его руки мертвой хваткой вцепились в руль. На месте головы бил кровавый фонтан, окрашивая салон темно-красным. А за фонтаном виднелся мистер Счастливчик. И было сложно понять, смеется он или плачет.

Возможно, и то и другое.

Губы Джареда сложились в мрачную улыбку. Мистер Счастливчик скрылся из виду на следующем повороте. Земное притяжение вступило в свои права. Джаред больше не летел, он падал. Словно взобрался на самый верх американских горок и теперь пулей летел вниз. Обычно в такие моменты он испытывал тошноту. Но сейчас, когда желудок отсутствовал, проблема решилась сама собой, и Джаред впервые наслаждался свободным падением. Эта мысль заставила его рассмеяться, но при этом он не издал ни звука.

Земля внизу повернулась, сменилась небом и снова «бьюиком». Джаред был благодарен судьбе за этот взгляд, пусть и короткий. Приятно было осознавать, что все прошло, как и было задумано. Задние колеса «бьюика» все же не застряли в ограждении, иначе он бы умер напрасно. «Бьюик» сменился утесом, сменился небом, сменился долиной, которая все приближалась и ждала его. Джаред подумал о том, сколько же времени прошло. Пятнадцать секунд, так, кажется, сказал Счастливчик?

Мир завертелся быстрее.

Десять? Двенадцать?

Три...

Господь повернул выключатель в голове у Джареда, остекленевшие глаза остались открытыми, пока голова не встретилась с землей. Череп раскололся от удара, голова отскочила с пути «бьюика», который, как по заказу, приземлился на то же место в какофонии металлического скрежета.

На этот раз мистеру Счастливчику не суждено было уйти с места аварии.

Ни за что на свете...

Разбитая голова Джареда откатилась и застряла в зарослях кактусов. Он мог бы улыбнуться. Он реабилитировался. Убил плохого парня. Он победил.

Последние звуки «Рождественского альбома» Кинга Коула с хрипом прорвались из разбитых динамиков:

Маленький Иисус преклонил головку,
Звезды смотрят с неба на него,
На маленького Иисуса, заснувшего в яслях...

Из разбитого рта Джареда выбралась гусеница. Единственное существо, пережившее катастрофу, проползло по его подбородку, обогнуло колючки кактуса и двинулось к земле у самых корней.

В этой гусенице росла чудесная бабочка.

ГРЕГ КИН

Королева группы

— Дорога в рай рок-н-ролла вымощена побелевшими черепами таких, как он, — зачитал я вслух из «Сливленд плэйн дилер».

Это была рецензия на наше выступление в «Агоре», состоявшееся прошлой ночью.

Череп затыкнулся «Мальборо». Бас-гитаристы всегда задают правильные вопросы, и он не подкачал:

— Таких, как кто?

— Кажется, это обо мне.

— Ну, так они просто обнаглели. По-моему, мы вчера жгли.

— Мы и жгли. Но разные люди смотрят на вещи по-разному. Может, он любит прогрессивный рок.

— Да что он вообще понимает? Этот засранец даже играть ни на чем не научился.

У Черепа была непробиваемая логика. Он никогда не судил о том, как кто-то справляется со своей работой, если не умел сам выполнить ту же работу, только лучше.

Именно поэтому рок-критики не ладят с музыкантами. Закон рока делает их вечными аутсайдерами. Он запрещает все, что хоть отдаленно, но враждебно принципу «Мы против всех», который все мы поклялись соблюдать. Этот принцип — живая кровь каждой группы. Мы живем по закону. Иногда только это «Мы против всех» и удерживает группу от распада. Пока есть заказы и выступления, закон жив, а значит, жива и группа. И всегда звучит «Мы против мира».

К тому времени, когда состоялся этот разговор, наша группа путешествовала уже несколько месяцев. Это был единственный способ сохранить приток денег. Мы работали с крошечной студией звукозаписи, поэтому ради экономии арендовали в Нэшвилле старые туристические автобусы. Ржавые, скрипучие, с богатой историей и продавленными сиденьями, которые вдобавок еще и воняли.

Вечером мы собрались перед «Свинго селебрити пэлес» и ждали, когда приползет наш новый транспорт, чтобы увезти к очередной точке бесконечного тура. В январские 17:30 уже горели фонари, вокруг них клубился холодный туман.

Череп швырнул сигарету на грязный снег и закурил следующую.

— Надеюсь, новый автобус будет лучше прежнего дерьма. Я себе задницу отморозил, спасибо сломавшейся печке.

Я покосился в начало улицы. И услышал это раньше, чем увидел: жуткий скрежет тормозов и дребезжащий рык сцепления. Что-то крупное рычало на помешавшие ему машины.

А потом из-за угла вынырнул свет фар и появился он — кашляющий мотором Силвер Игл, в облаке дыма и с искрами из выхлопной трубы. Он выплывал из тумана, словно корабль-призрак. Фары казались Светящимися глазами, уставшими от суточного перегона. Края переднего бампера обвисали, создавая унылую гримасу. Зашипев тормозами, автобус подкатился к нам.

— Ничего хуже я в жизни не видел, — сказал Череп. — Я не полезу в эту душегубку.

— Еще как полезешь, — сухо сказал наш менеджер Бретт Кребс. — Нам повезло, что мы достали хоть этот. Все остальные в разгоне. Следующее выступление в Миноте, Северная Дакота, а она в тысячах миль отсюда. Это два дня пути. На следующей неделе я подыщу новый автобус. Но пока что мы имеем то, что имеем. Простите, ребята. Вините не меня, вините начальство. Я всего лишь исполнитель.

— Бретт, такие бешеные туры плохо сказываются на группе.

— Эй, не я подписывал ваш чертов график. Мое дело доставить вас на место вовремя.

Дверь автобуса зашипела и распахнулась с металлическим взвизгом, от которого я подпрыгнул. Внутри было темно. Бретт сунул туда голову и что-то сказал. С глухим вздохом замолк мотор, и мы услышали чьи-то шаги.

Это оказался крошечный человечек в огромной ковбойской шляпе. Он был действительно крошечный — полтора метра, считая шляпу. Этаким злобный доктор Фу Манчу^[15] с козлиной бородкой и обрубком сигары в коротких пальцах. Джинсы и рубашка человечка были мятыми и вонючими.

А голос шершавым, как наждак.

— Я Джимми. А вы, я так понимаю, группа?

— Она самая, не сомневайтесь. Вот договор, — сказал Бретт.

— О'кей. Ну ладно, вы, ребята, укладывайте багаж, а я пока поговорю с этим джентльменом. Пару минут — и поедем.

Череп соорудил страдальческую гримасу и с отвращением покачал головой.

Джимми бросил мне ключи от багажного отделения, расположенного в

нижней части автобуса.

Прямоугольное багажное отделение тянулось по всей длине автобуса и было закрыто двумя откидными дверцами. Днище и нижний край были заляпаны грязью и покрыты льдом. Я присел на корточки и взглянул на замок. И тут же поскользнулся, инстинктивно выбросив ладонь вперед, чтобы опереться на крышку и не упасть.

Крышка была холоднее льда. Намного холоднее. Настолько, что мою руку обожгло. Я ее тут же отдернул и начал трясти.

— Какого черта?

— Открывай уже эту заразу, — сказал Череп. — Нужно погрузить вещи и гитары.

Я посмотрел на замок, затем на ключи в моей руке. Выбрал подходящий и очень аккуратно, стараясь не прикасаться к металлу, вставил в замок. Ключ подошел, дверца с грохотом рухнула вниз. Наш единственный попутчик, Клифф, наблюдал за этим с изумлением.

— Осторожно! Эта штука, похоже, кусается.

Я уставился в чрево чудовища и вздрогнул. Отделение было темным и просторным, но у меня появилось плохое предчувствие. Из багажного отсека словно сочилось уныние, а тьма в глубине была плотной и казалась тяжелой. Меня чуть не стошнило, когда в нос ударила сладковатая вонь.

Я отскочил от автобуса, словно ткнувшись носом в бочку с аммиаком.

— Что не так?

— Ты что, не чувствуешь запах?

— Какой запах? Здесь ничем не пахнет. Иди наверх, выбери себе место. А мы с Черепом все погрузим.

Я не хотел больше подходить к отделению для багажа. Ни за что. Поэтому обошел автобус и заглянул в дверь. Я снова погрузился в странную меланхолию. Когда мои глаза привыкли к темноте, я смог увидеть выцветшую коричневую обивку, складной стол и крошечную микроволновку. Салон пропах сигаретами и старым пролитым пивом. Я двинулся к местам для отдыха.

Этот автобус явно знал лучшие времена. Все было ободренным и битым, двери на второй этаж в нескольких местах крепились изолентой. В углу я заметил маленький телевизор, прикрученный к стене. Кухонька была чистой, но тоже потертой. Крошечный холодильник пощелкивал и попукивал в углу.

Я подошел к купе и посмотрел на полки. Больше всего они походили на двухэтажные гробы. С одной стороны крепилась лампа для чтения, с другой было маленькое окошко, которое можно было закрыть занавеской.

Пространства между полками едва хватало, чтобы лечь и приподняться на локте. Я выбрал нижнюю полку и поставил на нее сумку, чтобы застолбить место. Мне крайне не нравилась мысль о том, что спать придется в этом царстве клаустрофобии.

Я отправился исследовать салон дальше. В последнем отсеке обнаружились два небольших дивана и еще один телевизор. С первого взгляда это место казалось наиболее уютным. Я присел и выглянул в окно. Багажный отсек уже закрыли, и группа полным составом поднималась «на борт».

Джимми взобрался на водительское сиденье. У него там были специальные приспособления, чтобы дотягиваться до педалей. Мотор мощно взревел, и автобус дернулся, просыпаясь. Мы отчалили от отеля в голубом облаке дыма.

— У меня от этой колываги мороз по коже, — сказал я Черепу.

— Это кливлендский пароход.

Я рассмеялся. Эту шутку мы слышали на вчерашнем выступлении: пароходом здесь называли исходящую паром в сугробе собачью какашку.

Череп сел и начал забивать косяк.

— Щас эта штука покажется сносной, — сказал он.

Я отправился в туалет. Места там едва хватало, чтобы закрыть за собой дверь. Зато можно было прислониться к ней спиной и не упасть — автобус ходил ходуном. Застегивая ширинку, я взглянул в зеркало. И увидел, что за мной стоит девушка с ярко-алой помадой на губах. Я развернулся, но она исчезла. Как и отражение. Зато появился знакомый тонкий запах. Он повис в воздухе, и я попытался его определить.

— Тут только что была девушка. Ты ее видел? — спросил я у Черепа.

— Нет. Слушай, чувак, появись тут девчонка, я бы ее не пропустил.

Череп подкурил и глубоко затянулся. А потом сдавленно, чтобы не выдохнуть дым, добавил:

— Может, это призрак.

Колеса монотонно отмеряли милю за милей. Прошло десять часов. Чертов автобус был похож на субмарину. *Das Boot*. Группа шаталась по салону, энергия требовала выхода. Череп сидел с ударником Джои и соло-гитаристом Ридом Уэйном. Они потягивали пиво и смотрели по телевизору «Грязного Гарри».

А я устроился за спиной Джимми. Станный человечек казался мне частью автобуса. Он без устали жал на педали своими удлинителями и хрюкал. В кабине трещало радио, Джимми потягивал кофе. Из салона

доносились содержательные беседы каких-то ребят с именами вроде Пес Дороги и Жирный Дизель. В свете приборной панели лицо Джимми казалось нереальным, искаженным. Я видел его отражение в ветровом стекле. Выглядел он как конченный маньяк.

Время все тянулось. Автобус катился сквозь ночь под «Лост хайвэй» Хэнка Вильяма. Когда вы много времени проводите в движении, мир воспринимается иначе. Кен Кизи^[16] был прав. Вы либо в автобусе, либо нет.

Я зевнул и попытался не думать о мрачном. Протопал в купе и устроился на полке. Рид и Джои уже спали. Я щелкнул выключателем маленькой лампы и огляделся. Судя по увиденному, можно было не раздеваться. Я натянул жесткое одеяло, задернул за собой занавеску и примял щекой вонючую подушку, пытаясь ни о чем не думать.

Видимо, я все же нанюхался, потому что, когда снова открыл глаза, лампа все еще горела и занавеска была на месте, но вот полка казалась намного короче. И потолок был в нескольких дюймах от моего носа. Пока я таращился на него, ячейка для отдыха начала ощутимо сжиматься. Стены сходились, потолок опускался. Я толкнул его рукой, но пластик продолжал напирать. В приступе паники я замолотил по стенам ногами. Мне удалось перекатиться и упасть на пол.

Я больно ударился головой и посмотрел вверх. Никаких изменений я не заметил.

Зато заметил, что у меня почти болезненная эрекция. Лежа на полу, я размышлял, не приснилось ли мне все это. Когда возбуждение начало отпускать, я поднялся на ноги и протопал к туалету. Я сразу же взглянул в зеркало, но ничего необычного не увидел. Потом присмотрелся к своему лицу. На щеке размазалась красная помада.

Я вытер щеку — помада растаяла прямо на пальцах. Я таращился на нее, как ненормальный. Я схожу с ума?

Выскочив из туалета, я заметил свет в конце салона. Череп сидел там, потягивал «Джек Дэниэлз» прямо из бутылки. Судя по дымовой завесе, он всю ночь курил травку. Череп уставился на меня красными глазами.

— Привет, чувак!

Я сел рядом.

— Здесь происходит странная фигня. Только что я проснулся с жутким стояком, а на щеке обнаружил помаду.

Череп хмыкнул.

— И что? Со мной постоянно такое случается.

— Да я серьезно. На меня опускалась полка.

Он протянул мне бутылку виски.

— Держи, брат. Это поможет.

— Мне кажется, что в автобусе призрак.

Череп посмотрел на меня одним глазом.

— Круто.

После чего откинул голову на спинку дивана и захрапел. Я поставил бутылку и отправился в начало автобуса. Было темно, только огоньки приборной панели озаряли фигурку Джимми каким-то призрачным светом.

Он с кем-то говорил. И вдруг я отчетливо услышал женский смех, а затем почувствовал уже знакомый запах. Только теперь я его узнал: сигареты с гвоздикой. У меня было несколько знакомых, которые их любили, и поверьте, узнать о приближении такого знакомого можно было издалека — по запаху.

Я крался в сторону кабины, словно кошка, пытаюсь ничем себя не выдать. И смог рассмотреть девушку, ту самую, которую раньше видел в зеркале. Она стояла рядом с Джимми и гладила его по ноге. Они что-то шептались друг другу. Она курила тонкую сигарету.

Я услышал его слова:

— Ты моя жемчужинка, Рокси, только я тебя по-настоящему люблю.

Я рассматривал ее лицо. Ярко-красная помада, того же цвета, что и у меня на щеке, слегка размазалась у рта, что придавало девушке странный вид. Но несмотря на испорченный макияж она была прекрасна — с бледной кожей и длинными светлыми волосами, спускавшимися до талии. Она была одета в короткое черное платье для вечеринок и белые ковбойские сапоги.

Автобус подскочил на ухабе, одна из дверей наверх распахнулась, с грохотом врезавшись в стену. Джимми и девушка обернулись и заметили меня, а я застыл, как олень в свете приближающихся фар. Девушка исчезла.

Я протер глаза. Да, вот так, загадочно и мгновенно она исчезла прямо у меня на глазах. Я все видел и просто не мог поверить.

Джимми теперь смотрел только на дорогу и притворялся, что ничего не случилось. Я присел рядом с ним.

— Кто она, Джимми?

Он покосился на меня, помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Ее зовут Рокси.

— Она призрак?

Он кивнул.

— Не хочешь мне рассказать?

Джимми снова закурил сигару и откинулся на спинку кресла.

— Я, наверное, должен это сделать. Вы же платите за прогон и имеете право знать.

Пыхнув сигарой, он выпустил облачко дыма. Джимми не был красавцем, но сейчас его лицо смягчилось, я заметил блеск слезы в уголке его глаза. Он снял ковбойскую шляпу и провел пальцами по тонким сальным волосам. Потом нахлобучил ее поглубже и покосился на меня.

— Когда-то, давным-давно, этот автобус был новым. Он принадлежал Билли Бою Соамсу. А я был его водителем.

— Легендарному певцу кантри?

Джимми кивнул.

— Он был настоящим исчадием ада, и не один крупный демон сжирал его изнутри. Он любил виски и кокаин. И женщин. Ох, господи, женщины! Ему нравилась ярко-красная помада, и он всех девчонок заставлял ею пользоваться. Одевал их как хотел и делал с ними что хотел. Каждую ночь в этом автобусе были вечеринки. Его группы были невыносимы: дикие, сумасшедшие, совершенно бесстыдные, им хотелось только веселиться. А Билли давал им такую возможность, но лишь до тех пор, пока они пользовались алой помадой. У него был такой бзик.

Джимми замолчал и оглянулся — убедиться, что нас никто не подслушивает. Но мы были одни, и он продолжил:

— Рокси начала ходить на его выступления. Билли тут же на нее запал. А кто бы не запал? Она была красавицей. Он возил ее на этом автобусе из города в город, как личную игрушку. А она была дикой крошкой, прямо-таки огненной. Среди остальных группы Рокси выглядела, как королева. Но ты же знаешь, как это бывает. Билли всегда был бабником, и однажды Рокси застала его голым с другой девчонкой. Там, в конце салона. — Джимми кивнул через плечо. — У Билли повсюду валялось оружие. Рокси схватила пистолет и попыталась его убить. Промахнулась, конечно, но салон попортила порядком. Билли тогда решил, что она слишком для него бешеная, и вышвырнул ее из автобуса. Но девчонка не сдалась. Она автостопом добралась до следующего города, пришла на выступление Билли и подняла бучу. Он ударил ее по лицу, и Рокси сбежала, злая, как сто чертей. Никто из нас не знал, что она решила спрятаться в багажном отделении.

Джимми посмотрел на меня.

— А был январь, такая же ночь, как сегодня. Температура была намного ниже нуля. Нам предстоял длинный перегон до Северной Дакоты. И когда мы приехали в город, я открыл багажное отделение и нашел ее там... Рокси замерзла до смерти. Она вся посинела.

Голос Джимми дрогнул.

— Бедняжка. Я понятия не имел, что она в багажном отделении, я...

— Это не твоя вина, Джимми. Ты же не мог знать, что она там.

Джимми не ответил.

— А теперь она обитает в автобусе, — прошептал я. — Непокойный дух, застрявший между мирами.

Джим посмотрел на меня и нахмурился.

— Вот только тебе она показалась. Раньше она никогда так не делала.

— И что это значит?

Лицо Джимми вытянулось.

— Не знаю.

Мы покатались дальше. Все остальные ребята уснули, а я не мог заставить себя вернуться на полку, поэтому решил отдохнуть на диване в конце салона. Череп дополз-таки до своего места и теперь мирно храпел. В моем распоряжении был весь салон. И я читал, пока глаза не начали слипаться.

Но стоило мне задремать, и знакомый запах гвоздики ударил в ноздри. Я сразу узнал этот сигаретный дым. У меня в голове взвыла сирена. Глаза распахнулись, и я увидел ее, голую, прямо надо мной.

Ее намерения сомнений не вызывали.

— Иди сюда, — шевельнулись губы в разводах помады. — Ты мне нужен.

— А как же Джимми?

— А что с ним?

— Он любит тебя.

— Знаешь, только он ко мне всегда хорошо относился. Но теперь это можешь быть ты. — Она скользнула ко мне на колени.

Я поднял руки перед собой, защищаясь.

— Слушай, я не могу. Просто не могу.

Автобус резко затормозил. Рокси прижалась ко мне. Я попытался встать, но она пришила меня к дивану с нечеловеческой силой. Я услышал хруст тормозных колодок, автобус вздрогнул и остановился. А вот Рокси останавливаться не собиралась. Миг спустя все мое лицо было испачкано помадой.

Дверь в последний отсек распахнулась, и на пороге возник Джимми со своими лучшими друзьями — Смитом и Вессоном.

— Я знал! Я так и знал!

Он наставил на меня пистолет. Вороненая сталь, 38-й калибр, с явно

стреляным дулом. Мое сердце заколотилось, как бешеное. Каждая пора моего тела выдавала каплю холодного пота. Секунда — и я уже весь мокрый.

Я чувствовал страх даже на вкус. Никогда в жизни я ничего подобного не испытывал.

Голос Джимми казался мне звуком из иного мира.

— Ты подкатил к моей женщине. И теперь за это умрешь!

— Постой, Джимми! Подожди минуту! Давай поговорим, хорошо?

Я тараторил, как продавец подержанных машин.

— Джимми, кого ты собираешься убить? Ее ты убить не можешь, потому что она *уже мертва*. И меня ты тоже не можешь убить, потому что, если я буду мертв, я окажусь вместе с ней. А ты же не хочешь видеть постоянно наши призраки? Но если ты меня убьешь, так и будет. Я стану жить в этом автобусе вместе с Рокси. Ты ведь этого не хочешь, верно?

— Что она с тобой делала? — В голосе Джимми прозвучала горечь.

Я вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Она на меня навалилась, честно, но я ее не трогал. Не мог. Я, честное-честное слово, предпочитаю живых женщин. Богом клянусь!

Джимми продолжал в меня целиться.

Я сказал:

— Откуда ты знаешь, что она это не подстроила?

Он сузил глаза.

— А зачем ей это делать?

— Ну, она же хочет быть со мной, а единственный способ этого добиться — сделать меня мертвым. Тогда я окажусь в ее власти. Насколько я понял, Рокси хорошо тебя изучила. Она знала, что ты нас застукаешь, взбесишься от ревности и придешь сюда с пистолетом. То есть, вполне возможно, она специально это подстроила.

Дуло слегка опустилось. Джимми посмотрел на Рокси.

— Это правда?

Вместо ответа Рокси исчезла — подмигнула и оставила Джимми в одиночестве сжимать пистолет и принимать решение. Я увидел, что он плачет.

Джимми помотал головой.

— Моя жизнь ни черта не стоит. Я только и делаю, что гоняю по дорогам этот самоходный сортир. День за днем, год за годом. У меня даже домашнего адреса нет, я двенадцать месяцев в году провожу за баранкой.

Я не ответил. У него был пистолет. И я просто ждал, что сделает Джимми.

— Я хочу быть с Рокси, — всхлипнул он. — Я люблю ее.

Часть моего мозга уже знала, что случится. Другая часть хотела только одного: чтобы Джимми убрал этот проклятый пистолет. А все, что произойдет потом, меня не волновало, главное, чтобы в меня не целились. Более оптимистично настроенная часть меня надеялась, что никого не застрелят. Но как только я об этом подумал, я понял, что так не выйдет. Я знал, какое решение принял Джимми.

Он все так же стоял у двери. Всклипывал, но не шевелился. И наконец кивнул мне.

А я кивнул в ответ.

Джимми приставил дуло к виску и спустил курок.

Я ничего не мог сделать.

Он это понял.

Наша группа больше никогда не пользовалась автобусами. Ребята так и не оправились после того, как проснулись от выстрела и увидели мозги Джимми, разлетевшиеся по всему салону. В ходе полицейского расследования выяснилось, что Джимми был накачан таблетками и находился в глубокой депрессии, с которой, видимо, не смог справиться.

Но я знал, что случилось на самом деле.

Автобус отремонтировали и снова сдают в прокат рок-группам. Теперь в нем обитают два призрака, и он до сих пор где-то катится, перевозя ничего не подозревающих музыкантов от города к городу.

ДЖЕЙМС САЛЛИС

Премьера сезона

Крысы появились сразу после того, как они повесили Коротышку Бергена. Никто раньше не видел ничего подобного. Они выбрались на берег по руслу сухой реки — около сотни крыс, бегущих стаей. Как саранча из фильмов об Африке, там ведь тоже показывают, как пролетают насекомые, и за ними остается только голая земля и обглоданные стебли. Вот только крыс не интересовали овощи. Джонни Джонс лишился всех своих кур. А у Джина Брокато крысы сожрали пять овец и телушку.

— Крысы не охотятся стаями, — сказал Берни Барстайл.

Он и его напарник Джо МакГи вышли из служебного грузовичка, чтобы проверить линии электропередач. И отскочили к обочине, когда увидели поток крыс, который разделился надвое, обтекая ферму, а затем снова соединился на поле Джина Брокато. За несколько секунд от скота остались лишь обглоданные кости.

— Никогда ничего подобного не видел, — произнес Джо МакГи.

То же самое можно было бы сказать о Коротышке Бергене. Он выглядел так, словно кто-то склеил его из двух половинок: длинное-длинное тело на корявых кукольных ножках. «Если бы у мальчика ноги были, как тело, он был бы ростом метра в три», — всегда говорила его мать. Но это было не так. Даже надевая любимые ковбойские сапоги с каблуками, Берген был не выше полутора метров. Из его ушей торчали щетки густых блестящих волос. Зато на голове, сколько бы раз он ее ни мыл, два десятка жидких тонких прядок вечно казались засаленными.

И так случилось, что Коротышка влюбился в Бетти Сью Карстейрс, что повлекло за собой две проблемы. Во-первых, Дэн Карстейрс, ее папаша, был единственным в городе человеком, у которого водились настоящие деньги; он обожал свою дочь, позднего ребенка, появлением которого жутко гордился. А во-вторых, Бетти Сью была тупа как пробка. Когда Коротышка приносил ей конфеты и букеты диких цветов, сорванных в лесу, она начинала лепетать и пускать слюни. Бетти не понимала, что он урод, не видела ничего странного в его подарках и не соображала, к чему они могут привести. Папочка всегда дарил ей конфеты. А теперь так поступал и Коротышка.

Довольно скоро крысы стали главной темой для разговоров в «Блю

белл динер», единственном месте Хэнкс-Риджа, где можно было перекусить вне дома.

— По крайней мере в город они пока не суются, — сказал Лукас Ходгкинс.

Яичный желток и примерно треть вставных зубов выскользнули у него изо рта. Он вернул вставную челюсть на место. Желток остался на подбородке.

— Я тебя понял. — Это был Жабис Леверо, сидевший через четыре столика. Люди говорили, что свой проклятый берет, который он никогда не снимал, Жабис заказал по каталогу Сирса. В Хэнкс-Ридже такую дрянь купить просто негде. При взгляде на нос Жабиса почему-то сразу вспоминались солнечные часы. — Но черт их знает. Стоит им попробовать человеческую кровь... Я видел, как такое бывало с охотничьими собаками. И даже один раз с козлом. Они тут же начинали жрать детей, что твой попкорн.

Пчелу, хозяйку заведения, уже тошнило от этой темы.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится, — сказала она.

Впрочем, за сорок шесть лет жизни Пчеле мало что нравилось.

— Откуда они взялись, хотел бы я знать. Никто из нас раньше о них не слышал.

— Помню, когда я был маленьким, во Флориде шел дождь из лягушек.

— То лягушки. А это крысы.

— Как в легенде о крысолове, помните?

— Реки потекут вспять, — сказал Джадд Сили, дьякон местной церкви. — Реки. А затем... Что-то я не припомню. Но, кажется, их было семь. Семь всадников.

— Грызуны, вот они кто. — Бада Гули передернуло. — У них зубы растут всю жизнь.

Скрипнула дверь кухни, и разговор стих.

Джен Стэнтон покачал головой.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы Стью Эллум оставлял на тарелке кусок пирога?

Жабис Леверо вскочил и быстро доел оставленный кусок.

— Что-то его сильно взволновало, — сказала Пчела.

Дэн Карстейрс предупредил Коротышку Бергена о том, что ему стоит держаться подальше от Бетти Сью, и описал, что случится в противоположном случае. Но дело было в том, что по умственным способностям Коротышка ненамного обогнал Бетти Сью. Он просто стоял

и улыбался в ответ на слова Карстейрса. Никто потом не признавался, что видел это, но все знали, что однажды субботним вечером Дэн Карстейрс приказал своим батракам привязать Коротышку к старому колесу и отходил его кнутом из бычьей кожи, а потом облил соленой водой. Коротышка Берген ни слова не сказал, он даже не всхлипнул. А на следующий день, как обычно, явился с цветами и конфетами к мисс Бетти Сью.

Стюарт Эллум жил в трех милях к югу от города, рядом с тем местом, где раньше был цветущий яблоневый сад. Затем деревья поразила неизвестная болезнь и все плоды превратились в сморщенные головешки. Ветви изогнулись и деформировались, стволы раздулись, но деревья выжили.

У Стью Эллума была дочь, Сильви. Они жили вдвоем в хижине, покрытой вьющейся жимолостью. Лишь кое-где из зеленых плетей торчали старые вывески с рекламой прохладительных напитков. Когда-то у Стью была и жена, но о ней никто ничего не знал и мало кто помнил, когда именно она ушла и ушла ли. Ее называли «женщиной народа холмов». Стоило ей появиться, и старухи тщательно отводили глаза, чтобы ненароком на нее не взглянуть.

Сильви никогда не проявляла интереса к прогулкам в город, которые пару раз в неделю обязательно совершал Стюарт. Она готовила, стирала одежду в ближайшем ручье. В остальное же время либо сидела на шатком стуле, наблюдая за тем, как пчелы, мотыльки и колибри выются над жимолостью, либо уходила в леса и пропадала там на несколько часов.

Давным-давно в одной из лощин, куда местные жители имеют привычку сбрасывать мусор, Сильви наткнулась на старый телевизор и принесла его домой. Внутри ящик был пуст, но стекло уцелело. Сильви поставила телевизор на старый ящик в углу своей комнаты и начала вырезать маленькие столики, кровати, стулья и дома. Она расставляла их внутри, отходила в другой конец комнаты и смотрела. Однажды Стюарт внезапно вошел к ней и увидел, что в ящике появились насекомые. Кузнечики, зеленые и серые, сидели в телевизоре за крошечным столом и разыгрывали пьесу, или что там для них придумала Сильви.

Через пару недель Коротышка Берген во второй раз отведал кнута, был избит топорищами, что стоило ему трех сломанных ребер, и сброшен в загон для скота к одному из известных своим дурным нравом козлов Дэна Карстейрса. Но каждый раз Коротышка поднимался на ноги, а стоило Карстейрсу отлучиться за едой или проверить пашню, как по возвращении

он видел парня восседающим на крылечке рука об руку с Бетти Сью.

Наверное, именно тогда Дэн Карстейрс решил сменить тактику.

Он начал распускать слухи о том, что Коротышка изнасиловал его Бетти Сью. И что он уверен: Бетти была не первой, так что жителям долины стоит лучше присматривать за своими женами и дочерьми.

Возможно, у него ничего бы и не вышло, если бы несколько семей с другой стороны горы не начали говорить, что кто-то пристаёт к их дочерям. Не стоит и упоминать, что тут же стало ясно, кто во всем виноват. Такие слухи, стоит им появиться, распространяются со скоростью лесного пожара. И месяца не прошло, как Коротышка Берген проснулся от луча направленного в глаза фонарика и увидел группу мужчин с суровыми лицами. Его вытащили наружу, набросили на шею петлю, завязанную простым узлом, и перебросили второй конец веревки через ветку ближайшего дерева. Мстители дружно потащили Коротышку вверх, а когда ветка не выдержала, начали снова. Дело было сделано, хотя усилий потребовалось немало.

Стью знал, что Сильви очень нравился Коротышка. Они когда-то вместе собирали выброшенные вещи, чинили их, а потом продавали за пару долларов. В хижине Стью Эллума Коротышка был лишь пару раз, потому что Стью сказал ему, что у них и так есть все необходимое. И оба раза Сильви не сводила с Коротышки глаз, а потом всегда расспрашивала о нем Стюарта. До этих встреч, когда Сильви рассказывала ему о своих шоу, там фигурировали больницы с врачами и сиделками, богатый и одинокий мужчина, живущий в великой печали, и молодая женщина, неожиданно открывшая в себе неведомый дар, в общем, типичные сюжеты мыльных опер, которые она смотрела, навещая тетку в городе. Но стоило Сильви увидеть Коротышку Бергена, и все ее мысли сошлись на нем. Коротышка был шерифом, но местный богач, владевший здешними землями, готов был на все, чтобы его уничтожить. Врачи что-то сделали с Коротышкой при рождении. Морщинистый старый индеец потряс пучком перьев над телом малыша и сказал, что когда Коротышка умрет, его дух взметнется подобно шторму и опустошит, очистит землю.

— Девочка? Дочка? Что ты сделала? — спросил Стюарт Эллум, входя в ее комнату.

По дороге домой он только и думал о разговорах в забегаловке, о стае крыс, которые опустошали окрестности, пожирали овец и коров, оставляя одни кости.

— Тише, папа, новости, — сказала Сильви.

За стеклом телевизора на стульях сидели две крысы. Они глядели в

комнату и говорили по очереди, периодически опуская глаза на стоящий передними столик или обмениваясь многозначительными взглядами и кивками.

Вскоре Сильви бесшумно захлопала в ладоши и повернулась к отцу.

— О чем ты хотел спросить, папочка?

Вместе с ней к нему повернулись и крысы, сидящие за маленьким столиком в телевизоре. Они поднялись на задние лапки и поклонились. Их глаза сияли — глаза крыс и его дочери.

ГЛЕН ХИРШБЕРГ

Я БУДУ ЖИТЬ У ТЕБЯ ВО РТУ

Ему выпала невероятная удача, подумал он. Каждый миг его смерти увидят эти прекрасные глаза — и это было все равно что родиться для смерти под нежным благоухающим бризом.

Юкио Мисима

Впервые это произошло во время кормления в 4:00, но КагOME подумала, что ей снится сон. И в этом не было ничего необычного: она почти не спала в последнее время, и большая часть жизни казалась ей теперь сном. Она уже промыла катетер Джои, осторожно промокнула гной, постоянно сочащийся из опухоли, полностью захватившей его верхнюю губу, и заменила пакет с питательным раствором на стойке капельницы. А теперь просто тихо сидела, держа его за истощенную руку с ледяными пальцами.

Брини, бирманская кошка, свернулась клубком в постоянном своем гнезде у бедер Джои. Пару раз она открывала глаза, моргала и начинала бить обрубок хвоста, словно обводя комнату внутренним радаром, затем засыпала снова. Где-то за настилом, в тени качающихся на зимнем ветру дубов, окружающих Сан-Гэбриэлс, не умолкал красноголовый дятел, которому даже снег не мешал стучать по облюбованной сосне или столбу.

«Я буду», — услышала, то есть почти услышала КагOME, поглаживая пальцем хрупкие косточки Джои.

Все как в тот год с интерфероном. Вот только смотреть на него тогда было больнее. Джои спал еще больше, иногда по тридцать часов кряду, но никогда не меньше двенадцати. Однако его сон был более беспокойным, его мучили приступы дрожи и странные кошмары о демонах, которые Джои отлично помнил, но редко о них рассказывал. «Высокие существа, — бормотал он. — Шептуны».

В тот год бывали моменты, когда Джои не спал и не дрожал, но это пугало КагOME еще больше. Его лицо тогда не покрывали шрамы, но... Болезнь превратилась в болото, и эта топь засасывала то, что делало *этого* ястребиный нос, *эти* оттопыренные уши, *эти* черты лицом ее Джои. И

смотреть на него тогда было все равно, что смотреть на тень дома, источенного термитами.

Но все же... Тогда еще была абсурдная, но все же надежда. На то, что интерферон поможет. Убьет смертоносные клетки внутри Джои, оставив Джои жить.

Сейчас же, за несколько часов или дней до конца — не недель, уверяли ее, даже не одну неделю, — Джои вздрагивал лишь изредка. Иногда, когда она наклонялась к нему, его веки дрожали от удовлетворения. Так, по крайней мере, убеждала себя Кагоме. Иногда, когда он действительно просыпался и смотрел на нее, как сейчас, она видела, что жуткий мотор в нем снова работает, что за сетчаткой его глаз скрыто место, где он до сих пор ведет свой бесполезный бой. Однажды Джои сказал ей, что любит ее, что она — единственная причина, по которой он все еще борется. В основном же он смотрел на прозрачный пакет с питательным раствором и говорил: «Пирожок для почек. Прямая доставка». Или, если к ним заходил химиотерапевт или онколог, подмигивал: «Пристрелите меня».

«Я буду жить...»

Она гладила его рукой свое запястье. Ощущение было похоже на прикосновение бумаги, и, задев рукав халата, Кагоме услышала бумажный шелест. Словно во сне, она поднесла его руку к своей щеке. Прижалась к ней. Медленно, осторожно опустила ниже. Еще ниже. И еще, в вырез халата, чтобы его рука коснулась соска. И второго. *Сколько прошло с тех пор? Два года? Три? Восемнадцать месяцев назад их ласки были такими нежными и — хотя оба знали, что их ждет, что возвращается и чем это закончится — неторопливыми. Такими неторопливыми, словно у них в запасе было все время мира. А теперь его кожа — то, что от нее осталось, — была шершавой и жесткой, как сухая мочалка.*

«Я буду жить у тебя во рту».

Кагоме вскинулась и уронила руку Джои на больничную койку, установленную там, где раньше была их постель, обернулась...

«Закричать... Я должна кричать».

Она не видела его лица. Он стоял в углу, куда падала тень самого высокого дуба, рассеянная стеклянной ширмой.

Его грязный плащ был слишком длинным, из-под него виднелись лишь мокрые галоши — блестящие и мокрые, хотя стояла осень и снаружи в это время мог быть разве что туман. Голову он держал низко опущенной, и поля фетровой шляпы полностью скрывали его лицо.

— Убирайся из моей... — начала Кагоме, но его голос затопил ее сознание, и вместо крика получился еле слышный шепот, словно шипение

кислорода в клинической маске.

«Я буду жить у тебя во рту. Потому что тебе всегда будет нечего сказать».

И вот тогда она закричала:

— Вон! Убирайся отсюда! ВОН!

Фигура в углу даже не подняла головы, но продолжала говорить, точнее, слова отдавались в ней, словно эхо, и были слышны даже сквозь крик. *«Буду жить... всегда будет нечего...»*

— Господи, да что случилось? — гаркнула с лестницы миссис Тиел, и Кагоме обернулась, поперхнувшись тишиной и эхом чужих слов.

По крайней мере, она сбросила маску, подумала Кагоме, глядя, как тонкие, словно лезвия, брови матери Джои сходятся над переносицей клешнями лангуста. Несколько секунд Кагоме смотрела в глаза миссис Тиел, затем опомнилась и вскочила на ноги, оборачиваясь.

У стеклянной ширмы-двери дрожала тень высокого дуба, потревоженного, наверное, вороном. Чистый пол. Коробки со стерильными иглами и запасными комплектами для капельниц стояли у стены. Ничего больше.

«Я буду жить у тебя во рту».

Кагоме снова обернулась и заметила, что мать Джои улыбается. Ее брови вернулись на место, словно нарисованные. Маска была на прежнем месте.

— Жасмин? — радостно прозвенел голос миссис Тиел. — Он поможет встретить новый день с улыбкой.

Она подошла к плите и, демонстративно игнорируя изысканный тэцубиновый чайничек Кагоме, стоящий на полке, налила воду в металлический чайник, который привезла с собой, когда переехала к ним несколько недель назад. Чайник отвратительно задребезжал, нагреваясь.

— Как думаешь, газеты принесли? Я дам тебе кроссворд. Или ты предпочитаешь по утрам sudoku?

Вместо ответа Кагоме вновь посмотрела на то, что осталось от ее мужа. Ее крик не разбудил его. *Будет ли этот день последним? Неужели он сегодня в последний раз откроет глаза? Боже, или последний раз уже был? Когда? Она не помнила.*

Кагоме не отрываясь смотрела на его грудь. Неподвижную.

Неподвижную.

Неподвижную.

Неподвижную.

И наконец, наконец грудная клетка приподнялась, словно маленький

ребенок толкнул ее изнутри. Рот Джои больше не открывался, но оставшаяся часть нижней губы дрожала, когда изо рта выходил воздух. Он булькнул, гной потек на зубы и язык. И грудь снова опала.

Кагоме посмотрела в угол. И коротко, незаметно погладив пальцы мужа, обернулась к миссис Тиел, нацепив на лицо вежливую улыбку. Она надеялась, что гримаса ей удалась.

— Судоку, пожалуй.

И, даже не потрудившись набросить теплый плащ поверх халата, вышла на ледяной воздух, чтобы проверить почтовый ящик, хотя и знала наверняка, что газеты не принесут еще как минимум час.

Однако холод не помог. Как и душ, который Кагоме приняла позже. И коронное блюдо миссис Тиел, вареные яйца и сальса, тоже не оказали никакого эффекта. Последнее доказательство того, насколько ее выбил из колеи утренний эпизод, явилось, когда миссис Тиел мыла тарелки после завтрака, оглядываясь на Кагоме, которая постукивала резинкой карандаша по незаполненным клеткам кроссворда вторничной «Таймс».

— Муллинер, — сказала миссис Тиел, и Кагоме посмотрела на вопрос.

«65 по вертикали: старая шляпа, у Энглера». В клетках были зашифрованы имена персонажей Вудхауза. *Когда это миссис Тиел стала разбираться в кроссвордах? На памяти Кагоме она ими даже не интересовалась.*

— Принесите суперклей, — сказала миссис Тиел, и Кагоме схватила ее за руку.

Она чувствовала, как напрягаются плечи миссис Тиел — упаси боже каждую из них проявить любые эмоции, кроме улыбчивой уверенной надежды, — но и миссис Тиел вцепилась в нее. На секунду, не больше.

Принесите суперклей. Так говорил Джои, посылая шар по дорожке боулинга и тут же отворачиваясь, раньше, чем тот прокатится половину пути. Он говорил так, только когда был уверен в ударе, в том, что наверняка сшибет все кегли. Три, может, четыре раза Кагоме ходила с ним на боулинг, и Джои никогда не ошибался, произнося эту фразу. *«Потому что догадки здесь ни при чем»*, — говорил он. Он нежно касался ее щеки и возвращался на место.

«Я буду жить у тебя во рту...»

Дверной звонок раздался в одиннадцать, когда Кагоме расчесывала свои длинные черные волосы и укладывала их в сложную прическу, которой научилась у матери. Джои обожал эту прическу. Она его завораживала. *«Какой-то дикий узел»*, — сказал он однажды, запустая

длинные пальцы в переплетение прядей. А потом, после того как они занялись любовью, он рассказал ей, что имел в виду. Кагоме знала, что он скажет: это узел бесчисленных последовательностей, с бесконечным числом вариаций. «В нашем мире, физическом, такого не существует», — сказал ей Джои.

И вдруг Кагоме очнулась от грез. *Хоспис*. Она не хотела о них помнить. Забыла, что они придут. Заблокировала эту мысль. И вот раздался звук открывшейся двери, похожий на бренчание расстроенной гавайской гитары, и впервые за сегодняшний день на ее бледном, изможденном лице появился намек на искреннюю улыбку. Приколов на место последнюю прядь, Кагоме вышла в коридор и мельком заметила *галоши, бесшумно скользящие за угол, в гостевую комнату, которой никто никогда не пользовался. Кто же пришел?*

Она подбежала к комнате, распахнула дверь — *Закрыта? Она была закрыта?* — и увидела эргономичный тренажер, который Джои заказал в попытке сохранить мышцы в форме, пока его кожа разлагалась, легкие разрывались, а органы отказывали один за другим. За окном покачивались деревья, растерявшие листву.

Снова звук гитары внизу, и странный лающий смех Райана, карканье его голоса: «Я иду, рыбка. Погружаюсь быстро». И жуткий кашель, похожий на звук рвущейся мокрой ткани — рак ревел, пожирая плоть, — подсказал ей, что Джои проснулся.

Кагоме сбежала вниз, игнорируя желание обернуться, хоть раз, чтобы просто убедиться. *Убедиться. Хотя она уже знала.*

— Как давно он не спит? — спросила она у миссис Тиел, которая вытирала полки в кухне, вымыв всю посуду и уничтожив даже намеки на их ранний завтрак.

Она позволила себе лишь мельком взглянуть на кровать, где сын пытался дотянуться до пульта «Плейстейшн». Его пальцы соскальзывали. Наконец миссис Тиел посмотрела на Кагоме. И улыбнулась.

Кагоме улыбнулась в ответ.

Они стояли и смотрели.

Райан, в футболке со смешным принтом и кедах, то ерошил свои каштановые волосы, то играл с пультом от телевизора. Внезапно экран расцвел буйством красок, громкая музыка наполнила комнату. Райан вернулся на место и покосился на Кагоме, помахав ей гавайской гитарой, которую держал за гриф. Он пододвинул стул поближе к Джои. На экране две гоночные машины подрагивали у старта. Музыка повторилась, и возникла надпись: «НАЧАТЬ НОВУЮ ИГРУ?»

Глядя на них сейчас, сложно было вспомнить, что когда-то Райан был другом КагOME. Он походил на типичного выпускающего редактора еще больше, чем она: очки, нервное подергивание пальцев, постоянный желтоватый оттенок кожи. Компьютерный загар. Он всегда носил дурацкие футболки и кеды, рассказывал анекдоты собственного сочинения без сальных шуточек — в основном о пуделях, — и КагOME всегда смеялась. А еще Райан занимался кикбоксингом.

Четыре месяца назад, ни с того ни с сего, Райан отвлекся от компьютера и очередной правки и упомянул о том, что мастерски играет в «Буггл». КагOME ничего не сказала, но на следующий день принесла походный набор Джои и молча поставила его перед Райаном во время ланча. Потребовалось два раунда, чтобы понять, что он не шутил, и семь, чтобы он выиграл. Прежде КагOME уступала лишь одному человеку. И она не придумала ничего лучше, чем пригласить Райана на обед.

Он появился, напевая «Мелкие пузырьки». Джои потопил его во всех раундах «Буггл», зато вчистую проиграл на приставке компьютерный вариант «Своей игры». Это был последний раз, когда КагOME смогла пообщаться с Райаном вне работы.

Теперь же, когда Райан бывал в их доме, то есть практически каждый день, все его время было посвящено Джои. Когда болезнь окончательно приковала Джои к постели, Райан стал приходить чаще. КагOME даже не представляла, что так обрадуется присутствию живого человека.

— Ты наверняка хочешь сказать, что мне повезло, — говорил Райан Джои.

КагOME видела, что Райан не сводит глаз с язвы на его губах. Брини, лежавшая у Джои на коленях, недовольно покосилась на гостя, спрыгнула и ушла наверх.

— Ееее ооооот, — сказал Джои.

Он не мог поворачивать голову, но КагOME чувствовала, что муж смотрит в ее сторону.

— Он хочет сказать «и еще повезет», — перевела КагOME.

Даже миссис Тиел больше не понимала сына.

Райан улыбнулся.

— Тогда признай поражение, и можем не начинать. Всегда хотел от тебя это услышать.

Он запустил игру, и на экране одна из машин рванулась вперед и скрылась за поворотом, а вторая немедленно ткнулась в стену и взорвалась.

— Ннак, — сказал Джои.

Райан улыбнулся шире и продолжил игру.

Кагоме первой испытала панику и тут же бесшумно оказалась рядом. За ней последовала миссис Тиел, а Райан так ничего и не заметил, пока они не оказались у кровати, аккуратно выпутывая трубку катетера и помогая Джои встать.

— Что? Ох... — Райан поморщился от запаха и встал. — Все в порядке, чувак.

— Он знает, что все в порядке, но не мог бы ты принести ведро с водой и губки? — прорычала миссис Тиел.

— Под раковиной, — подсказала Кагоме. — Спасибо, Райан.

Каким-то чудом Джои смог продержаться в стоячем положении, пока Кагоме и миссис Тиел убирали грязь с простыней. Кагоме вытирала коричневые потеки, забравшиеся под полушку. Они были настолько прозрачные и жидкие, что мозг не опознавал их как дерьмо. Закончив, Кагоме вытерла лоб и посмотрела на мужа. Такой худой, практически двухмерный, бледный, как бумага, он напоминал копию самого себя, сложенную из оригами. И, вот приятный сюрприз, Джои был полностью в сознании. Он смотрел на нее. И *улыбался?*

— Неее лооооо, — сказал он.

— Мне повезло, — прошептала Кагоме и поцеловала косточки на его руке.

— Как насчет тихуанских тако? — пропела миссис Тиел, вернувшись. — Кагоме, тебе зеленый чили, верно?

— Замолчи, — прошептала она.

Еще несколько секунд щебета, и, к их огромному облегчению, миссис Тиел ушла из дома.

Все силы Джои ушли на попытку самостоятельно стоять, и теперь он дрожал и покачивался сильнее, чем деревья на ветру. Райан и Кагоме уложили его обратно на специальную кровать для домашнего ухода за лежачими больными — Джои решил умереть дома — и обернули покрывалами. Покрывала не помогли, даже во сне Джои продолжал дрожать.

Кагоме смотрела на мужа, стягивая резиновые перчатки. За ее спиной Райан убрал звук в телевизоре, и по щелканью клавиш она поняла, что он заканчивает за Джои прерванную гонку. Через некоторое время раздался тихий звук гитарных струн. Райан медленно перебирал аккорды, и Кагоме не понимала, песня это или просто рассеянный проигрыш, но затем он замурлыкал песню. Странно хриплым и *старческим* голосом.

«Потому что тебе... потому что тебе всегда... будет нечего...»

Она не хотела его ударить, но эти слова лишили ее самообладания, и

Кагоме запаниковала. Она инстинктивно развернулась, все еще сжимая испачканное покрывало, так быстро, что Райан получил им по щеке, а колено Кагоме выбило гитару у него из рук. Райан вытаращил глаза. На его щеке красное смешалось с коричневым. Кагоме поднесла руку ко рту.

— Что ты только что... — Ее сознание все еще вопило о сегодняшнем утре, она снова плакала, снова видела худую фигуру в галошах, стоящую в углу. — *Райан?*

Нет, она уже поняла, что ошиблась. Кагоме не видела лица существа в шляпе. Но оно было гораздо выше. И хотя его фигура была полностью скрыта под плащом, она не могла принадлежать Райану. Другое телосложение. *Нет. Это было... Что? Кагоме не могла вспомнить.* Мало того, Райан был внизу, он только пришел, когда она видела, как мужчина в фетровой шляпе нырнул в комнату для гостей. *Потому что он был там. Кагоме была уверена в этом, так же, как утром была уверена, что ей все привиделось.*

— Прости, — прошептала Кагоме, быстро моргая, чтобы прогнать слезы. Она нагнулась, чтобы стереть потеки со щеки Райана, и он ей это позволил. — Прости.

— Все в порядке, — сказал он, хотя и не мог скрыть испуга. — Тебе многое пришлось...

— Эта песня. — Бросив покрывало, Кагоме опустилась на деревянный стул, который всегда занимала миссис Тиел, оставляя ей кресло. Вот за такого рода жесты Кагоме и не любила свою свекровь, хотя скрытых мотивов у той могло и не быть. — Почему ты это пел?

Теперь Райан выглядел оглушенным.

— Что пел?

— Вот то, что сейчас.

— Я не пел. Я даже почти не касался...

Джои на кровати выгнулся и затрясся в судорогах, пытаясь откашляться, но не проснулся. Кагоме нашарила под одеялами трубочку капельницы, проверила крепление. И снова повернулась к Райану. Слезы уже высохли, лицо снова обрело привычную беспристрастность. Не только миссис Тиел носит маску, подумала Кагоме.

— Кагоме, — пробормотал Райан. — Прости. Я просто... брнчал. *Ведь так?*

— Да, — солгала она, чувствуя, как колотится сердце. — Видимо, все-таки да.

Некоторое время они сидели и смотрели, как дышит Джои. Затем свободная рука Кагоме накрыла пальца Райана и на некоторое время

застыла в спокойном оцепенении. Это был не покой, вовсе не покой. Просто в этой комнате были люди, которые ее любили.

И кое-кто еще, кто собирается жить... КагOME зажмурилась и сжала пальцы Райана.

— Она сводит тебя с ума? — спросил он. — Я имею в виду мать Джои? Кстати, почему она всегда такая радостная?

КагOME долго не отвечала. Не хотела. Несмотря на панику, одиночество, тошноту и страх, она хотела просто оставаться вот так, прирасти к месту, как скворечник, возле которого всегда вьются птицы, как бы пусто ни было у него внутри.

— Она вовсе не радостная, — сказала КагOME наконец. — Просто... она считает, что этого хочет Джои. Ты знаешь, он никогда не любил признаваться, что болен. И она уверена, что именно поэтому он до сих пор с нами. Если не смотреть в глаза чудовища, оно тебя не увидит... Такая вот логика. Наверное, она права. Джои с семи лет говорили, что жить ему осталось не больше года.

— А она тебя любит?

Вопрос вывел КагOME из транса. Впервые за долгое время она перестала вглядываться в лицо Джои. Но посмотрела не на Райана, а на склон горы, теряющийся в сумерках ноябрьского дня.

И снова в ее ушах, в ее костях, в ее плоти зазвучал этот голос, шепча и царапая. *«Я буду жить у тебя во рту. Буду жить у тебя во рту. Буду жить у тебя...»*

— Я для нее пустое место, — сказала КагOME и не заплакала, даже не сжала пальцы Райана. Зато сжала руку Джои, и сильно. — Ей кажется, что он женился на мне ради моего *успокаивающего* присутствия. Что он наконец испугался.

— А она знает, что ты можешь победить его в буггл? Она правда верит, что это его *успокаивает*?

— Скраббл. Не буггл. Нет, не знает.

КагOME посмотрела на Райана. Его глаза, удивительно большие зеленые глаза за стеклами очков, трепетали в глазницах. И он, к ее огромному облегчению, улыбался. В своей дурацкой футболке, с длинными ногами, которые ему пришлось задвинуть под кровать, с копной падающих на лицо волос, он казался совершенно неподвластным течениям этой комнаты. Он дрейфовал, как бутылка с посланием, о котором она понятия не имела.

Работники хосписа прибыли около пяти, через час после возвращения миссис Тиел. КагOME поднялась с деревянного стула, на котором провела

весь день (к видимому раздражению свекрови; миссис Тиел ни разу не опустилась в кресло). Кагоме наблюдала, как две санитарки и социальный работник проветривают комнату. Они были молчаливыми и ловкими, словно эльфы из сказки о башмачнике, который ступил на лунный луч. Они казались сном наяву. Даже дверной звонок звучал приглушенно в их присутствии. Даже голос миссис Тиел становился тихим, хотя вымученная улыбка все же не покидала ее лица.

Две санитарки протерли Джои губками, сменили постель, одна принялась расчесывать остатки его волос, вторая промывала шприцем язву на опухоли. Социальный работник принесла Кагоме чай в фарфоровой чашке, расписанной лепестками вишни. Она, кажется, что-то говорила и что-то слышала в ответ. Кагоме не была уверена, знала только, что в ушах у нее раздается какое-то бормотание, а кровь стынет в жилах. Голос она тоже слышала, но едва-едва. Некто был в темноте, он стоял на настиле за дверью-ширмой, и она видела лишь его тень.

«Я знаю тебя», — подумала Кагоме, но завершать мысль не хотела.

— Тебе известно, что делает хоспис? — кричала миссис Тиел, когда она настояла на их визите. — Хоспис убивает. Ты ведь это понимаешь, да? Думаешь, они приедут, чтобы помочь? Они приедут убить Джои. Они ангелы этой проклятой смерти.

И, конечно, она была права. Оглушающие дозы морфия и метадона пожирали мозг, множество других, менее сильных, лекарств были тем, что не могло принять тело. Они требовались лишь для того, чтобы обеспечить Джои комфорт, замаскировать его боль. Слова, которыми они пользовались, их выдавали. Они готовили. Нет, не то чтобы готовили, к смерти нельзя подготовиться, и они сами никогда не дали бы такого грубого определения. Они успокаивали. В некотором роде. Они действительно были ангелами смерти. Но почему американцы всегда так зациклены на смерти? Разве их ангелы больше ничего не делают?

Заклятие работников хосписа было так сильно, что Кагоме замечала лишь их положение в пространстве и не сразу сообразила, что Джои просыпается. В горле зарождался стон, она пыталась его сдержать, но звук все-таки вырвался, ошеломив присутствующих и вернув миссис Тиел к реальности. Она тоже поняла, что происходит.

— Отойдите от него, — сказала она, но даже ее голос звучал глухо, словно сквозь кляп. — Отойдите...

Миссис Тиел умолкла, когда ее сын открыл глаза. Джои изумленно заморгал и с удивительной живостью перекатился на бок. Взглянул на ведро с водой, которое оставили работники хосписа. Они все-таки люди,

отметила Кагоме. Все трое вздрогнули и попятились от кровати, создавая своими белыми халатами нечто вроде заградительной стены. Отделяя Джои от второй половины комнаты, от жизни, которую ему не суждено прожить. Но они перестали быть ангелами, их черты съежились до обычных, понятных, *человеческих*. У одной из санитарок под левым ухом был пластырь. У социального работника были рыжие волосы — *еще минуту назад они были серыми*, и Кагоме даже подумала, что этого требует их работа, это нечто вроде формы, — собранные в пучок на затылке.

Именно социальный работник и заговорила, когда новый приступ дрожи сотряс тело Джои. Голос у нее был хорошо поставлен, звонок, как у джазового диск-жокея, только более мягкий. Одновременно отстраненный и искренний.

— Джои, — сказала она.

Миссис Тиел рядом с Кагоме напряглась и прижала руки к бокам, как мать-орлица в гнезде. Но осталась на месте. Ждала.

— Джои, ты борешься так долго, прикладываешь столько сил. Уже тридцать лет, верно?

К огромному изумлению Кагоме, Джои ответил. И его голос был сильным, четким, радостным и ехидным — такого она не слышала уже два месяца.

— Тридцать три. Я заболел в семь лет.

— Тридцать три года, в то время как любой другой не продержался бы и шести месяцев. Невероятно. Я хочу, чтобы ты знал это, Джои: все мы хотим помочь тебе, помочь наполнить смыслом каждую секунду твоей жизни. И облегчить твое существование. Твое и тех, кто тебя любит. Мы приходим сюда уже месяц. Я никогда не видела такого бойца, как ты.

Неужели Джои улыбается? Боже, или он плачет? Опухоль двигалась по его губам, как размазанный прямоугольник, которым на телевидении закрывают лица жертв.

— Итак, Джои.

На этот раз социальный работник слегка подалась вперед на своем стуле. И другие, как по команде, тоже наклонились к нему. Кагоме едва не закричала, глядя на эту пляску гиен.

— Какова твоя цель, Джои? Ты можешь ее назвать? — С этими словами женщина бросила тщательно отрепетированный печальный взгляд на Кагоме и миссис Тиел. Кагоме прожигала взглядом рыжий пучок волос на ее затылке. — Чего ты хочешь?

Сомнений больше не было. Джои плакал. От улыбки не осталось и следа.

— Выжить, — ответил он из мертвой маски.

Он уронил голову на подушку и тут же снова заснул.

— Ты сука, — пробормотала миссис Тиел, и КагOME почти кивнула, соглашаясь. Она хотела было поднять руки и издать победный клич... И только потом поняла, что свекровь обращалась к ней. — Я не могу это видеть, — продолжила миссис Тиел. — Я иду в кино. — Ее голос уже возвращался к обычному бесконечному щебету. — Скоро вернусь. Принесу твои любимые шоколадные звездочки, КагOME, если они там будут. До свиданья, Райан, ты придешь завтра?

Миг спустя она исчезла, а с ней и работники хосписа, оставившие блокнот с телефонами, по которым можно звонить *в любое время*, за поддержкой, советом или просто чтобы поговорить. Они пообещали вернуться завтра. КагOME подошла к стулу, Райан сел в кресло. Гитара осталась лежать на полу. Молчали они долго. Успела спуститься ночь.

КагOME не помнила, когда поняла, что Райан спит. Его руки были скрещены на тощей груди, голова свесилась набок под странным углом, словно кто-то хотел свернуть ему шею, но остановился на полпути. Его нога, едва касавшаяся ее юбки, казалась не просто теплой. Она была горячей. Невероятно *живой*. КагOME потянулась к Райану, нежно поправила свесившуюся голову, уложив ее себе на плечо. А когда подняла глаза, заметила за окном жуткого человека в фетровой шляпе.

Во второй раз за день у нее в груди начал подниматься крик, но теперь КагOME смогла сдержаться, прикусив язык, сжав зубы. Внутри у нее все тряслось, словно она прикусила не язык, а провод высокого напряжения. *Откуда она знает, что некто в шляпе смотрит на нее? Под шляпой была сплошная тьма, и есть ли там лицо, КагOME не знала, голова казалась лишь черным кругом на фоне темноты.*

Потому что лица там не было. То, на что она смотрела, было лишь отражением. Он стоял за ней.

КагOME обернулась, ударившись лбом о лоб Райана. В глазах заплескали звезды. Его голову отбросило назад, а в комнате никого не оказалось. Хотя... *у конторки. Возле кухни.* Нет, это Брини, кошка Джои.

Слезы хлынули, словно кто-то опрокинул сосуд. КагOME ничего не видела. Она не могла остановиться, ее трясло. А потом руки Райана обняли, привлекли ее к себе за плечи, спрятали от мира. И КагOME позволила себя обнять. Растворилась в ощущении защищенности. Она просто прижалась к нему и тряслась. Райан держал крепко.

Позже КагOME была уверена только в одном: она сама это начала. И она смотрела на Джои, когда делала это. На то место, где раньше было его

правое ухо, на черный круглый шрам над дырой в челюсти — след предпоследней из двадцати трех операций, через которые она с ним прошла. По лицу Джои были рассыпаны мелкие язвы, которые, казалось, шевелятся, стоит ей только отвернуться, расползаются, как беременные пауки, плетут свою паутину в теле ее мужа.

Одной из причин было то, что Райану неудобно было ее держать. Его ладони упирались в ее ключицы. Джои в свое время обнимал ее точно также. Он избегал ухаживаний и поначалу не знал, что делать с руками. Ей пришлось всему его учить.

Но частично свою роль сыграло то, что Райан был теплым. Его бледные руки в капельках ее слез, его удивительно твердые бедра бывалого скейтера. Это было так, словно она обнимала Джои, но другого Джои. Джои *здорового*. Способного выразить свою страсть, слишком большую для изящного тела, свою силу, которая, как иногда казалось, может разорвать его изнутри. Кагоме ни о чем таком не думала, сознание словно отключилось, когда ее руки начали гладить Райана, а ее рот нашел его губы.

Поцелуй длился дольше, чем она могла бы надеяться, и уж точно дольше, чем она ожидала. Так долго, что Кагоме начала задумываться о большем и поняла, что Райан приходил сюда не только ради Джои. Его руки спустились наконец с ее плеч, начали гладить спину, и это было *так хорошо...* Его глаза были закрыты, а ее взгляд все метался между юношески нежным и беспомощным лицом и жуткой маской спящего мужа. Она словно касалась их обоих. Их рты сомкнулись, пробуя, лаская. Кагоме расстегнула ремень Райана и тут увидела уставившуюся на них *кошку* и на секунду застыла.

Секунды оказалось слишком много.

Райан поперхнулся, отпрянул, снова стукнулся о ее лоб, неуклюже выбираясь из кресла.

— Ох, Кагоме, — пробормотал он, возясь с ремнем, его пальцы дрожали и соскальзывали. Он посмотрел на пряжку, потом на Кагоме, недоверчиво покачал головой. — Мне так жаль. — У него на глазах выступили слезы.

— Райан.

Кагоме начала вставать, но поняла, что слишком устала для этого. Она просто смотрела на него, не пытаясь успокоить. Просто прислонилась головой к спинке кресла, и ее волосы свободной волной упали до самого пола. Она не плакала. Больше всего ей хотелось остаться одной. *Когда ты в последний раз оставалась одна? Месяц назад? Три?*

Райан продолжал плакать и повторять «прости». Пока наконец не

добрел до двери и не ушел, не сказав, что вернется. Кагоме не смогла даже поднять руку и помахать ему вслед.

А потом она осталась одна. Закрыла глаза и прислушалась. Был миг, когда на нее накатила паника. Даже ветер снаружи словно застыл, ничто вокруг не дышало, даже она. А затем, очень тихо, зазвучало мурлыканье Брини и хриплое неровное дыхание Джои. И снова тишина. Кагоме не слышала даже собственного дыхания. *Кажется, миссис Тиел была права, она скорее бонсай, чем жена. Декоративное молчаливое растение.*

И ей всегда будет нечего сказать.

Кагоме. *Даже имя ее ничего не значит, мать взяла его из какой-то детской песенки.*

Открыв глаза, Кагоме выпрямилась в кресле. Она подумала, не позвонить ли родителям в Сендай, но звонить им из этого дома было все равно, что пытаться докричаться с другой стороны пропасти в горах. Здоровье ее матери — и, возможно, уверенность отца в ее предательстве, в потере, когда она решила переехать сюда, — не позволяло им приехать. А здоровье Джои не позволяло уехать ей. Годы катились, как лавина со снежной горы, погребая под собой прошлое. У Кагоме не осталось сил на подобные звонки.

«Я знаю тебя», — промелькнуло у нее в голове. Она продолжала сидеть.

У Кагоме возникла мысль позвонить Райану. Сказать, что ему не за что извиняться, что это была ее вина. Что ей приятны его визиты, что его присутствие было для Джои так же необходимо, как ее близость. Благодаря им Джои боролся. Но Кагоме решила, что этого можно и не говорить. Райан был умницей, несмотря на свою застенчивость. Таким же, каким был Джои. Был.

К изумлению Кагоме, миссис Тиел пришла домой пьяная до невменяемости. И застыла, раскачиваясь, над постелью сына, бездумно глядя на нее. Кагоме встала, набросила одеяло свекрови на плечи и отвела ее наверх, отдохнуть. Руки женщины были холодными, словно она несколько часов держала их в ведерке со льдом. Кагоме включила в спальне свет. Миссис Тиел заморгала и начала бормотать:

— Спасибо, Кагоме. Ты, без сомнения, единственный человек во Вселенной, способный легче всех это переносить.

Кагоме чуть не бросилась на нее с воплем. «Я чуть не переспала с его другом!» — хотелось ей закричать. И жаль, что она не смогла этого сделать. *Легче всех?*

Но вместо этого Кагоме закрыла за собой дверь и несколько секунд

простояла на балконе затихшего дома, который вскоре опустеет по-настоящему. Тишина утешала. По лестнице Кагоме спускалась, не открывая глаз.

Больничная кровать была пуста.

Вначале Кагоме даже не поняла, что видит, сознание отказывалось это воспринимать, не хотело реагировать. Она сбежала по лестнице, оступилась и чуть не упала с последних пяти ступенек, выбежала в гостиную и оглянулась — кухня, настил, *срань господня, он же не сбросился с настила?* — и не увидела ничего и никого.

— Джои? — позвала она.

Снова осмотрелась, почти ожидая увидеть незнакомца в фетровой шляпе. *Он же сказал, что будет здесь, предупредил, что будет.*

— Джои?

И тут Кагоме услышала звук. Один короткий всхлип из ванной. Поскальзываясь на деревянном полу, Кагоме подбежала и дернула ручку. Ванная оказалась заперта.

Кагоме заколотила ладонью по двери.

— Джои? Это я.

— Я убил Брини.

Кагоме застыла, не донеся ладонь до двери.

— Что?

Всхлип. И жуткий, прерывистый свист дыхания.

— Джои, пожалуйста.

— Это был не я. Я ничего не мог поделать. — Он говорил очень четко, словно в конце концов проглотил опухоль целиком или вырвал ее в отчаянной попытке сопротивления.

— Джои.

Всхлип.

Осторожно, почти безглаголиво, каким бы странным это ни казалось после всего, что она видела и делала, когда ухаживала за мужем, Кагоме оглянулась в поисках кошки. Брини принадлежала Джои, это была его кошка, и Кагоме так и не смогла к ней привязаться. Но она любила кошку за то, что та любила Джои.

Господи, неужели кошка там, с ним?

Упав на колени, Кагоме прислонилась лбом к двери и закрыла глаза, изо всех сил желая просочиться сквозь дерево.

— Джои, пожалуйста.

— Я словно потерял контроль над своими руками. Они были как чужие.

Хрип. Бульканье. Долгая тишина. Всклип.

— Кажется, я полностью оторвал ей голову.

Кагоме сдержала всхлип, чувствуя, как сжимаются пальцы, словно становятся когтями, способными процарапать дверь. Открыв глаза, она увидела кошку. Сонная Брини лежала на больничной койке в том же положении, в котором ее наверняка оставил Джои, выбираясь из кровати, вылизывала лапу и поглядывала на Кагоме из-под полуопущенных век.

— Джои? Джои, Бринни в порядке. Она здесь.

Тишина. Настолько долгая, что Кагоме поймала себя на том, что дует на дверь так, словно воздух мог пробиться сквозь дерево и опухоль и добраться до обессиленных легких Джои, вдохнуть в них жизнь. Она поняла, что произошло. Такое бывало. Одно из новых лекарств — за которыми уже никто не следил, — вступило в реакцию с другим. Или их накопилось так много, что организм не выдержал и выдал бред. А теперь у ее мужа приступ. И она ничего не может сделать, только говорить с ним.

— Кагоме? — голос Джои снова звучал иначе, стал тонким, как у семилетнего мальчика. — Кагоме, я не хочу умирать идиотом. Пожалуйста, я не хочу быть...

— Что? О чем ты?

— Который час?

— А? Около часа ночи, или...

— Число? Какое сегодня число? Как долго я уже такой?

Печальный? Больной? Умиравший? Она слышала, что он умирает. Хрип в горле сменил тональность, стал глуше, как задыхающийся мотор. Кагоме заплакала и оглянулась. Человек в фетровой шляпе стоял на верхней площадке лестницы.

И она четко видела его, видела галоши, край плаща, ноги до колен. «Нет», — подумала Кагоме, вскрикивая и оглядываясь в поисках чего-нибудь тяжелого. Того, что можно бросить.

«Я буду жить у тебя во рту».

— Нет, — раздался из-за двери булькающий голос Джои. — Господи, только не так. Сколько? Я убил... Нет, я не буду. СКОЛЬКО?

Глухой стук, словно Джои колотил себя по груди. Или бился головой о стену.

— Джои... — Кагоме не сдерживала слез.

— Не хочу быть идиотом. Я хочу быть собой.

— Джои, ты был собой с тех пор, как я...

— Сколько? Назови мне дату. Сколько я там провалялся? Я убил...

— Никогда, — прошипела она. — Никогда, ни секунды, муж мой, ты

не валялся.

Кагоме моргнула, заметив, что человек в шляпе приблизился. Теперь он был в трех ступеньках от балкона, видимый уже по поясу. И он не шевелился. *«Я знаю тебя»*. Как только Кагоме подумала это, он оказался на пять ступенек ниже, не шелохнувшись, прижимая к бокам свои длинные руки. Она словно смотрела плохо смонтированный фильм.

«Потому что тебе всегда будет нечего сказать».

Петр. Петrrrrr...

Кагоме охватила жуткая паника, желание вскочить и убежать, но она не могла пошевелиться. Слово перекатывалось на языке. Снова и снова. *Петр. Бесполезное слово, бесполезная шляпа, которую никто больше не носит. Никто из ее знакомых. Откуда она знает это слово?*

— Я убил Брини. Кагоме, КОТОРЫЙ ЧАС?

— Константинополь! — внезапно выпалила она и услышала, как ахнул ее муж.

Существо на лестнице мелькнуло и приблизилось. Все также не шевелясь. Теперь Кагоме видела поля его шляпы и низко опущенную голову. Он прятал лицо.

— Ну же, — пробормотала Кагоме. *Кому из них? Она не знала, и это было не важно.*

— Калькутта, — прошептал Джои, стиснув зубы, чтобы сдержать кашель, и Кагоме запрокинула голову, почти улыбаясь. Почти.

— Мошенничаешь, — сказала она, чувствуя, как текут по щекам слезы. — Название еще не сменили.

— Только то... — Рвущий, выворачивающий кашель. Хрип, длинный и низкий. — Что это еще не признал Запад, не означает...

— Ладно. Ченнаи.

Человек в шляпе сошел с лестницы на деревянный пол. Кагоме смотрела, как он приближается. *«Я не уйду, — заклинала она себя. — Я не двинусь с места».*

Петр.

— А вот ты мошенничаешь, — сказал Джои.

Кагоме наблюдала сквозь слезы, как приближается человек в шляпе, и хваталась за дверь, чтобы не упасть. Улыбка, в которую сложились ее губы, была ей незнакома.

— Да неужели? — прошептала она, уже зная ответ.

Она ждала, что он ей скажет. Чтобы получить удовольствие. Чтобы сыграть еще раз. Чтобы бороться чуть дольше.

— Его... название изменили. Оно... теперь другое.

— Мадрас, — сказала она.

— Мадрас, — ответил Джои. — Прости, Кагоме.

Человек в шляпе стоял в метре от нее. Еще немного, и он ее коснется. А ей нечем было в него бросить. И некуда убежать.

Муллинер. Буду жить...

— Простить? — Кагоме смотрела на шляпу, пытаясь различить скрытое полями лицо. *«Я ЗНАЮ тебя»*. — Джои, тебе не за что извиняться...

— Извини меня за то, что я не останусь. Я не могу.

— Джои. Впусти меня.

— Не могу... дотянуться до двери. Прости. Прости. Прости.

Плача от собственного вопиющего непослушания, Кагоме повернулась спиной к человеку в шляпе, припала губами к щели между дверью и стеной и зашептала:

— Я люблю тебя, Джои. Я люблю тебя, Джои. Я люблю тебя, Джои.

И вспомнила.

Где же еще она могла услышать такое бесполезное слово? Только от мужа. *«Высокие существа, — называл он их в тот год интерфероновых кошмаров. — Шептуны. В фетровых шляпах»*.

Ангелы смерти? Ходячие опухоли, шепот в крови?

Или... Что говорил доктор?

Сверху, со стороны лестницы, раздался новый звук — всхлипы, почти поскуливание.

В ушах Кагоме опять звучала песня, которую пел Райан. Или не пел. Она все еще чувствовала прикосновение его рук. А во рту опять появился вкус его языка. И пота, который она слизнула с его щеки. Такого знакомого пота.

Муллинер. Никогда раньше, ни разу...

— Кагоме? — заскулила миссис Тиел.

«Это миф, знаете ли. Неправда, что мы не можем убить рак. Мы можем убить что угодно. Вот только... не избирательно. — Вот что сказал доктор. — А теперь, если ваш муж сможет заставить себя отступить, найти способ справиться с этим на месяц или два...»

Он смог?

Кагоме обернулась. Ее сердце сжималось до боли, кипело от горя, к горлу подкатывали волны тошноты, одиночества, ужаса и... надежды?

Джои?

Миссис Тиел уже спустилась и теперь переводила взгляд с Кагоме на закрытую дверь за ее спиной. Хрипы в ванной прекратились. Уже довольно

давно. Кагоме смотрела мимо свекрови, туда, где за окнами раскачивались сосны. На пустом, бесполезном уже ветру.

— Нет, — сказала миссис Тиел, и Кагоме ощутила, что ее губы снова складываются в улыбку. В оскал, которого у нее никогда раньше не было. *«Потому что его у тебя и не было. Хотя ты его видела. В те редкие минуты, когда Джои казалось, что ты на него не смотришь, он позволял боли отразиться на лице. Он мог превратить эту боль в ярость, в топливо для борьбы со смертью».*

«Что бы ни случилось, — подумала она, — это уже произошло».

Выражаю особую благодарность Норманну Партриджу за то, что одолжил мне свой кошмар.

КЭЙТЛИН Р. КИРНАН

Аммонитовая скрипка

(баллада убийства № 4)

Если бы он когда-нибудь решился записать эту историю, то не знал бы, с чего начать. Потому что история получилась бы слишком запутанной, перегруженной невероятными событиями, противоречиями и махинациями, и читатели просто отвернутся, не в силах сдержать скептицизм. Но он никогда не станет это писать, потому что он не поэт и не писатель, ему не справиться даже со статьей для «желтой» прессы. Он коллекционер. Или, как он любит себя называть, Собираатель. Называть себя Коллекционером с большой буквы он не решался, поскольку и ему была присуща скромность, а в мире наверняка были те, кто гораздо лучше его. Мужчины и женщины, тени забывчивого и вечно занятого мира, который узнаёт о своих фантомах лишь тогда, когда тот или другой ошибается и появляется во вспышках аппаратуры в тюремной камере. Вот тогда люди таращатся, возможно, даже с ужасом в пустых влажных глазах, но вскоре опять забывают. Они ведь заняты, у них есть жизнь, которую нужно прожить, работа, на которой нужно появляться пять дней в неделю, счета, которые нужно оплатить, личные кошмары; в их мире просто не хватает времени для фантомов.

Он жил в маленьком доме, в маленьком городе на берегу моря, потому что только рядом с морем Собирателю удавалось, пусть ненадолго, обрести покой. Даже его коллекции не могли создать полного, завершенного спокойствия, которое охватывало его там, где только волны плескались о гранитные скалы, где соленый туман наполнял его легкие опиумным паром. Будь море женщиной, он бы любил ее. Иногда он даже представлял море в виде дикой и прекрасной женщины в сине-зеленом наряде, с ракушками и песком по подолу. В ее серых глазах таился ураган, в голосе звучал одинокий звон колоколов на буях, крики чаек и шум декабрьского ветра, разбивающегося о прибрежные скалы. Но, думал он, если бы море было женщиной и его любовницей, он должен был бы завладеть ею, потому что коллекционер должен *владеть* всем тем, что любит, чтобы никто другой никогда не мог это заполучить. Сокровища нужно собирать и прятать от слепого мира, который неспособен воспринять свои фантомы. А завладев ею, он ее потеряет и никогда больше не испытает покоя, который способна

подарить только она.

У него, как у собирателя, было две страсти. Он знал, что обычно людям достаточно и одной, и никогда не считал, что это делает их хуже. И все же, сколько он себя помнил, два увлечения шли с ним по жизни, дарили одинаковое удовольствие, и он не видел смысла отказываться от одного ради другого. Зачем, если он может наслаждаться двумя коллекциями и уделять им равное количество внимания. Он думал о своих пристрастиях, как о двух любовницах, ни одна из которых не могла полностью пленить его полигамное сердце. Как и море, которое *не было* его любовницей, но постоянно спасало, страсти понимали, кто он, что он такое и *почему* он такой, какой есть. Окажись он перед необходимостью пожертвовать одной страстью ради другой, подобное понимание стало бы невозможным. Первой страстью была обширная коллекция аммонитов, собранных на скалах морских скал и в пустынях половины земного шара. Второй были девушки, которых он убивал. Он их душил, всегда душил, потому что именно так убивает море, а море *действительно убивает*, и он приносил этих девушек в жертву морю, почитая праматерь мира.

Море было первым Коллекционером.

Ему никогда не приходилось объяснять свою коллекцию асфиксий, убийство девушек не очень часто является предметом коллекционирования, да и коллекция его была тайной. Но он довольно часто сталкивался с необходимостью рассказывать об аммонитах тем, кто считал себя коллекционером. Аммониты не были секретом, хотя и встречались нечасто. Рассказывать о них было практически нечего. Достаточно было сказать, что это моллюски, подкласс головоногих, родственники осьминогов, каракатиц и кальмаров, но отличаются от них наружной раковиной как единственный сохранившийся родственный вид, наутилус помпилиус. Можно было добавить, что аммониты вымерли в конце мелового периода одновременно с динозаврами, и что первая найденная окаменелость относится к девонскому периоду, но тогда пришлось бы объяснять, что такое меловой и девонский периоды. Обычно, когда ему задавали вопрос «Что такое аммонит?», он просто менял тему. Он скрывал свою коллекцию, предпочитая говорить только о геометрии древних греков или о том, как он приехал на Золотую Дугу. Аммониты, насколько он знал, довольно часто встречались в этой местности, наряду с множеством других ископаемых, но этой темы он тоже предпочитал не касаться в разговорах. Иногда он говорил о рогах Амона, египетского бога, или, если ему сильно надоедали вопросами, а он был не в настроении, ограничивался описанием аммонитов из Книги Мормона, о том, как они приняли Бога и познали мир. Он не был

мормоном, конечно же, поскольку служил лишь одному божеству — морю, дарующему покой и уединение в те времена, когда он больше не мог выносить человеческого шума в голове или шумного человечества в целом.

В это туманное зимнее утро он вернулся в свой маленький дом после долгой прогулки по любимому пляжу. Ему нужно было очистить сознание. Он сделал себе чашку горячего чая «Зингер ред», добавил несколько капель меда и устроился в комнате, где на дубовых досках и в застекленных шкафах хранились лучшие экземпляры его коллекции аммонитов. Аммониты притягивали взгляд изысканными изгибами спиралей, борозд редких, неправильных форм, тысячами хрупких известняковых укрытий, которые под воздействием времени и геохимии превратились в обычный кремний или пирит или же пережили более сложную трансформацию. Он сидел за столом, пил любимый чай и время от времени заглядывался на особо любимые экземпляры — *этот* из Южной Дакоты, *тот* с берега Волги, а вот *эти* прибыли к нему из Уитби. А затем его взгляд возвращался к столу, на котором лежал открытый скрипичный футляр. Алый шелк покрывал последний и, возможно, самый ценный из всех экземпляров его коллекции, чудо, которое нельзя было найти ни в одной галерее. Это был последний «камешек» в тот мост, который свяжет его коллекции, не смешивая, но соединяя их.

«Краеугольный камень, — подумал он. — Да, ты станешь краеугольным камнем». Но он знал, что скрипка была чем-то большим и должна была послужить цели, превосходящей простое объединение двух его страстей. Это будет *инструмент*, медиатор и связующее звено пьесы, открывающей самую суть коллекционирования. Скрипка прибыла только сегодня, была доставлена специальным курьером от бельгийского скрипичного мастера, которому коллекционер, скрепя сердце, доверил ее создание.

— Она должна быть исполнена *в точности* по моей инструкции, сказал он несколько месяцев назад, когда прилетел в Хоттон, чтобы лично доставить особые материалы для создания инструмента. — Ни в коем случае не искажайте моих требований.

— Хорошо, — ответил ему мастер. — Я понимаю. Я отлично вас понимаю.

Человек, которому он доверился, бельгийский скрипичный мастер, не только не задавал лишних вопросов и не пытался выпросить, *зачем* такие сложности с инструментом, но и знал кое-что об аммонитах.

— Никаких заменителей, — твердо сказал коллекционер, повторяя это, на всякий случай, уже десятый раз.

— Никаких заменителей и поддельных материалов, — ответил мастер.

— А днище должно быть...

— Я понял, — снова заверил его мастер. — У меня есть эскизы, я буду тщательно следовать вашим инструкциям.

— Колки...

— Будут в точности такими, как мы с вами договорились.

После этого коллекционер заплатил мастеру половину стоимости инструмента, вторую половину обещав отдать после доставки, и шестичасовым утренним рейсом вылетел обратно в Новую Англию. Ему оставалось только ждать, что скрипичных дел мастер на самом деле справится с заданием. На самом деле — как человек, чьи разум, сердце и многочисленные внутренние демоны находились в состоянии постоянной войны — коллекционер втайне даже *желал*, чтобы мастер *сделал* ошибку, проигнорировал самые важные детали инструкций или чтобы скрипка была выполнена идеально, но потерялась при доставке, нарушив его планы. То, что задумал совершить коллекционер, было грандиозно, и он, всегда считавший себя собранным и разумным человеком, прекрасно осознавал последствия своих действий. И знал, что его ждет, если его планы станут известны кому-нибудь из обычных людей, которые понятия не имели об океане и о его потребностях. Обычный человек не видит даже фантомов из плоти и крови, хотя проходит мимо них при свете дня. Что для него древняя дань богине, которая три с лишним миллиона лет назад породила весь этот мир в процессе сложнейших хитросплетений эволюции.

Но мастер не ошибся, и винить его можно было лишь в четком соблюдении правил своего искусства и желаний клиента. Так или иначе, инструмент, который заказывал коллекционер, был готов и поблескивал перед ним в свете выставочных шкафов. Верхняя дека была сделана из ели. В дерево мастер вставил четыре маленьких аммонита — *xipheroceras* из юрского периода, найденных на побережье Дорсета в Лиме, Реджис — два вмонтированы сверху, два снизу. Коллекционер сам нашел эти аммониты много лет назад и с тех пор не видел более совершенного и хорошо сохранившегося образца ни на одном аукционе. Нижняя дека по традиции была выполнена из клена, грифовая накладка — из черного дерева. Головкой скрипке служил пятый аммонит, идеальная логарифмическая спираль, куда более совершенная, по мнению коллекционера, чем все, что можно вырезать из дерева. Пять аммонитов на скрипке, по его замыслу, являлись вершинами пентакля. Мастер использовал клен для днища и обечаек, но когда коллекционер перевернул инструмент, на него взглянуло изображение, тщательно скопированное с его же эскиза — большой

осьминог, морской дьявол из множества легенд, переплетающий щупальца затейливым узором.

Колки и кобылка, подбородник и мостик были выточены из кости, которую коллекционер привез мастеру. На первый взгляд эта кость ничем не отличалась от слоновьих или моржовых бивней, или же, к примеру, от зубов кашалота. Помимо кости Собиратель привез высушенные кишки для пяти струн, а когда мастер возразил, что обычные стальные струны будут надежнее, эти же не выдержат испытания временем и игрой, он проговорился, что на инструменте будут играть только один раз, поэтому надежность и долговечность его не заботят. Для смычка он привез пряди волос, якобы из хвоста мерина, чудного серого животного чистейших кровей из Кентукки. Он даже заказал особую канифоль, из сока алеппской сосны, которую передал мастеру из рук в руки.

И вот, четыре долгих месяца спустя, коллекционер вознагражден за все свои усилия; к добру или к худу, но различие между настоящим инструментом и его эскизами было лишь в одном — скрипка была прекраснее, чем он представлял.

Он допил чай, помедлил, чтобы слизнуть с тонких губ оттенки вкуса гибискуса и розовых лепестков, меда и лимонника. Затем закрыл футляр и выписал последний чек бельгийскому мастеру. Коллекционер вложил чек в конверт с адресом магазина на Рю де Центр в Хоттоне. Чек отправится вместе с утренней почтой, оплатой за газ, телефон и электричество, а также письмом, написанным от руки на открытке с запахом сирени. Открытка предназначалась скрипачке из Бруклина. Закончив со счетами, коллекционер устроился за столом в галерее, положив руку на футляр. Он мечтательно улыбался, его глаза сияли при виде замечательных вещей, которые ему удалось собрать в одном месте, и от осознания того, что эти вещи принадлежат ему и никогда не окажутся в чужих руках.

Скрипачка тоже не написала бы этой истории. Слова тяжело ей давались. Иногда ей казалось, что она даже мыслит не словами, а исключительно нотами. Открытку с запахом сирени она перечитала несколько раз, а затем сделала все так, как предлагал текст, потому что иного выхода просто не видела. Она купила билет и на следующий день уже сидела в поезде, который шел через Коннектикут, Род-Айленд и Массачусетс до маленького городка на скалистом берегу моря. Она никогда не любила море, оно казалось ей отвратительной, неразрешимой загадкой, мало чем отличающейся от смерти. Скрипачка не переносила вкуса рыбы, лобстеров, кальмаров, даже запах океана казался ей отвратительным,

напоминал вонь канализации. Ей часто снилось, что она тонет и мелкие подводные твари с глазами черными, как ночь, поднимаются к ней из бездны, чтобы утащить за собой в темные долины покрытого илом дна или к руинам древних затонувших городов. Но это были *только* сны, они не могли причинить настоящего вреда. К тому же она прожила достаточно, чтобы знать: в мире есть вещи и пострашнее моря.

У железнодорожной станции она взяла такси, которое покатило мимо города, через извилистую речку, вьющуюся между заброшенных доков и пустых складов, а затем к маленькому дому, окрашенному в канареечный цвет. Адрес дома совпадал с адресом на открытке, которая пахла сиренью, поэтому она расплатилась с водителем и вышла.

Остановившись на дорожке, скрипачка рассматривала желтый дом, который начал ее тревожить. А может, тревогу вызывал желтый цвет, которого вокруг было слишком много. Подступали сумерки, и скрипачка вздрогнула, жалея, что не надела кардиган под пальто, но тут над крыльцом зажегся свет и появился мужчина, машущий ей рукой.

«Это он прислал мне открытку, — подумала она. — Это он хочет, чтобы я для него сыграла». Скрипачке почему-то казалось, что пригласивший ее мужчина будет гораздо моложе и не таким толстым. Этот же выглядел как Капитан Кенгуру. Он махал ей рукой и улыбался. Она пожалела, что отпустила такси и не может вернуться на станцию, пожалела, что ей нужны деньги от этого толстяка из желтого дома, пожалела, что у нее не хватило здравого смысла остаться в родном городе. *«Ты все еще можешь развернуться и уйти, — напомнила она себе. — Ничто не мешает тебе просто развернуться и зашагать прочь, не оборачиваясь, забыв навсегда об этой глупой затее».*

Возможно, это было правдой, а возможно, не было, но скрипачка не могла себе позволить проверить это на практике. Она задолжала за квартиру за несколько месяцев, работа шла не очень хорошо, учеников и возможностей подработать оставалось все меньше. Поэтому скрипачка кивнула и помахала в ответ тому, кто попросил ее приехать без скрипки, потому что хочет послушать ее игру на определенном инструменте, который он недавно привез с собой из Европы.

— Заходите. Вы, наверное, замерзли, — сказал толстяк, и скрипачка попыталась не думать о море за спиной, о желтом цвете, от которого ей казалось, что она тонет в расплавленном масле, и о том, что ее встретил мужчина, пишущий письма от руки на открытках с запахом сирени.

Коллекционер заварил чайничек «Зингер ред», который скрипачка

предпочитала пить без меда, и поставил на стол маффины с маком, принесенные утром из городской кондитерской.

Скрипачка сидела напротив, за столом в кабинете со стендами его коллекции, пила чай, отщипывала кусочки маффина и притворялась, что ей интересны рассказы о важности полового диморфизма как различия между видами аммонитов. Раковины самок были крупнее, палеонтологи называют их макроконхами. У самцов раковины обычно меньше, микроконхи, и не следует принимать размер за доказательство принадлежности к разным видам. Он говорил о *Parapuzosia Bradyi*, самом большом из найденных аммонитов и самом крупном экземпляре своей коллекции. Диаметр раковины был более четырех с половиной футов.

— Они все прекрасны, — сказала скрипачка.

Она не хотела говорить ему о том, что ненавидит море и все, что вышло из моря, и что от мысли о том, что в этих чудесных раковинах когда-то обитали скользкие твари со щупальцами, ее бросает в дрожь. Она просто пила чай, улыбалась и кивала в подходящих местах, а когда мужчина спросил, может ли он называть ее Эллен, сказала, что да, конечно.

— Это не будет слишком фамильярно с моей стороны?

— Ну что вы, — ответила она, очарованная его манерами, которые заставляли задуматься, кто он: гей или просто одинокий пожилой мужчина со странностями, живущий в желтом доме и беседующий только со своей коллекцией старых камней. — Это же мое имя. Меня зовут Эллен.

— Я бы не хотел вас оскорбить, позволив себе излишнюю вольность, на которую не имею права, — сказал коллекционер, убирая китайский фарфор и оставшиеся крошки. А затем спросил, не желает ли она взглянуть на скрипку.

— Если вы готовы мне ее показать.

— Я не хочу вас торопить. Если желаете, мы можем еще побеседовать.

И тогда скрипачка объяснила ему, что никогда не любила бесед, ей сложно давались слова и речь в целом, поэтому она порой подозревала, что лучше всего у нее получается общаться при помощи музыки.

— Иногда мне кажется, что мелодия говорит со мной, — виновато произнесла она, потому что привыкла извиняться, если ей казалось, что она делает что-то не так.

Но коллекционер улыбнулся, а затем мягко рассмеялся, постучав себя по носу указательным пальцем.

— Я искренне считаю, что речь и язык, какими бы они ни были, едины. Музыкальные фразы, песни птиц, изменение цвета у флюоресцентных кальмаров, какая разница? Я предпочитаю общаться, а не

пререкался. — Он открыл один из ящиков стола маленьким ключом из желтой меди и достал футляр с бельгийской скрипкой.

— Если слова не приходят к вам, когда вы их зовете, то, прошу, поговорите со мной с помощью этого. — Он расстегнул замки и открыл футляр, чтобы скрипачка могла видеть спрятанный внутри инструмент.

— О боже! — ахнула она и забыла о неприятных ощущениях и неловкости, глядя на аммонитовое чудо. — Я никогда ничего подобного не видела. Никогда. Она прекрасна. Нет, она более чем прекрасна.

— Так вы сыграете на ней?

— А можно ее коснуться?

— Как же вы сможете играть, не прикасаясь к ней?

Эллен осторожно вынула скрипку из футляра — так некоторые люди касаются младенцев, держат вазу эпохи Мин или бутылку с нитроглицерином, так коллекционер брал в руки редчайшие и хрупкие аммониты с подставки или подушки.

Эта скрипка оказалась тяжелее всех тех, на которых ей доводилось играть. Скорее всего, из-за камней, которые мастер вставил в корпус. Эллен подумала о том, как эти пять древних камней могут повлиять на звук, как они исказят голос скрипки.

— На ней никогда не играл никто, кроме ее создателя, хотя его мы можем не считать. Вы, моя дорогая, станете первой.

Она чуть не спросила, за что ей такая честь, ведь за ту плату, что он предложил, можно было пригласить любого исполнителя, и любой талант согласился бы приехать в этот маленький желтый домик. Кто-то более известный, достигший большего, чем она, кто-то, кому не нужно учить студентов, чтобы заплатить за квартиру, мог бы заинтересоваться предложением приехать в маленький город у моря и сыграть для толстяка на дивной скрипке. Но Эллен подумала, что подобный вопрос может прозвучать слишком грубо, и чуть не извинилась за слова, которых не произнесла.

А затем, словно прочитав ее мысли, так что извинение могло бы быть уместным, коллекционер пожал плечами, промокнул носовым платком уголки рта и сказал:

— Наше мироздание — невероятно сложный механизм. Иногда нужно смотреть очень внимательно, чтобы хотя бы частично осознать, как та или иная вещь может быть связана с остальными. К примеру, ваша сестра...

— Моя *сестра*?

Эллен настолько изумилась, что смогла отвести взгляд от аммонитовой скрипки и взглянуть в лучащиеся дружелюбием глаза коллекционера. В

животе скрипачки завязался холодный узел, руки начало покалывать, по шее побежали мурашки. Весь набор штампов, которые используют в книгах для описания страха, она испытала одновременно. Скрипка в руках вдруг показалась грязной и опасной. Эллен хотелось поскорее вернуть ее в футляр.

— Что вы знаете о моей сестре?

Коллекционер покраснел и опустил глаза, скрестив руки перед собой и опираясь ими на стол. Он начал запинаться, и, похоже, со словами он управлялся не лучше, чем она сама.

— Что *вы* знаете о моей сестре? — снова спросила Эллен. — Как вы о ней узнали?

Коллекционер нахмурился и нервно облизал губы.

— Простите, — сказал он. — С моей стороны это было вопиющей бестактностью. Я не должен был касаться этой темы.

— Как вы узнали о моей сестре?

— Но ведь это же не тайна? — Он позволил своему взгляду скользнуть по рукам, по столешнице и наконец посмотрел ей в лицо. — Я читаю газеты. Телевизор я, правда, не смотрю, но в новостях о ней наверняка передавали. Она была убита...

— Этого никто не знает. Никто ничего не знает наверняка. Она *исчезла*. — Последнее слово скрипачка буквально прошипела сквозь зубы.

— Она исчезла уже давно, — ответил коллекционер чуть смелее, начиная понимать, что не слишком переигрывает.

— Но они не знали, что ее убили. А вы это *знаете*. Ее тела так и не нашли.

Эллен решила, что слишком много говорит, и уставилась на скрипку толстяка. Несколько минут назад она считала эту скрипку прекрасной, сейчас же чувствовала, что держит гротескную *пародию* на скрипку. Похоже на горгулью, подумалось ей, на дешевый фарс, на чью-то злую, болезненную шутку. Ей захотелось вымыть руки.

— Простите меня, — сказал коллекционер, и в его голосе прозвучало искреннее раскаяние. Обитатель желтого домика на морском берегу никогда еще не был так убедителен. — Я живу один. Я забываюсь и произношу вслух то, что не стоило произносить. Прошу, Эллен, сыграйте мне. Вы проделали долгий путь, и мне бы очень хотелось услышать вашу игру. Будет ужасно жаль, если несколько неосторожных слов лишат меня этого удовольствия. Я восхищаюсь вашим искусством...

— Никто не *восхищается* моим искусством, — ответила она, размышляя, сколько времени понадобится такси, чтобы вернуть ее на

другую сторону грязной реки, за пустые ряды складов и доков, и сколько ей придется ждать обратного поезда до Нью-Йорка. — Я до сих пор не понимаю, как вы меня нашли?

Коллекционер ждал этой возможности и тут же просветлел, наклонившись к ней через стол.

— Я расскажу вам, и вы сразу успокоитесь. Я видел, как вы играли на открытии галереи в Манхэттене, вы и ваша сестра.

Это было около года назад. В галерее на Мерсер-стрит. Она называлась... как же она называлась, вертится на кончике языка...

— Айкон, — почти шепотом ответила Эллен. — Галерея называлась Айкон.

— Да, да, именно. Благодарю вас. Я еще подумал, какое смешное название, мне никогда не нравилась игра слов. В тот раз галерея выставлала работы французского художника, Альберта Перро, и, должен признаться, работы эти показались мне просто ужасными. Но меня очаровала ваша игра. Я позвонил в галерею, и они были так добры, что сказали мне, как с вами связаться.

— Мне тоже не понравились те картины. В тот день мы с сестрой последний раз играли вместе, — сказала Эллен, прижимая палец к аммониту, заменявшему скрипке головку.

— Я этого не знал. Простите, Эллен. Я не хотел всколыхнуть плохие воспоминания.

— Это не *плохое* воспоминание, — сказала она, желая, чтобы все было так просто, и потянулась за смычком, который остался в футляре на шелковой подкладке цвета гранатового дерева.

— Простите, — повторил коллекционер, убеждаясь, что исправил ошибку и не спугнул ее. Теперь все пройдет так, как и было запланировано. — Я лишь хотел снова услышать, как вы играете.

— Скрипку нужно настроить, — произнесла Эллен, которая действительно проделала долгий путь, нуждалась в деньгах и больше не видела ничего странного в словах толстяка.

— Конечно. Я пойду в кухню. И заварю еще чайничек чаю, а вы позовете меня, когда будете готовы.

— Мне нужен камертон. — Эллен не заметила в этом доме пианино. — Если у вас есть метроном с тюнером...

Коллекционер быстро вынул камертон из ящика стола и послал его по столешнице в сторону скрипачки. Она поблагодарила и осталась одна в комнате с высокими стеклянными шкафами, полными окаменелых ракушек.

«Я сыграю для него, — думает скрипачка. — Я буду играть на его скрипке, пить его чай и улыбаться, а потом он заплатит мне за потраченное время и неудобства. Я вернусь в город и завтра или послезавтра буду рада, что не сбежала. Завтра или послезавтра мне покажется смешным этот страх перед грустным стариком, который живет в уродливом желтом доме и собирает камни».

— Я буду, — произнесла она вслух. — Именно так все и произойдет.

Позже он приносит ей шаткий старый пюпитр, который, похоже, пережил не один век школьных выступлений, и садится за стол, попивая свежий чай. А она сидит в пересечении света, льющегося из шкафов с его коллекцией. Он просит сыграть Паганини, Концерт для скрипки с оркестром № 3, ми мажор. Она бы предпочла что-то более современное — Гореки или Филиппа Гласса, то, что могла бы воспроизвести по памяти, — но у него есть ноты, это его скрипка, и именно он подписывает чек.

— Сейчас? — спрашивает она, и он кивает.

— Да, пожалуйста. — Он салютует ей чашкой чая.

И Эллен берет скрипку, устраивает ее на левом плече, прижимает подбородком и некоторое время читает ноты, прежде чем начать. *Introduzione, allegro marziale*. Интересно, думает она, он хочет услышать все три части или устанет раньше и остановит ее? Скрипачка делает глубокий вдох и начинает играть.

Со своего места за столом коллекционер, закрыв глаза, внимает голосу скрипки. Он жмурится и вспоминает такую же зимнюю ночь, случившуюся почти год назад, но для него все было, словно вчера, настолько живыми были воспоминания. Его коллекция асфиксий была разнообразна, но пополнялась реже, чем другая. Он не мог бы назвать дат и времени приобретения аммонитов, но мозг коллекционера хранил даты асфиксий с точностью до минуты. Их было шестнадцать, шестнадцать за двадцать один год, и с ночи, когда он добавил к коллекции последний экземпляр, прошел почти год. Возможно, подумал он, стоило дожидаться годовщины, но когда из Бельгии прибыла посылка, энтузиазм и нетерпение сыграли решающую роль. Подписывая открытку для скрипачки, он написал «при первой же возможности» и дважды подчеркнул слово «первой».

И вот она перед ним, и аммонитовая скрипка поет ему Паганини так же четко и чисто, как пели динамики в машине в ту ночь, почти год назад, и его сердце бьется так же быстро, так же сильно, повинуюсь ярким воспоминаниям, от которых захватывает дух.

«Пусть это не заканчивается! — молит он море, которое всегда слышало его молитвы и всегда отвечало на них. — Позволь этому длиться вечно».

Он сжимает кулаки, и короткие ногти впиваются в кожу. Он прикусывает губу и чувствует на языке кровь, несколько капель жизни, почти неотличимые по составу от морской воды.

«По крайней мере я сделал идеальную вещь, — говорит он себе, себе и морю, и аммонитам, и душам тех, кого он задушил. — Столько лет, столько усилий и денег, но я наконец добился совершенства». И тогда он снова открывает глаза и выдвигает средний ящик стола, чтобы достать оттуда пистолет, когда-то принадлежавший его отцу, рыбаку из Глочестера, который никогда ничего не коллекционировал.

Ее пальцы танцуют по струнам на грифе, и Эллен на несколько минут теряется в переплетении гармоник, прижимает две струны одновременно, чувствует вибрации скрипки. И тогда к ней приходит магия — *истинная магия* — ее искусства. Только сейчас Эллен может ощутить ее в полной мере. Она позволяет себе отвлечься от пюпитра и нот, потому что ей больше не нужны подсказки, музыка идет изнутри, жжет кончики пальцев. Она могла бы сама написать эти ноты, с такой легкостью и уверенностью музыка течет через нее в скрипку. Это экстаз, это опустошение, это рев и грохот тысячи эмоций одновременно. До этой ночи она никогда не испытывала ничего подобного. Странная скрипка больше не кажется непривычно тяжелой, она почти невесома.

«Возможно, ее и нет, этой скрипки, — думает Эллен. — Возможно, скрипки не было никогда и музыку создают в воздухе только мои руки».

«Речь и язык, какими бы они ни были, едины», — сказал толстяк, и теперь ее словами стали звуки. Нет, не словами, чем-то более точным, чем неуклюжие звуки, порожденные ее языком, зубами, губами и небом. Звуки стали ее речью, как и должно было быть. Ее душа говорила с миром, а миру оставалось только слушать.

Эллен закрыла глаза. Ей больше не нужно было смотреть, чтобы увидеть переход от ноты к ноте, и поначалу лишь уютная темнота царила за веками.

«Пусть это не заканчивается! — думает, но не молится она, разве что это молитва самой себе, ведь скрипачка никогда не нуждалась в богах. — Пожалуйста, пусть это длится вечно. Пусть никогда не заканчивается, и мне не придется прекращать игру, пусть больше не будет тишины или шума человеческих мыслей и разговоров».

— Это возможно, Эллен, — шепчет ее сестра, но шепчет не в ухо, а откуда-то из концерта Паганини или из самой аммонитовой скрипки. — Я бы хотела подарить тебе вечность. Я подарю тебе ее, если подарок окажется мне по силам.

И тогда Эллен видит, или слышит, или просто *понимает*, что этот язык, ее язык, который одновременно и речь, отнял у сестры толстый человек, сжав руки на ее горле. Ее сестра умерла где-то у моря, и рядом с ней не было никого, кроме убийцы. Эллен едва не перестала играть, когда поняла это.

«*Нет*», — прошептала ей сестра, и это слово оказалось взрывом созвучий. Эллен не прекратила играть и не открыла глаз, глядя на то, как ее сестра медленно умирает.

Музыка стала тайфуном, несущимся над скалистыми берегами, сметающим гравий и песок, и Эллен позволила ей яриться и кружить, глядя, как толстый человечек отрезает ее сестре четыре пальца и часть бедренной кости, как состригает ее пепельные волосы, как вырезает жир из ее груди, как забирает часть ее кишечника — все это и пять окаменелостей с английского пляжа нужны ему, чтобы создать инструмент, на котором она сейчас играет. По щекам Эллен катятся слезы, но она играет на скрипке, которая была ее сестрой, и не открывает глаз.

Единственный выстрел громом прокатывается по комнате. Шкафы дрожат, несколько аммонитов падают с подставок и разбиваются о дерево, стекло или другие спиральные раковины.

И вот тогда Эллен открывает глаза.

Музыка затихает, смычок выскальзывает из ее пальцев и падает на пол у ее ног.

— Нет, — говорит она, — пожалуйста, пусть это не заканчивается.

Но выстрел и концерт все еще звучат у нее в ушах, и она не слышит собственных слов.

— *Вот и все*, — шепчет ее сестра, и ее шепот громче, чем выстрел самоубийцы, мягче, чем зимняя ночь. — *Я показала тебе, и теперь этого больше нет.*

Коллекционер по-прежнему за столом, но теперь он слегка осел на стуле, его голова запрокинулась назад, словно он что-то увидел на потолке. Кровь заполняет его рот и стекает на пол.

Этого больше нет.

И когда Эллен перестала плакать и поняла, что сестра уже не заговорит с ней, храня свои секреты и все, что было показано, она подняла упавший смычок и подошла к столу. Скрипачка вернула аммонитовую

скрипку в футляр. Нет, она не отдала ее полиции, которую вызвала, не рассказала о том, что это толстяк дал ей скрипку. Она заберет скрипку с собой в Бруклин, а в другой комнате желтого дома полиция найдет достаточно, им не понадобится скрипка, сделанная из тела ее сестры.

Коллекционер тщательно подписал все три книги, переплетенные в красную кожу, аккуратно внес в них все имена, адреса и места. Скрипачка никогда не напишет эту историю, слова всегда сложно ей давались, поэтому история, как и скрипка, всегда будет принадлежать только ей.

ДЖЕФФ ГЕЛБ

Скромное предложение

Какого черта я должен завершать подборку из восемнадцати великолепных рассказов? Да еще и с предисловием от Рэя Хэррихаусена? Как мне выдержать стиль после его чудесной страшилки? Бывают же сложные задания!

А знаете, что действительно страшно? То, сколько авторов еще только ждут возможности расправить крылья. Их рассказы уже написаны, осталось их издать. Войдут ли они когда-нибудь в антологию?

Да, ребята, обязательно войдут. Сейчас издают не так уж много хороших антологий ужаса, и существует не так уж много мест, где автор может попробовать себя в этом жанре. Книг, на страницах которых начинающие писатели будут соседствовать с мастерами. Книг, в которых читатель найдет идеи, о которых киноиндустрия может только мечтать. Фильмы слишком адаптированы для широкой аудитории, они стараются угодить всем. А это почти всегда означает притупление острых моментов и обязательную страховку для героя. Я уверен, вы это не раз замечали.

Забавно, ведь миллионы людей всех возрастов так любят пугаться — но лишь до тех пор, пока действие происходит в фильме, а сами они находятся в безопасности. Даже сейчас они пересматривают «Пилу-4» и «Хостел-3» — и это еще не худший вариант. Готов поспорить, они и не думают о том, какое удовольствие могут получить от чтения книг нашего любимого жанра.

И вот я бросаю перчатку, дамы и господа. Только от нас зависит размер нашей аудитории. Никто не обогатился на сочинении рассказов «Вкуса ужаса». Авторы написали эти рассказы *для вас*. Они любят хоррор и с удовольствием делятся своей любовью к жанру с вами и другими поклонниками.

Так что же вы можете сделать? Для начала купить хоть один экземпляр антологии. А затем пустить его по рукам — дать почитать другу, коллеге, который не умолкая говорит о том, каким классным оказался серийный убийца/сериальный маньяк. Пусть прочитают книгу в одиночестве, при свете тусклой лампочки.

Я знаю, что сейчас проповедую правоверным. Но все зависит только от нас. Нам нужно вырастить общество новых поклонников хоррора.

Только так с книжных прилавков не исчезнет жанр, без которого мы не мыслим жизни.

Dark Delicacies 2.

Fear: Uneasy Foreword to the Second Anthology © Del Howison, 2007;
The Act of Creation © Ray Harryhausen, 2007;
Sunrise on Running Water © Barbara Hambly, 2007;
Dog © Joe R. Lansdale, 2007;
The Accompanist © John Harrison, 2007;
Where There's a Will © Robert Masello, 2007;
Stacy and her Idiot © Peter Atkins, 2007;
Amusement © Tananarive Due, 2007;
Great Wall: A Story from the Zombie War © Max Brooks, 2007;
Words, Words, Words © Gary Brandner, 2007;
Between Eight and Nine O'Clock © Ray Garton, 2007;
First born © Penny Dreadful Ltd, 2007;
A Host of Shadows © Harry Shannon, 2007;
What the Devil Won't Take © L. A. Banks, 2007;
The Y Incision © Steve Niles, 2007;
The Unlikely Redemption of Jared Pierce © Joey O'Bryan, 2007;
Queen of the Groupies © Greg Kihn, 2007;
Season Premiere © James Sallis, 2007;
I Am Coming to Live in Your Mouth © Glen Hirshberg, 2007;
The Ammonite Violin (Murder Ballad No.4) © Caitlin R. Kieman, 2007;
Dark Delicacies Last Word — A Modest Proposal © Jeff Gelb, 2007.

Об авторах

Джон Фаррис в 2002 году получил *Lifetime Achievement Awards* от Ассоциации авторов хоррора, написал множество бестселлеров, в том числе «The Fury», «Shatter», «Son of Endless Night». Его часто называют лучшим автором хоррора из пишущих на сегодняшний день. Тридцать восемь романов разошлись двадцатью двумя миллионами экземпляров по всему миру и переведены на двадцать пять языков. Недавно вышли его романы «Phantom Nights» и «You Don't Scare Me» и «Avenging Fury» — четвертый и пятый тома серии «Fury Quartet». Фаррис является автором сценария и режиссером культового фильма «Дорогая мертвая Делайла», ставшего классикой, и написал сценарии для многих других. Его карьера драматурга началась, когда Джону исполнилось двадцать, однако была недолгой. Состоялась лишь одна постановка его пьесы «The Death of the Well-Loved Boy», и Фаррис до сих пор с гордостью говорит, что «она получила худшие отзывы со времен Атиллы». Живет в Мариэтте, штат Джорджия, пять дней в неделю пишет, а остальное время смотрит в пространство и размышляет о жизни.

Джефф Гелб совместно с Майклом Гарретом готовил всемирно известную серию «Hot Blood», а с Максом Аланом Коллинзом издавал антологию «Flesh and Blood». Он же составил несколько сборников «Shock Rock» и «Fear Itself». Новелла Гелба «Призраки» стала единственным его крупным произведением. Вышли также комиксы по его рассказам «Бетти Пейдж комикс» авторства Дейва Стивенса. Гелб живет в Южной Калифорнии с женой Терри Глэдстон и сыном Леви, который недавно закончил обучение на раввина.

Дэл Ховисон вместе с женой Сью открыл единственный в Америке магазин, полностью посвященный хоррору, — «Темные деликатесы», магазин книг и сувениров, созданный поклонниками для поклонников, много лет восхищающихся жанром. Они и их магазин не раз появлялись в документальных фильмах о жанре хоррора и природе зла. Бывший фотокорреспондент, Дэл не раз писал статьи для множества журналов, в том числе «Rue Morgue» и «Gauntlet», а также составлял предисловие для издания «Varney the Vampire» издательства «Wildsite Press». Его рассказы появлялись в самых разных антологиях. Данная книга — его первая попытка составления антологии. На данный момент Ховисон выступает соиздателем в двух проектах: «Horror Book of Lists» с Эми Уоллес и Скотом

Брэдли и «Dark Screen: Horror Writers on Horror Cinema» с Лизой Мортон. Он неоднократно получал премии как редактор и автор. Его книги были номинантами и призерами премии Брэма Стокера, «The Black Quill Award», «Shirley Jackson Award» и «Rondo Award».

Стив Найлз. Его имя широко известно среди поклонников хоррор-комиксов. Он один из тех писателей, кто смог возродить популярность комиксов в жанре хоррор. Стив является автором комикса «30 Days of Night», который экранизировала продюсерская компания Сэма Рейми. Некоторые проекты Найлза были экранизированы Голливудом, в том числе детективные романы в стиле хоррор о Кэле Мак-Дональде и мини-серия юмористических комиксов. Журнал «Fangoria» назвал Стива «одним из тринадцати новых талантов, которые гарантируют нам качественные ужасы на протяжении следующих двадцати пяти лет». Найлз сотрудничает с четырьмя ведущими издательствами комиксов в США: «Марвел», «DC», «Image» и «Dark House». В июне 2005 года Найлз и актер Томас Джейн («The Punisher») основали кинокомпанию «RawEntertainment», первой работой которой стали «The Lurkers». Найлз и его коллега по созданию «Бигфута», рокер Роб Зомби, продали права на фильм «Rogue Pictures». Найлз и Зомби будут вносить поправки в сценарий. На очереди экранизации «Wake the Dead», «Hyde», «Aleister Arcane» и «Criminal Macabre». Найлз живет в Лос-Анджелесе.

Макс Брукс с 2001-го по 2003 год писал сценарии для шоу «Saturday Night Live», и в этот период времени шоу получило премию «Эмми». Его первая книга «The Zombie Survival Guide», по нашим данным, переиздавалась уже шестнадцать раз. Экранизацией последнего романа «World WarZ» заинтересовалась компания Брэда Питта, в настоящее время идет работа над графической адаптацией текста. Обе книги стали бестселлерами «Нью-Йорк тайме». В свободное время Макс продолжает работу и является соавтором комедийного интернет-сериала «The Watch List», который транслируется на «Comedy Central Motherload».

Гэри Брэнднер родился на Среднем Западе. В молодые годы много путешествовал. На данный момент в его послужном списке более тридцати изданных романов, более ста рассказов и множество сценариев. Брэнднер пережил обучение в Университете Вашингтона, после чего ему была не страшна никакая работа. Гэри был боксером-любителем, барменом, топографом, оценщиком в кредитном обществе, рекламистом-копирайтером и публицистом, после чего сосредоточился на художественной литературе. После оглушительного успеха романа «The Howling» Гэри слегка остепенился и теперь проживает в долине Сан-

Фернандо с женой и кошками. На текущий момент он занят подготовкой фильма как сценарист и сопродюсер.

Л. А. Бэнкс (Лэсли Асдейл Бэнкс) родилась в Филадельфии. Выпускница Уортонской школы при Университете Пенсильвании, получила степень магистра искусств в университете Тэмпл по программе «кино и медиаискусство». После десятилетней карьеры в качестве специалиста по корпоративному маркетингу в крупнейших компаниях США в 1991 году Бэнкс поменяла поле деятельности, вплотную занявшись написанием книг и сценариев. На данный момент на счету автора более двадцати семи романов, ее рассказы вошли в десяток антологий различных жанров и получили множество премий. Бэнкс полностью погрузилась в творчество. Она по-прежнему живет в Филадельфии.

Рэй Гартон написал более пятидесяти книг. В 2006 году получил премию Гранд Мастер Небьюла (Эвод). В настоящее время работает над новым романом «Ravenous», историей об оборотнях. Книга будет издана «Leisure Books». Живет в Северной Калифорнии с женой Давн и стаей кошек.

Тананарив Дью — американская писательница, лауреат премии American Book и автор семи романов, в том числе «Joplin's Ghost», «The Good House», «The Living Blood», «My Soul to Keep», «The Between». Номинировалась на премию Брэма Стокера и премию Международной гильдии ужаса. «Пабlishерз викли» писала, что «The Living Blood» стала «эталонном мистического триллера нового тысячелетия». Две работы Дью на данный момент экранизирует «Фокс серчлайт пикчерс». Рассказ «Patient Zero» вошел в два сборника лучшей научной фантастики года. Рассказы Дью в жанре хоррор публиковались в антологиях «Dark Dreams», «Dark Matter» и «Mojo: Conjure Stories». Дью и ее муж, писатель Стивен Барнес, иногда работают в соавторстве. В июне 2007 года опубликован их первый мистический роман «Casa negra», написанный в соавторстве с актером Блэром Андервудом. Дью выросла в Майами, в семье активистов движения по защите гражданских прав. Вместе с матерью она написала документальную книгу «Свобода в семье: воспоминания матери и дочери о битве за свои права». Дью живет в Южной Калифорнии с Барнесом, сыном Джейсоном и приемной дочерью Ники.

Грег Кин — рок-звезда 80-х годов XX века. Несколько его синглов завоевали популярность во всем мире (в том числе «Jeopardy» и «The Breakup Song»). В середине 90-х годов оставил бурную жизнь и начал параллельно работать на радио и писать. На сегодняшний день издано четыре его романа и огромное количество рассказов. Радио-шоу «Big Rock

Beat» стало для него знаковым. Грег живет в Северной Калифорнии, ведет радиопередачи на «KFOX» в Сан-Хосе и до сих пор играет в группе.

Кэйтлин Р. Кирнан — автор семи романов, в том числе «Silk», «Threshold», «Low Red Moon», «Murder of Angels» и недавно изданного «Daughter of Hounds». Четырежды номинант Международной Гильдии Ужаса. Ее произведения изданы в четырех томах: «Tales of Pain and Wonder», «From Weird and Distant Shores», «Alabaster» и «To Charles Fort, With Love». Ее рассказы регулярно включают в антологии («The Year's Best Fantasy and Horror», «The Mammoth Book of Best New Horror», «The Year's Best Science Fiction»). Кирнан родилась в Дублине, в Ирландии, училась по специальности «палеонтолог позвоночных», сейчас живет в Атланте с подругой, фотографом и кукольным мастером Кэтрин Поллак.

Джо Р. Лэнсдейл — автор более двадцати книг и двухсот рассказов. Его «Bubba Hotep» и «Incident On and Off a Mountain Road» стали основой для фильмов. Экранизация других произведений пока обсуждается.

Роберт Маселло — обладатель многочисленных премий как журналист, телесценарист и автор прикладных книг. Его статьи, эссе и рецензии появлялись в самых разных изданиях, таких как «Los Angeles Times», «New York Magazine», «New York Newsday», «The Washington Post», «Redbook», «Travel and Leisure», «Harper's Bazaar», «Glamour», «Elle», «TV Guide», «Cosmopolitan», «Parade», «Town and Country», «Wilson Quarterly». Он же писал сценарии для таких ТВ-шоу как «Early Edition», «Charmed», «Sliders», «Poltergeist: The Legacy». В числе его книг есть два исследования оккультизма — «The Fallen Angels and Spirits of the Dark» и «Raising Hell: A Concise of the Dark Arts and Those Who Dared to Practice Them» — и множество новелл: «The Spirit Wood», «Black Horizon», «Private Demons», «Vigil», а также новинка — «Bestiary». Его книги не покидают список бестселлеров «Los Angeles Times» и «USA Today», переведены на восемь языков, в том числе на шведский и корейский. Последние шесть лет Маселло преподает литературу в качестве приглашенного лектора в колледже МакКенна в Клермонте.

Джои О'Брайен — бывший кинокритик, ставший сценаристом. Работал, в частности, с «Austin Chronicle» и «Film Threat». Сотрудничал с такими известными фигурами, как Роджер Корман и Саммо Хунг, затем в Гонконге включился в работу над фильмом «Fulltime Killer» режиссера Джонни То. Фильм получил награду Golden Bauhinia от Ассоциации кинокритиков Гонконга, транслировался по всему миру и был награжден премией «Оскар» за лучший иностранный фильм. С тех пор у О'Брайена нет недостатка в заказах, он сотрудничает с разными компаниями, пишет

длинные и короткие сценарии для местных и зарубежных кинокомпаний. «Маловероятное спасение Джареда Пирса» — первый его опубликованный рассказ.

Джеймс Саллис — автор цикла о Лью Гриффине, биографии Честера Химса, переводчик романа Ремона Кено «День святого Жди-не-жди», шести других романов, сборников рассказов, стихов и эссе. Недавно вышли его книги «Драйв» («Нью-Йорк тайме» назвала ее «идеальным нуар-романом») и «Соленая Река» (третий и последний том серии о Тернере). Издан сборник рассказов «Картофельное дерево». Долгое время Саллис писал для «Boston Globe», его рецензии регулярно выходят в «Washington Post» и «L.A. Times», а также в ежеквартальном обзоре книг «F&SF».

Джон Харрисон начал карьеру, снимая рок-клипы и работая помощником известного режиссера хоррора Джорджа Ромеро («Ночь живых мертвецов»), Харрисон написал сценарий и поставил несколько эпизодов классического телесериала Ромеро, «Сказки темной стороны», затем работал над одноименным фильмом и получил за него премию Международного фестиваля фантастических фильмов в Авориязе. Харрисон является сценаристом и режиссером некоторых эпизодов для сериалов «Байки из склепа», «Земля-2» и «Профайлер» и участвовал в работе над постановкой мировых премьер для «USANetwork» и «Starz/Елсоге». Шестичасовой мини-сериал Харриса, адаптация мирового бестселлера «Дюна» Франка Герберта, получил премию Эмми. Харрисон написал сценарий для второго мини-сериала, «Дети Дюны», по двум следующим книгам Франка Герберта, и получил вторую премию Эмми за трансляцию на канале «SciFi». Харрисон участвовал в написании сценария для мультфильма «Динозавр» и недавно закончил адаптацию фэнтези «Абарат» для Диснея. Он же адаптировал для экранизации рассказ Баркера «Книга крови», которую будет режиссировать. Харрисон пишет сценарии для Роберта Земекиса, Ричарда Доннера и многих других, его работы удостоены премий от Гильдии писателей США, Хьюстонского международного кинофестиваля и Гран При в Авориязе.

Глен Хиршберг. Последняя коллекция его рассказов, «Американские идиоты», выпущена издательством «Earthling Press». Первый сборник под названием «Два Сэма» в 2003 году получил премию Международной гильдии ужаса. «Локус» и «Паблицерз викли» назвали сборник лучшей книгой 2003 года. Хиршберг писал и романы, «Дети снеговика» и «Сестры Байкала». Совместно с Дэннисом Этчисоном и Питером Эткинсом он основал «Rolling Darkness Revue», труппу, которая каждый октябрь путешествует по западному побережью США и исполняет постановки

разных ужасиков. Его рассказы издавались во многих журналах и антологиях, например в «The Mammoth Book of Best New Horror», «The Year's Best Fantasy and Horror», «Dark Terrors 6», «The Dark Inferno», «Tampoline» и «Cemetery Dance». Живет в пригороде Лос-Анджелеса с женой и детьми.

Барбара Хэмбли. Ее дебют в жанре фэнтези состоялся в 1982 году. С тех пор Хэмбли работала практически со всеми основными жанрами фэнтези: писала мистические исторические детективы, научную фантастику, «современный оккультный романс» для Арлекина, сценарии субботних утренних мультфильмов. Она продолжает работать в жанре фэнтези и исторического романа. Последней ее работой в жанре хоррора на данный момент является «Рэнфилд, раб Дракулы». Она росла на фэнтези и научной фантастике Южной Калифорнии. Барбара Хэмбли окончила Калифорнийский университет со степенью по истории Средних веков и черным поясом по карате. В 1971–1972 гг. она посещала университет Бордо и путешествовала по Европе. Затем в 1998 году вышла замуж за автора научной фантастики Джорджа Алека Эффингера и несколько лет жила в Новом Орлеане. Среди интересов Хэмбли — исторические исследования, танцы, пеший туризм и плотничное дело. Она овдовела и сейчас живет в Лос-Анджелесе в одном доме с мелкими хищниками.

Рэй Хэррихаусен — легендарный создатель спецэффектов. Всемирно признанный король кукольной анимации, волшебство которого принесло славу бесчисленному множеству кинорежиссеров и вдохновение целой армии создателей спецэффектов. Перечислить все работы Хэррихаусена мы просто не сможем, но напомним о начале его карьеры: «Могучий Джо Янг» 1949 года. Недавно Хэррихаусен добавил к списку своих достижений еще и писательскую деятельность: «Рэй Хэррихаусен: Анимированная жизнь» и «Искусство Рэя Хэррихаусена». Далее: он лично следил за раскрашиванием многих своих ранних работ для переноса их на DVD и разработал несколько серий комиксов на основании своих фильмов.

Гарри Шеннон — актер, певец, автор песен и номинант премии «Эмми», европейский актер, издатель нот, руководитель студии звукозаписи. Работал по контракту как режиссер звукозаписи на съемках таких фильмов, как «Основной инстинкт» и «Универсальный солдат». Шеннон — автор сценариев для фильмов «Трилогия ночи», «День памяти» и «Глаз горящего» Мика Каллахана, хоррора триллера «Давление тьмы». Недавно режиссер Йосси Сассон снял по его сценарию фильм «Мертвый и ушедший».

Питер Эткинс — автор романов «Momingstar» и «Big Thunder»,

нескольких новелл «Wishmaster and the Others». Он написал сценарии для фильмов «Восставший из ада-2», «Восставший из ада-3», «Восставший из ада: Кровное родство» и «Исполнитель желаний». Писал для журналов «Странные истории», «Фэнтези и научная фантастика», «Кладбищенская пляска», «Эпизоды», а также для антологий, которые получили несколько премий.

notes

Примечания

Пекинес Солнышко (Сан Ет Сен) принадлежал жене медиамагната Генри Слипера Харпера. Спасся с «Титаника» вместе с хозяевами на одной из первых шлюпок. *(Примеч. пер.)*

Даунтаун — слово, используемое в Северной Америке для обозначения центральной части города.

Бурлеск — здесь: разновидность развлекательного театрального представления.

Сати, Эрик Альфред Лесли (1866–1925) — французский композитор и пианист, один из реформаторов европейской музыки первой четверти XX ст.

Веберн, Антон (1883–1945) — австрийский композитор и педагог. Представитель так называемой «новой венской школы».

Шенберг, Арнольд (1874–1951) — австрийский композитор, теоретик и педагог, представитель музыкального экспрессионизма. Основоположник атональной музыки.

Мельес, Жорж (1861–1938) — французский предприниматель, режиссер, один из основоположников мирового кинематографа.

Лобби — здесь: вестибюль.

Чейни, Лон (1883–1930) — выдающийся американский актер немого кино, прославившийся способностью до неузнаваемости изменять свою внешность.

«Певец джаза» — музыкальный кинофильм, возвестивший об окончании эпохи немого кино. (Примеч. пер.)

Мохаве пустыня на юго-западе Соединенных Штатов Америки.

Великая зеленая стена: довоенный проект по высадке деревьев для защиты от опустынивания. *(Примеч. пер.)*

Серлинг, Род(1924–1975) — американский писатель-фантаст.

Элмо — кукла из детского телешоу «Улица Сезам».

Фу Манчу — литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером; воплощение зла, криминальный гений.

Кизи, Кен Элтон (1935–2001) — американский писатель.